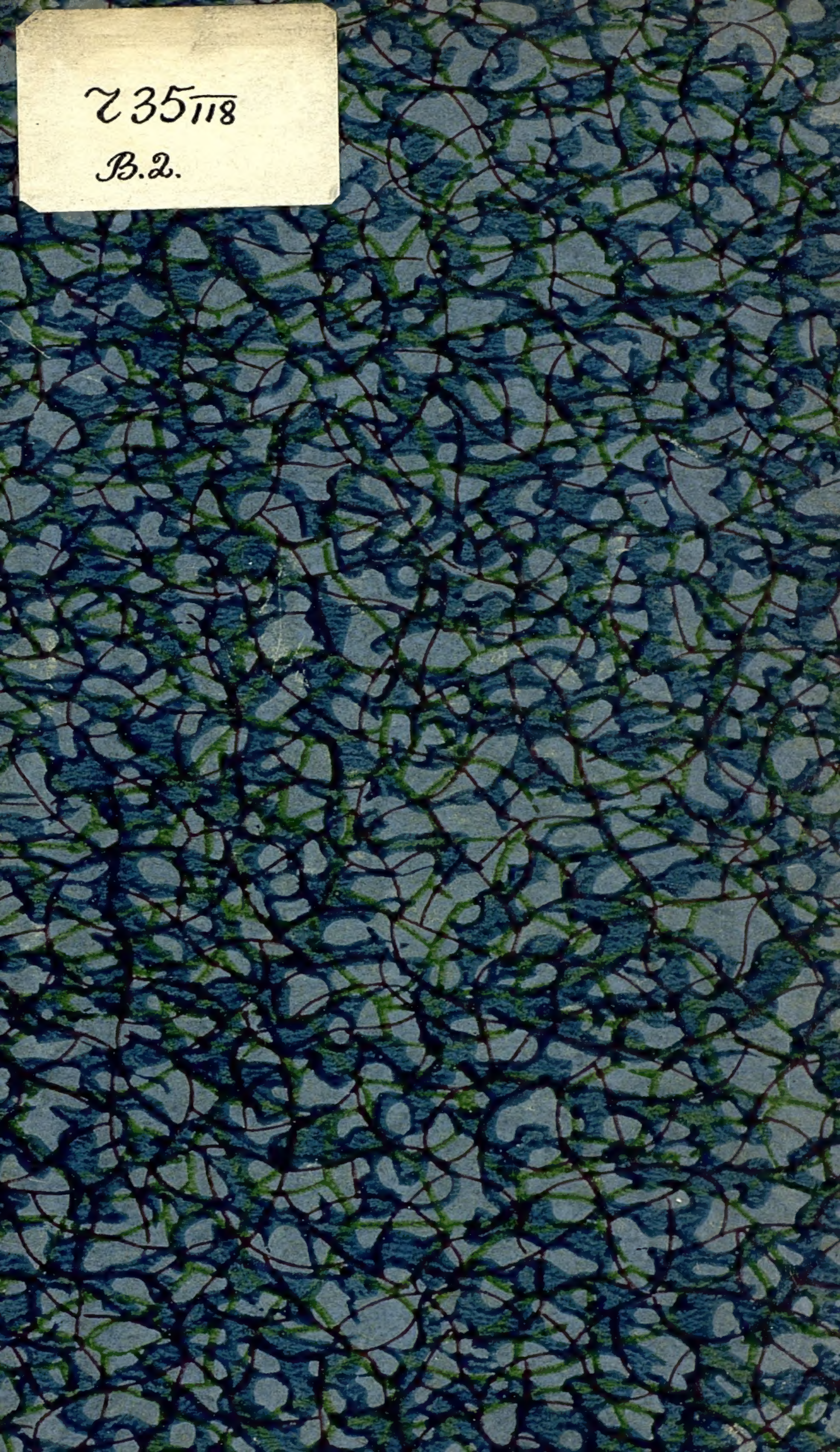

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ II

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и 25-ю рисунками въ текстѣ

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1905

Цѣна 60 коп.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—**2**) **Краткій молитвословъ** на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3**) **Псалтирь учебная**, въ бум. 25 к.—**4**) **Часословъ** учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—**5**) **Октоихъ**, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6**) **Церковно-славянская азбука**. Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—**7**) **Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ училищахъ съ примѣрами для чтенія изъ св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для учителей. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 20 к.—**8**) **Русскій букварь**. Для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе значительно исправленное и дополненное, въ бум. 12 к.—**9**) **Книга первая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ** и школахъ грамоты. Годъ первый обученія. Сост. Н. Ѳ. Одинцовъ и В. С. Богоявленскій, въ бум. 15 к.—**10**) **Книга вторая для чтенія** въ церковно-приходскихъ школахъ. Годы 2-й и 3-й обученія, въ бум. 35 к.—**11**) **Краткая исторія жизни Господа нашего Іисуса Христа** въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ бум. 5 к.—**12**) **Начальные уроки по Закону Божію**. П. С. Изданіе 8-е. Спб. 1899, въ бум. 5 к.—**13**) **Историческія чтенія изъ книгъ** Вотхаго Завѣта (на рус. яз.). Изданіе 4-е. Спб. 1897, въ бум. 15 к.—**14**) **То же**, на слав. яз., ц. 20 к.—**15**) Начатки христіанскаго ученія, въ бум. ц. 6 к.—**16**) **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, П. А. Смирнова, въ бум. ц. 15 к.—**17**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—Епископа *Агаѳодора*, въ бум. ц. 15 к.—**18**) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена*. Изд. 3-е. Спб. 1903, въ бум. 20 к.—**19**) **Обиходъ учебный** нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ. Москва. 1902, въ бум. 60 к.—**20**) **Краткое руководство** къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 25 к.—**21**) **Азбука хорового пѣнія**, съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіею. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 50 к.—**22**) **Касторскій**. Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—**23**) 1001 **задача для умственнаго счета**. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. С. А. Рачинскій. Спб. 1899, въ бум. 15 к.—**24**) **Программы**: а) для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ бум. 15 к., б) для второклассныхъ школъ, ц. 20 к. и в) для церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—**25**) **Правила и программы испытаній** по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одно-классной

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ ИСТОРІИ
ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ II

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

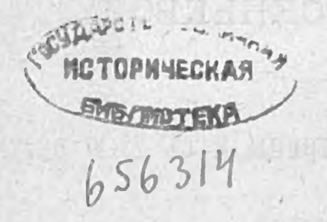
…ортретомъ Государыни Императрицы и съ 25-ю рисунками въ текстѣ

изданіе училищнаго совѣта при святѣйшемъ сунодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Ноября 1904 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

Утвержденіе Галицкой Руси за Ростиславичами на съѣздѣ русскихъ князей въ Любечѣ въ 1097 г.

Главными средствами къ сліянію славянскихъ племенъ на Руси въ одно сплоченное государственное цѣлое были: 1) раздача земель во временное владѣніе, какъ бы въ кормленіе, князьямъ изъ одного Рюрикова дома, подъ главенствомъ старшаго въ родѣ, кіевскаго великаго князя, и 2) утвержденіе православія, съ учрежденіемъ духовной іерархіи.

Любимый русскій князь—Владиміръ Красное Солнышко, добывъ кіевскій столъ по смерти старшихъ братьевъ, принялся,—вспоминая наставленія и труды своей мудрой бабки, святой княгини Ольги,—чинить порядокъ, законность, благоденствіе по лицу земли родной. Религія казалась ему лучшимъ проводникомъ добра и правды среди людей. Но разлагавшееся, само по себѣ, безпочвенное язычество не могло служить ни опорой, ни орудіемъ въ задуманномъ дѣлѣ. Кіевскій князь обратился въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ къ сосѣднимъ государствамъ. «Его острый

умъ», говоритъ кіевскій митрополитъ Иларіонъ, «его добрый смыслъ помогли ему постигнуть, что единъ есть Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго». Постигнувъ же это, онъ не только самъ воспринялъ ученіе объ Истинномъ Богѣ, во Святой Троицѣ прославляемомъ, но и сдѣлалъ вѣру православную господствующею во всемъ своемъ обширномъ государствѣ. Чтобы надежнѣе достичь своей цѣли, вѣрнѣе упрочить евангельскія истины добра и правды въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, мудрый правитель разослалъ повсюду своихъ многочисленныхъ сыновей «и съ ними посла священники, заповѣдая сынóмъ своимъ, да каждый въ области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть». Въ лѣтописяхъ, между прочимъ, есть извѣстія, что въ 981 году князь Владиміръ возвратилъ отъ поляковъ города—Перемышль, Червенъ и другіе, а въ 992 г. онъ ходилъ съ епископами на юго-западъ, училъ, крестилъ людей, и въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ (Волынскій) и деревянную церковь Богородицы.

При первомъ же распредѣленіи земельныхъ надѣловъ, равноапостольный князь назначилъ сына своего Всеволода владиміро-волынскаго править червенскими городами, очень, по-тогдашнему, отдаленными отъ Кіева, что и заставило князя Владиміра, вскорѣ послѣ крещенія Руси, учредить во Владимірѣ-Волынскомъ епископскую каѳедру.

Сынъ Владиміра, Ярославъ Мудрый держался отцовскаго же способа раздачи волостей въ Русской землѣ. Князья не правили постоянно одними и тѣми же участками. Они переходили по старшинству, наслѣдуя своимъ старшимъ родичамъ, изъ одного го-

рода въ другой. Кіевскій столъ считался великокняжескимъ и, по обычаю, принадлежалъ старшему въ родѣ. Черниговъ доставался второму по старшинству князю. Потомъ шелъ Переяславль, Владиміръ-Волынскій, Смоленскъ и другіе. Когда умиралъ кіевскій великій князь, ему наслѣдовалъ не сынъ его, а старѣйшій послѣ него, черниговскій державецъ. Того, въ свою очередь, замѣнялъ переяславскій.

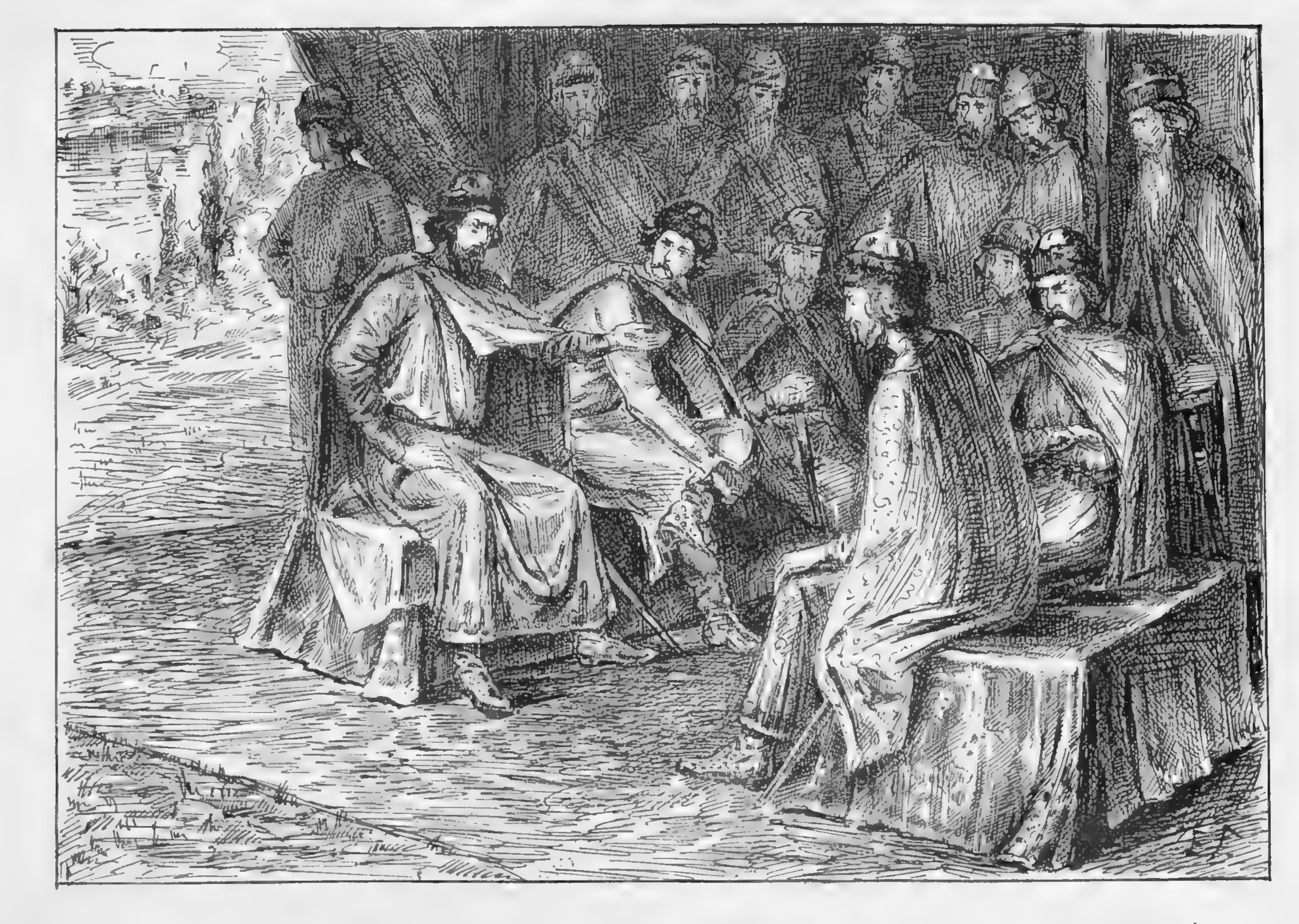
Изъ сыновей Ярослава Мудраго—старшій—Владиміръ, княжившій въ Новгородѣ, умеръ еще при жизни отца, не побывавъ такимъ образомъ на кіевскомъ столѣ. Выходило, что сыновья его лишались права на великокняжескій столъ и получали самый ничтожный земельный участокъ. Такіе князья назывались изгоями. Первымъ княземъ-изгоемъ въ нашей исторіи былъ Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго. Отважный, предпріимчивый, онъ самъ отвоевалъ себѣ во владѣніе Тмутораканъ. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда и подослали къ нему корсунскаго начальника. Ростиславъ принялъ его безъ всякаго подозрѣнія и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною и греческимъ посломъ. Взявъ чашу, посолъ сказалъ Ростиславу, что будетъ пить за здоровье князя, отпилъ половину, а въ остальную половину незамѣтно выпустилъ изъ-подъ ногтя ядъ и подалъ чашу Ростиславу, который и допилъ ее. Такъ погибъ отъ измѣннической руки клеврета греческаго императора Ростиславъ, не успѣвъ укрѣпить за своими сыновьями права наслѣдства въ излюбленномъ краѣ.

Шли годы, размножался княжескій родъ Влади-

міра и Ярослава и дѣлился на такое множество далеко росходившихся вѣтвей, что родовыя отношенія перепутывались до безконечности. Возникали все бо́льшія недоразумѣнія. Родные по вѣрѣ, языку, обычаямъ, князья не могли избавиться отъ застарѣлаго славянскаго порока, семейной распри—междоусобицы. Они не переставали «стряпать», по слову лѣтописца, «мѣстничество».

У дѣтей, внуковъ, правнуковъ Ярослава бывали попытки помочь этому великому горю. Такъ, въ 1097 году, старѣйшіе князья съѣхались въ Любечѣ.— «Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами?» говорили они. «А половцы радуются и разносятъ наше добро! Будемъ отнынѣ заодно: пусть каждый изъ насъ владѣетъ навсегда разъ доставшеюся отчиною».—Съ тѣхъ поръ, значитъ, князья могли безъ перехода, безъ перемѣнъ владѣть своими наслѣдственными землями, переходившими уже къ ихъ дѣтямъ. Съ тѣхъ поръ могли князья мирно работать надъ своими родовыми участками и заботиться о нихъ.

Еще раньше съѣзда, кіевскій великій князь Всеволодъ Ярославичъ, по прозванію Правый, позаботился о двоюродныхъ своихъ племянникахъ, изгояхъ Ростиславичахъ. Старшій, Рюрикъ, умеръ, но Володарь и Василько получили въ удѣлъ Теребовль, Перемышль, Звенигородъ, всю червенскую землю и юго-западный и сѣверо-восточный склоны Карпатъ,—однимъ словомъ, все пространство по верхнему теченію Днѣстра и Прута. Это географическое положеніе позволило галицкому княжеству развить и упрочить свою самостоятельность, когда и помину еще о таковой не могло быть въ остальныхъ русскихъ княжествахъ.

Съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ, въ 1097 году. (*Къ стр. 4*).

На Любечскомъ съѣздѣ галицкая земля была снова утверждена за Ростиславичами.

Отъ Карпатскихъ горъ и прозрачныхъ водъ Сана, по венгерской границѣ, и до самой Кубани, гдѣ черныя горы подпираютъ облака, носились галицкіе князья со своими храбрыми ратями. Не было удержу ихъ лихой предпріимчивости. Дикіе половецкіе таборы бѣжали безъ оглядки отъ побѣдоносныхъ галицкихъ ратей. Случалось и младшимъ князьямъ взывать къ старшимъ родичамъ о защитѣ противъ родственныхъ удальцовъ, которые только и признавали старшинство дядей, первенство Кіева: они ходили къ великому князю на поклонъ, принимали участіе въ семейныхъ ссорахъ князей-родичей, почитали родную святыню, часто посѣщали Печерскую обитель. Многочисленные храмы и монастыри галицкой земли были въ постоянномъ сношеніи съ колыбелью правовѣрія Руси. Духовенство заботилось о своихъ пасомыхъ и въ хижинѣ бѣдняка, и въ княжескихъ палатахъ,—усердно проповѣдывало оно правду и любовь среди людей! Князья же увлекались ратной удалью. Не разъ призадумывались кичливые ляхи, сварливые венгры и половецкіе хищники, прежде чѣмъ поднять оружіе на галицкихъ храбрецовъ. Не при такихъ князьяхъ можно было ослабить галицкую державу, отторгнуть хотя бы часть ихъ общихъ владѣній.

Хорошо понимая это, сильно не долюбливали Ростиславичей ихъ ближайшіе сосѣди: волынскій державецъ Давидъ Игоревичъ и самъ великій князь кіевскій Святополкъ-Михаилъ. Державцы еще только разъѣзжались послѣ любечскихъ совѣщаній; Василько, отпустивъ своихъ людей съ обозомъ, хотѣлъ

только заѣхать помолиться у гроба родителей, когда его настигли посланцы великаго князя съ просьбою заѣхать къ Святополку. Сильно не хотѣлось Ростиславичу сворачивать съ пути. Онъ торопился домой, чтобы скорѣе вести свои дружины на ненавистныхъ ляховъ, а тутъ заминка. Но дѣлать нечего, приходилось, послѣ сильныхъ отговорокъ, согласиться. Ему доказывали, что неудобно обидѣть отказомъ старѣйшаго родича, да—къ тому же—наканунѣ его именинъ. Противъ воли, скрѣпя сердце, повернулъ коня Ростиславичъ. У самыхъ воротъ великокняжескаго двора къ нему быстро подбѣжалъ стремянный.—«Удержись, княже любимый! Не въѣзжай!» шепталъ онъ, запыхавшись. «Чую, готовится здѣсь что-то недоброе; право слово, не безъ того». На минуту сдержалъ коня юный витязь,—призадумался.—«На все воля Божія», вымолвилъ онъ, крестясь, и въѣхалъ на красный дворъ. Встрѣча была честная. Великій князь привѣтствовалъ дорогого гостя. Но въ глаза ему не смотрѣлъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его злой учитель,—волынскій Давидъ Игоревичъ. Неловко становилось Святополку въ разукрашенной гриднѣ. Онъ вышелъ. Давидъ молчалъ. Какъ ни злостенъ, завистливъ былъ его нравъ, а, все же, совѣсть прорвалась, заговорила. И онъ вышелъ. А изъ сосѣднихъ горницъ ввалились слуги великаго князя, напали, осилили безоружнаго гостя и, послѣ геройскаго сопротивленія, связали его, заковали и насильно втолкнули въ погребъ.

На другой день Святополкъ собралъ бояръ своихъ на совѣтъ: жаловался имъ, сообщалъ слухъ о томъ, что Василько хотѣлъ его извести, и что онъ изъ предосторожности, для собственной безопасности,

долженъ былъ заточить своего родича. Совѣтники были осторожны, нерѣшительны. Святополкъ настаивалъ, опираясь на доводы Давида.—«Если правду показываетъ волынскій князь, то галицкій родичъ виноватъ», нехотя твердили они. «Тебѣ, княже, надобно беречь голову свою. Но если Давидъ неправду доказываетъ, то получитъ наказаніе отъ Бога». Русское духовенство, всегда кроткое, миролюбивое, вступилось за теребовльскаго державца, моля Святополка о помилованіи, выставляя его невинность. Великій князь чуть-было не уступилъ ихъ горячимъ мольбамъ. Но злостный Давидъ стоялъ на своемъ, запугивая Святополка ни на чемъ не основанными подозрѣніями относительно мнимаго вѣроломства Василька.—«Ослѣпи его, а не—то оба мы пострадаемъ,—не княжить ни тебѣ, ни мнѣ!» Слабодушный Святополкъ поддался. Василька скованнаго увезли въ Бѣлгородъ, за 23 версты отъ Кіева. Тамъ самымъ лютѣйшимъ образомъ его ослѣпили. Замертво истекающаго кровью кое-какъ завернули въ коверъ и, бросивъ въ повозку, отправили во Владиміръ-Волынскъ по ужасной, кочковатой осенней дорогѣ.

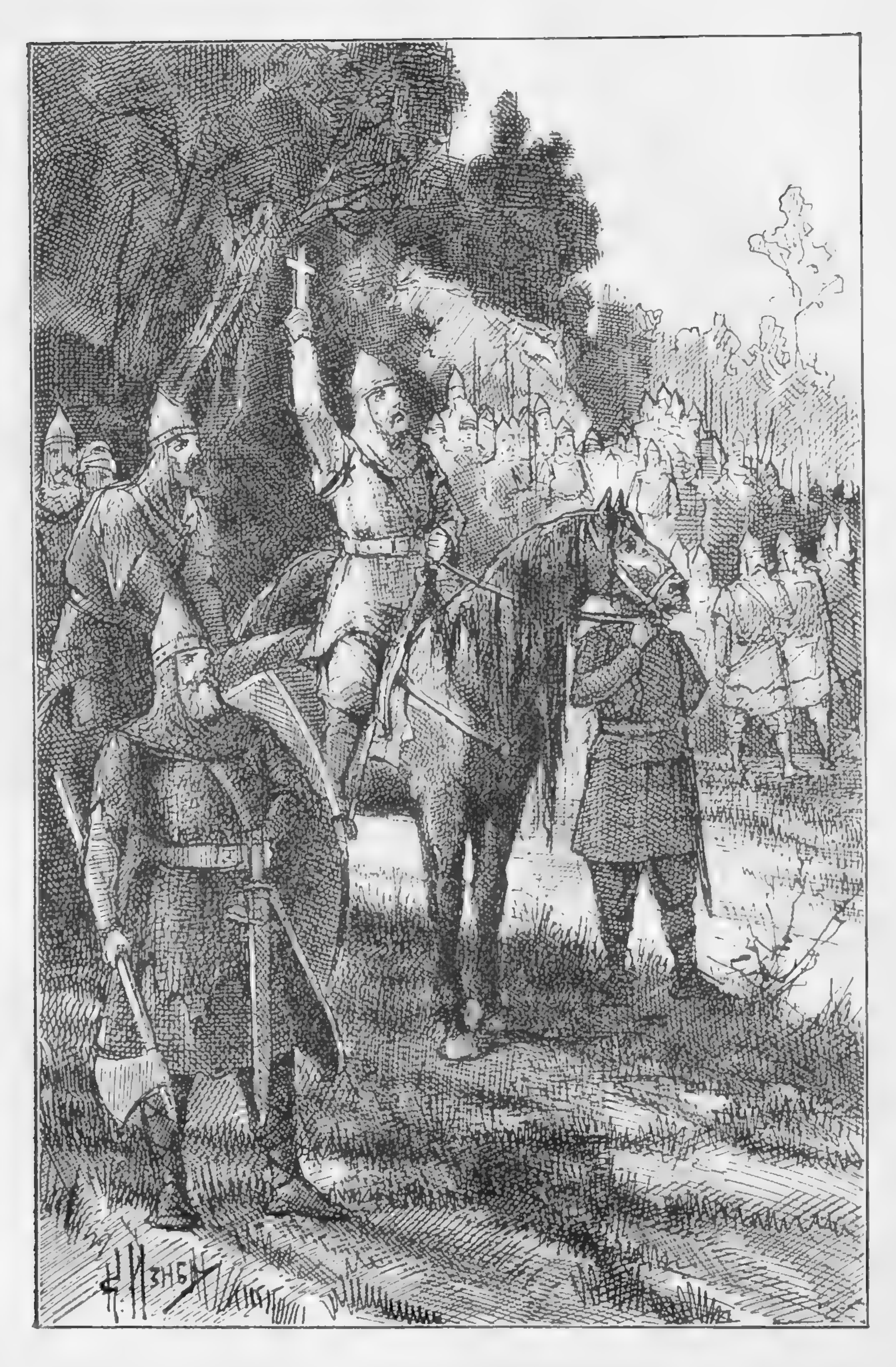
На перепутьи стражѣ захотѣлось отдохнуть и пообѣдать. На узникѣ вздумали смѣнить окровавленное бѣлье. Кровавая сорочка была снята съ Василька, вымыта, высушена и вновь на него надѣта. Василько очнулся отъ громкаго плача надъ нимъ хозяйки дома.—«Гдѣ я?» прошепталъ онъ.—«Въ Здвиженскѣ», послышался отвѣтъ. Тогда онъ попросилъ пить и, напившись, опамятовался совершенно. Пощупавъ свою рубашку, онъ сказалъ: «Зачѣмъ сняли ее съ меня? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ на судъ предъ Богомъ».

Послѣ шестидневнаго мучительнаго переѣзда, страдальца довезли до Владиміра. Давидъ уже ждалъ его и засадилъ въ тюрьму, за надежные запоры, нарядивъ 30 человѣкъ для охраны драгоцѣннаго узника.

Съ быстротою молніи пронеслась роковая вѣсть по лицу земли родной. Встала Русь съ своими князьями судить преступныхъ державцевъ. Русскій Соломонъ—Владиміръ Мономахъ—во главѣ родичей подступилъ къ Кіеву, требуя отъ великаго князя отчета. Трусливый Святополкъ уже собрался бѣжать въ Польшу къ князю Владиславу Герману, дядѣ своему по матери.

Неповинные кіевляне, испугавшись гнѣва союзниковъ, отправили къ нимъ торжественное посольство, прося пощады городу. Во главѣ шелъ самъ митрополитъ Николай, сопровождаемый вдовою почившаго великаго князя Всеволода Праваго,—мачехою Владиміра Мономаха. Плача, упала она на колѣни передъ пасынкомъ: «Не губите го́рода! Отцы ваши и дѣды великимъ трудомъ соблюли Русскую землю. Воюйте съ погаными, а не между собою!»

Лица не стало на Владимірѣ. Ради слезъ княгини, которую почиталъ за мать родную, выронилъ онъ мечъ изъ руки своей и снялъ осаду съ города.—«Правда», воскликнулъ онъ, обращаясь къ прочимъ князьямъ, «наши отцы и дѣды много потрудились, чтобы соблюсти Русскую землю цѣлу, а мы ее только губимъ постоянными своими раздорами».—Князья согласились, отступили, но подтвердили единогласно, чтобы Святополкъ самъ наказалъ Давида Игоревича по дѣламъ его. Тотъ, устрашенный нависшей надъ нимъ бѣдою, выдалъ своего злосчастнаго плѣнника

Передъ началомъ боя, слѣпой Василько выѣхалъ передъ врагомъ, высоко поднявъ золотой крестъ. *(Къ стр. 9).*

брату его, Володарю Ростиславичу, а владимірцы выдали Ростиславичамъ тѣхъ слугъ Давида, которые были исполнителями его злой воли. Ростиславичи, заключивъ миръ, на другое утро велѣли казнить смертью выданныхъ злодѣевъ и отошли отъ Владиміра. У Давида князья отняли большую часть его земель. Только неугомонный, завистливый Святополкъ не могъ оставить въ покоѣ галицкихъ державцевъ. Ему хотѣлось завладѣть хоть частью ихъ земель. Въ 1099 г. галицкіе князья-братья были вынуждены выступить въ поле, чтобы защититься отъ нападенія дяди.

Прежде чѣмъ начать кровопролитіе, слѣпой Василько выѣхалъ предъ врагомъ, высоко поднявъ надъ головою золотой крестъ и говоря: «Ты еще въ Любечѣ цѣловалъ этотъ святой залогъ христіанской любви и незлобія, въ знакъ мира между всѣми нами; потомъ ослѣпилъ меня! Теперь снова идешь на насъ войною, пусть же онъ насъ разсудитъ!» Войска сразились. Бой родственныхъ ратей былъ ужасенъ. Галичане крѣпко стояли за своихъ князей.—Святополкъ бѣжалъ въ Кіевъ, разбитый на голову. Но вражды своей онъ не оставилъ! Не постыдился послать къ зятю своему Коломану, королю венгерскому,—просить помощи. Мадьярскія полчища уже подошли къ Перемышлю и стали по рѣкѣ Вагру. Володарь заперся въ городѣ. На счастье, съ другой стороны подоспѣлъ раскаявшійся Давидъ и его другъ, половецкій ханъ Бонякъ, съ своими полками. Несмотря на всѣ усилія угровъ, имъ пришлось снять осаду и отступить въ большомъ безпорядкѣ. Бонякъ бросился за ними,—Володарь сдѣлалъ удачную вылазку,—враги бросились бѣжать и, торопясь,—какъ мухи, тонули въ окровавленныхъ водахъ Сана и Вагра.

Среди убитыхъ нашли тѣло католическаго епископа Купана, всюду сопровождавшаго короля Коломана.

До самой смерти (1124 г.) братья жили дружно, оберегая родную Галицію отъ кіевскихъ неурядицъ, умѣло пользуясь ими на благо своихъ подданныхъ. Но, послѣ ихъ кончины, поднялась и на берегахъ Сана старая славянская невзгода. Сыновья Володаря, Ростиславъ и Владимірко, не жили въ мирѣ. Владимірко возсталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году, и началась между ними жестокая борьба изъ-за областей. На помощь первому явился великій князь Мстиславъ Владиміровичъ,—Владимірко же согрѣшилъ передъ Богомъ и родиной,—позвалъ на нее венгерцевъ! Никакіе совѣты и увѣщанія близкихъ, духовенства, бояръ не дѣйствовали: Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли. Большею частію онъ дѣйствовалъ ловкостью, хитростью, не смотрѣлъ на клятвы. Съ Ростиславомъ ему не удалось сладить, но, когда тотъ умеръ, Владимірко взялъ себѣ обѣ области—перемышльскую и теребовльскую, не подѣлившись съ родичами наслѣдствомъ. Вслѣдствіе этого онъ всю жизнь велъ съ ними жестокую борьбу. Несмотря на то, что Владимірко отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, онъ умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и оставить сыну могущественное княжество; съ нимъ считались сосѣди, дорожа его дружбой, избѣгая вражды.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи. Владимірскій періодъ.
3) *Н. М. Павловъ.* Русская Исторія отъ древнихъ временъ. Т. I.

Галичъ при Владимірке Володаревиче.

ВЕСЕЛО поднимается яркое солнышко изъ-за береговъ Ламницы, изъ-за лѣсовъ Сокола и Комарова, освѣщая обширную галицкую землю. По полямъ и лугамъ засверкала, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, утренняя плодотворная роса. Легкій вѣтерокъ, проснувшись, понесся по дремучему бору, и заворчали подъ его нѣжнымъ привѣтомъ вѣковые великаны. Заливаясь звонкой пѣсnью, откликнулись тысячи пташекъ, разнося по сосѣднимъ холмамъ и лугамъ свой радостный привѣтъ наступившему дню. А тамъ, за боромъ, подпирая синѣющую даль своими мрачными вершинами, поднимаются сторожевые Карпаты, точно заслоняя собою дорогу лихому сосѣду съ запада.

Только не радуетъ вся эта божья благодать хмурыхъ сельчанъ изъ Темерова! Куда до зари поднялся бѣдный людъ! Со страхомъ, пожалуй, со злобою, толпятся они вокругъ ставки княжихъ мужей, понаѣхавшихъ изъ Галича судить, рядить, слово правды вы-

сказать этимъ смердамъ *) отъ имени князя-державца Владимірка Володаревича.

За родную область и народъ свой всей душой стоитъ ловкій и хитрый князь. Не даетъ онъ въ обиду свою державу. Не допускаетъ посягнуть на права, преимущества своего Галича, на умаленіе хотя бы пяди земли, хотя бы тѣни своей власти въ ряду русскихъ князей-родичей! Не разъ съ оружіемъ въ рукахъ, во главѣ галицкихъ полковъ ходилъ онъ помогать самому великому кіевскому князю, когда тотъ одинъ не могъ справиться со строптивыми родственниками. Внутреннія же дѣла, въ свое отсутствіе, онъ поручалъ вѣдать старѣйшимъ боярамъ, тіунамъ да тысяцкимъ. Строго онъ наказывалъ, чтобы они пеклись о народномъ благополучіи, чинили судъ правый, нелицепріятный, не обижали смерда, не брали лишней виры **), по-божески пѣстовали галицкую землю.

Бѣда стряслась въ Темеровѣ. Тамъ въ лѣсу мертвое тѣло было найдено. Изъ Галича княжіи мужи понаѣхали. Судъ станутъ чинить, спрашивать—да и виры собирать. Чему же тутъ радоваться бѣдному люду? Стоятъ, молчатъ, ждутъ своей участи, когда выйдутъ бояре, потребуютъ отвѣта.

А въ палаткѣ между тѣмъ вирникъ ***), протирая глаза, обратился къ своимъ товарищамъ: «вонъ солнышко ужъ встало, а мы еще лбовъ не перекрестили».— «Давно не сплю, княжъ человѣкъ, уже утреннюю псалтирь всю прочиталъ», отвѣтилъ худой, изморен-

*) Смерды—свободные простолюдины, не состоящіе на службѣ у князей, поселяне.

**) Вира—плата, установленная за веденіе дѣла въ судѣ.

***) Вирникъ—старшій чиновникъ.

ный, желтый съ лица человѣкъ, по одеждѣ писецъ, почтительно передавая старшему на пергаментѣ отъ руки переписанную псалтирь. Третій чиновникъ преспокойно еще нѣжился на мягкихъ подушкахъ и коврахъ, повидимому, мало заботясь о молитвѣ и о княжескомъ порученіи. Но старшій сталъ подниматься да и его поднимать.—«Чу, братіе, за шатромъ, слыхать, ужъ пошевеливаются. Видно, до зари собрались смерды,—чуютъ свой грѣхъ превеликій. Идемъ, идемъ княжеское повелѣніе исполняти». Съ этими словами праведные судьи торжественно вышли къ народу. Величаво снялъ вирникъ свою шапку, перекрестился и громкимъ голосомъ заговорилъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь! Се великій и благовѣрный князь Владимірко слыхалъ, что совершилось на вашей землѣ убійство человѣка, и се молвитъ онъ вамъ такъ: выдайте мнѣ, какъ сказано въ древней притчѣ, того татія и разбойника, что руку поднялъ на брата своего!» Толпа заколыхалась, затопталась на одномъ мѣстѣ; вздыхали женщины, что-то ворчали старики въ свои сѣдыя бороды, но отвѣта долго не давали. Судьи смотрѣли, разглядывали: молодой крутилъ свой длинный усъ, мечникъ теребилъ остатки повылѣзшей ужъ бороды. Вирникъ кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, переминался съ ноги на ногу, стараясь придать грозный видъ своему благодушному лицу. Но вотъ задвигалась громада, изъ-за нея съ трудомъ протискался видный, худой, высокій, весь сморщеный старикъ. Совсѣмъ лысый, ни волоса не видать на головѣ. Только густыя брови торчали, прикрывая пару злющихъ, блестящихъ глазъ.

Безпрерывно подергивая беззубымъ ртомъ, онъ пронзительно, нервно сталъ выкрикивать.—«Рады бы

выполнить волю благую нашего державца. Знаемъ и то, что полегъ человѣкъ головою на нашей землицѣ. Только знать не можемъ, кто злодѣй-убивецъ. Надо ждать, когда, по Божьей волѣ, онъ объявится».

Толпа сочувственно заволновалась. Одобрительно закивали тысячи головъ. Удивился вирникъ, началъ доказывать, что если сельчане заставятъ ихъ пробыть въ деревнѣ дольше вечера, то имъ же будетъ тяжело: съ нихъ потянутъ виры на расходы, «какъ это водится по старинѣ и стоитъ написано въ «Русской Правдѣ», гдѣ укрыватели, какъ участники преступленія, облагаются пеней.

— «Княжъ мужъ», поднялъ снова старикъ свой крикливый голосъ, «мы этого не пріймаемъ, зане то, княжъ мужъ, не старина!» Опѣшили судьи. На умъ не приходилъ имъ такой окрикъ. Съ любопытствомъ допытывались они узнать, что же они считаютъ стариною?

— «У насъ есть исконная ненарушимая старина. Её намъ дѣды наши пересказали, когда еще въ Червени и Плѣсниску сидѣли владыки земли, а Галичъ былъ еще таковъ вертепъ, какъ теперь наши Теме-ровцы. А что ты молвилъ, княжъ мужъ, то варяжская правда, ея отцы наши не знали и не принимали.... Мы снѣдь для князя даемъ исправно: овесъ съ нашихъ полей и бобра, и бѣлку, и рыбу водъ нашихъ на галицкій городъ, и весною лѣсъ плавимъ по Днѣстру. Это наша старина. Твоей же виры мы не знаемъ, зане то не старина, а отъ варягъ изъ-за морей къ намъ пришло, со всѣмъ зломъ, неправдой, насиліемъ, когда стали поблажать всякому, кто только отмолится или откупится. У насъ же сѣкли за дурное, и страхъ зналъ всякій человѣкъ. И не было у насъ воровъ, и замковъ къ дверямъ не навѣшивали.

Знать не можемъ, кто злодѣй-убивецъ. Надо ждать, когда, по Божьей волѣ, онъ объявится.

(Къ стр. 14).

Родители въ строгости добру учили дѣтей, и старшина угрозою обуздывалъ законопреступника. И добро было! Конечно, и наша старина была не безъ порока, да гдѣ же пшеница безъ куколя, дерево безъ сучка? Нашъ народъ служилъ солнцу и огню и отвергалъ все дурное, потому что не причастна тьма къ свѣту. Теперь же преступниковъ допрашиваютъ и тѣмъ раздуваютъ ложь. Чѣмъ больше лжи, тѣмъ больше и счетовъ. Къ Богу вопіетъ порокъ, а слѣдователи это и любятъ. Это имъ приноситъ доходъ. Сторона жъ бѣднѣетъ. Откуда набрать ей этихъ доходовъ? Дажбогъ плодитъ богатство: хлѣбъ, медъ, рыбу, лѣсъ; но деньга не отъ него. То лютый даръ отъ черныхъ преисподнихъ силъ! Его привозитъ намъ хищный гость въ худомъ мѣшкѣ, забирая за то полныя телѣги нашего добра. А то и хуже: лютый ростовщикъ дастъ въ долгъ на короткій срокъ, а какъ не уплатишь,—забираетъ нашихъ дѣтей въ рабство... Плохо приходится, княжъ мужъ, бѣднякамъ отъ тѣхъ денегъ. Вотъ вамъ и ваша вира: развѣ можетъ платить неповинный человѣкъ за виноватаго?—Варяжская правда не для славянскаго разума! По нашему: сродникъ мсти за убитаго, зубъ за зубъ, голова за голову. Пусть убійцу убьетъ или съ нимъ помирится, какъ Богъ поможетъ. А въ это дѣло никому не надо вступаться! Мы вѣрные слуги князю Владимірку и тебя также, его мужа, почитаемъ, но виры той за голову убитаго не дадимъ, зане мы его не убивали, и то не наша старина».

Въ эту минуту изъ толпы выдвинулся коренастый, рыжій парень, съ рѣдкой бородой, низкимъ хмурымъ лбомъ и бѣгающими глазами.—«А я знаю, кто его убилъ!» неожиданно заявилъ онъ, вставъ передъ вир-

никомъ. — «А ты знаешь», торжественно заговорилъ тотъ, «что обвинитель долженъ быть трезвъ, искрененъ, добросовѣстенъ, какъ говорится въ притчѣ: языкъ праведнаго возглаголетъ судъ? Погоди, братъ, потяну я тебя къ отвѣту!» И, обернувшись къ писцу, добавилъ: «ну, теперь пиши! Дѣло началось. Смотри же, пиши четко, большими буквами, безъ титловъ, князь, знаешь, ихъ не любитъ; только не замарай, онъ самъ уголовное дѣло смотрѣть будетъ. Перо то хорошо ли? Я буду говорить, а ты старайся, пиши лучше, чтобы князю угодить. Да не пиши лишнихъ словъ. Онъ любитъ краткость! Ну! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! По князя велѣнію, потрудихомся въ селеніи, нарицаемомъ Темеровцы, и обрѣтохомъ тутъ тѣло жестоко убитаго человѣка». И, обернувшись къ народу, спросилъ: «ну, а какъ его имя?» — «Имя? да какъ имя?» послышалось въ толпѣ, «извѣстно, не боярское! Когутомъ кликали, а родился тотъ Барсуковичемъ».

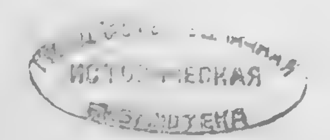
— «А занимался-то онъ чѣмъ?»

— «Да чѣмъ-же? Жилъ, якъ зналъ и якъ Богъ далъ», отвѣчали поселяне.

— «Какъ такъ? было же у него какое ремесло, плотника что ли, или медовара, или рыболова? Промышлялъ же онъ кой-чѣмъ?» — «Промышлялъ онъ, господинъ нашъ». Додумались, наконецъ, отвѣчать. «Промышлялъ, какъ по временамъ и по божьему попустительству попадало. Не всегда-жъ ловятъ рыбу? А покойный дѣлалъ, что зналъ и какъ ему былъ жребій отъ Бога: пахалъ, сѣялъ, а когда не было дѣла, ну такъ тогда ничего не дѣлалъ,—жилъ, какъ зналъ. А то и по лѣсу скитался».

— «Такъ онъ просто былъ смердъ,—сѣялъ пшено и

бобы, ѣлъ и занимался хлѣбопашествомъ. Ну и пиши: искали мы убійцу, чтобы принялъ онъ наказаніе по винѣ своей, да не нашли его, потому что скрылся отъ лица судей праведныхъ. Тогда взяли мы книгу «Русскую Правду» на разсмотрѣніе, и по ея статьѣ объявили деревню, т. е. темеровецкихъ смердовъ, виновными за голову своего человѣка и наложили на нихъ строгую виру. Они же спорили и не давали ея. Особливо упорствовалъ одинъ человѣкъ. Онъ поддерживалъ смуту въ толпѣ, говоря, что мы дѣйствуемъ по варяжской правдѣ, а не по ихней, и потому намъ не надо повиноваться. Его зовутъ»... Тутъ вирникъ, обращаясь къ старику, спросилъ: «а какъ тебя зовутъ?» — «Какъ зовутъ? Меня какъ зовутъ, я не знаю».— «Да какъ твое имя?» — «Не знаю».— «Развѣ же онъ не крещенъ?» —обратился вирникъ къ толпѣ.— «А кто его знаетъ?» отвѣтила вся громада, чуть не въ одинъ голосъ. Потомъ, торопясь, перебивая другъ друга, они начали объяснять, что этотъ старикъ не изъ ихъ селенія, что онъ давно, давно, ужъ никто и не запомнитъ, какъ давно у нихъ поселился. Они всѣ его очень любятъ, такъ какъ онъ очень добрый, лжи не любитъ, за ложь наказываетъ, вызывая съ неба неурожай на поля лжецовъ, правдивымъ же, наоборотъ, помогаетъ, призывая во время плодотворный дождь. Оттого его и прозвали «Попустидождь».— «Какъ? да такого-же имени нѣтъ въ святцахъ?» — «А намъ какое дѣло до того, что нѣтъ? Мы люди бѣдные, худые! Вотъ онъ и теперь насъ не даетъ въ обиду! Добрый старикъ, вѣщій старикъ! Попустидождь!» Толпа волновалась. Вирникъ переговаривался со своими людьми. Они видѣли, что толку имъ отъ этой бѣдноты не добиться, виновнаго не найти,—только время тратится

по пустому.—«А вира то какъ же?»—сталъ ворчать писецъ.—«Ну, вотъ такъ и сказалась твоя наемная душа!» воскликнулъ младшій, «какая ужъ вира отъ этой голодьбы!»—Вирникъ согласился, что съ такихъ бѣдняковъ грѣхъ брать виру. Но, для очистки совѣсти и чтобы угодить князю, рѣшилъ еще разъ попытаться узнать убійцу.—«Скажите-ка вы мнѣ, Божіи люди, гдѣ здѣсь у васъ церковь стоитъ, гдѣ попъ живетъ,—хочу его повидать».

— «Церковь? попъ?»—опять разомъ завопила громада. «Ни! отъ вѣка таковыхъ не бывало!» Даже руками замахали, чтобы яснѣе дать понять, что у нихъ ни церкви, ни священника не имѣется. Совсѣмъ растерялись слѣдователи; всѣ трое начали спрашивать: «да кто же васъ креститъ? кто учитъ? кто погребаетъ?»—«Научаютъ насъ, княжъ-мужъ», услышали они отчетливый отвѣтъ, «наши отцы—матери, крестится, кто гдѣ захочетъ, а погребаетъ насъ отшельникъ, что̀ въ дуплѣ сидитъ, у насъ въ вертепѣ, когда ему захочется, а не то и сами гребемъ по старинѣ. А попа и не хотимъ. Ему не сжить въ нашихъ дебряхъ! Все одно,—уйдетъ. Не нужно и церкви».—«Какъ? что? да развѣ вы язычники? Да развѣ можно, чтобы подъ державой благочестиваго князя Владимірка Володаревича была такая худая сторона—безъ церкви, безъ священника, безъ слова Божьяго? Да развѣ по сосѣдству нѣтъ боярина? Хоть бы онъ вамъ церковь поставилъ».—«Какъ не быть, есть бояринъ, нашъ бояринъ! Да гдѣ ему церковь ставити! Онъ такой же простецъ, какъ и мы. Бываетъ, что съ нами по сполу *) рыбу ловитъ, иногда по селу за капустеннымъ квасомъ

*) По сполу—по равной долѣ.

посылаетъ и того у насъ не всегда достанетъ. У него только и боярства, что одинъ конь и одинъ соколъ, да и тѣхъ ужъ приморили порядкомъ. Одна дочь постриглась, сынъ въ свѣтъ—пошелъ, слышимъ, по Дону съ бродниками ходитъ. Охъ, княжъ-мужъ, тяжело жити въ нашихъ дебряхъ, не выдержалъ бы ты и мѣсяцъ одинъ».

Совсѣмъ растерялись отъ этой искренней, но грустной отповѣди галицкіе служилые люди. Знаютъ они, какъ князь печется о благоденствіи своихъ подданныхъ, а тутъ вдругъ такой случай! Церкви нѣтъ, во всей округѣ не крещены, пожалуй, цѣлыя тысячи. Какъ же поднести ему такое дѣло на прочтеніе? Онъ же самъ уголовныя дѣла читаетъ, провѣряетъ приговоры. И безъ того теперь у него на душѣ тяжело. Кіевскій великій князь Всеволодъ II Ольговичъ разбилъ его рати подъ Теребовлемъ. Ему пришлось отступить! Слыхать, онъ все сносится съ братомъ Всеволодовымъ—Игоремъ, чуть ли не дары посылаетъ, лишь бы отстоять галицкіе родные города Ушицу и Микулинъ, а тутъ ему сказать, что церкви Божіей нѣтъ, и бѣднота, и чуть не язычество держится на его землѣ.

Не на шутку задумался вирникъ. Трудная была задача.—«Вотъ, что я надумалъ, братія», заговорилъ онъ, наконецъ, «порѣшимъ мы съ этой судной грамотой! пусть будетъ по ихъ обычаю, по старому. Пусть объявится убійца, когда Господь велитъ! Мы же, вмѣсто судной грамоты, напишемъ-ка отъ ихъ имени грамоту-же, да другую, просительную, милостную. Пиши, мечникъ, пиши, брате, да смотри,—пиши чисто, кратко: «Господинъ великій князь Владимірко Володаревичъ! Если бы ты, князь великій, призрѣлъ на чадъ твоихъ въ Темеровцахъ, гдѣ отъ первовѣка нѣтъ

ни церкви. ни священника, и гдѣ отъ глада душевнаго и тѣлеснаго въ беззаконіяхъ погибаемъ! Если бы ты, князь великій, воздвигающій по всѣмъ землямъ твоимъ церкви—во славу Бога всемогущаго и въ память княжескому роду твоему, происходящему отъ кесаря Августа,—подражая дѣду своему Владиміру и Константину Благовѣрному, построилъ бы храмъ святый и въ Темеровцахъ да тѣмъ поставилъ чадъ твоихъ на крѣпкія ноги! Нѣтъ у насъ въ мірѣ семъ на кого надѣяться, кромѣ тебя, отца нашего! Мы же сами, бѣдные въ нашихъ дебряхъ, живемъ и умираемъ въ нищенствѣ и слѣпотѣ душевной. Если бы ты, князь великій, далъ намъ и священника къ церкви, мудраго строителя по закону Божію и зиждителя нашимъ душамъ во спасеніе!»

Громко прочитавъ сосредоточенно-слушавшей толпѣ написанное отъ ея имени прошеніе, вирникъ спросилъ, кто къ нему хочетъ руку приложить, и за тѣмъ добавилъ, что, когда грамота будетъ подписана, онъ увѣренъ, будутъ у нихъ и церковь и священникъ. Поселяне чего-то точно боялись, не шевелились, а, можетъ быть, и дѣйствительно не было между ними грамотнаго. Рѣшительнымъ шагомъ двинулся тогда худощавый, высокій старикъ. Весь трясясь, какъ на пружинахъ, онъ чуть не легъ всѣмъ тѣломъ на столѣ и, видимо, отъ глубины души подписался подъ грамотой.

— «Се я подписалъ именемъ всѣхъ васъ», заговорилъ онъ, обращаясь къ толпѣ, «нельзя же жить безъ Бога! безъ Его правды одно зло человѣку!»— «Буди такъ, буди такъ!» послышалось въ отвѣтъ.

— «Да! нуженъ вамъ священникъ, который бы училъ васъ правдѣ, добру, любви другъ къ другу,

а не укрывательству преступленія», говорилъ назидательнымъ голосомъ вирникъ. Его сзади легонько потянулъ младшій слѣдователь. Пока читалось и подписывалось краснорѣчивое прошеніе, онъ не стерпѣлъ, пошелъ посмотрѣть мертвое тѣло, и въ величайшемъ испугѣ отскочилъ. На тѣлѣ были ясные слѣды обжога. Мертвый лежалъ ничкомъ подъ деревомъ, тоже, съ обожженными сучьями. Спѣшно вернулся юноша, стараясь быть незамѣченнымъ, подошелъ къ вирнику и началъ ему объяснять видѣнное. Тотъ, крестясь, пошелъ къ тѣлу, которое, конечно, начало уже разлагаться. Но слѣды опаленія были ясны. За вирникомъ двинулись и смерды, впереди ихъ шелъ старикъ.—«А вотъ и не укрылась отъ лица Божія правда-то!» закричалъ онъ, оглядываясь на судью и народъ. «Вонъ рана, опаленная ударомъ молніи, а не нанесенная рукою человѣческою. Вотъ и нареканіе съ темеровцевъ снято,—хвала Богу Превеликому!» повторялъ онъ, чуть не пляша отъ радости, «вотъ и виры давать не надоть!»

— «Кто говоритъ о вирѣ!»—вспыхнувъ, съ сердцемъ сказалъ младшій слѣдователь. «Теперь мѣсту сему храмъ нуженъ, въ которомъ бы вы Бога неумолчно благодарили за Его неизреченную милость къ вамъ! Да и пастырь нуженъ мудрый, добрый, чтобы поучалъ васъ помнить милость Божію, проповѣдывалъ бы вамъ вѣру въ Бога, любовь, милосердіе къ ближнему, непоколебимую преданность и покорность князю многомилостивцу!»

Послѣ этого мудрые слѣдователи направили выборныхъ изъ темеровцевъ въ стольный городъ—повергнуть челобитную къ стопамъ великаго благочестиваго державца галицкой земли.

Князь въ это время слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось среди его родичей-князей, въ землѣ Русской. Умеръ великій князь кіевскій Всеволодъ II Ольговичъ, въ августѣ 1146 года; смерть его подняла кровавую бурю во всей землѣ, борьбу—Мономаховичей и Ольговичей за кіевскій столъ, а послѣ и борьбу Мономаховичей,—Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ. Хитрый Владимірко съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за сосѣдними неурядицами. Онъ соображалъ, что чѣмъ будетъ слабѣе южная Русь, тѣмъ сильнѣе станетъ его родной Галичъ. Изъ Мономаховичей Юрій Долгорукій и особенно сынъ его Андрей—были нестоль опасны Владимірку, какъ Изяславъ, потомучто были равнодушны къ югу и тяготѣли къ сѣверу. Притомъ же сынъ и наслѣдникъ Владимірка, князь Ярославъ, несмотря на молодость, былъ уже женатъ на дочери Юрія. Все это давало поводъ галицкому державцу поднять свой голосъ въ сосѣднихъ дѣлахъ не за младшаго Мономаховича-Изяслава, а за Юрія и другихъ старшихъ Мономаховичей. Всѣ знали искусство Владимірка постоять и словомъ и дѣломъ въ спорахъ и распряхъ. Славный мечъ его, конечно, съ честью поддержитъ его хитрыя рѣчи. Въ 1150 году онъ двинулъ свои силы прямо на Кіевъ и выгналъ оттуда Изяслава, положительно опаснаго для Владимірка и по уму и по преданности къ нему народа. Потомъ принялся поддерживать, направляя въ свою пользу, свару родичей. На Волыни, пользуясь сумятицей, возникло еще нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ владѣльцевъ. Это дѣленіе было какъ разъ съ руки Владимірку. Онъ занялъ безъ боя Прилуки, Бужскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойницы. На бѣду его, враги примирились: Изяславъ сошелся съ дядею Вячесла-

вомъ, и они вмѣстѣ разбили и прогнали Юрія изъ Кіева, укротили Ольговичей, вступили въ союзъ съ венграми, временными врагами Галича, и пошли къ Перемышлю.

Около этого города войска Изяслава и венгерскаго короля Гейзы, зятя Изяславова, обратили въ бѣгство полки галицкіе. Самъ Владимірко, убѣгая отъ венгровъ, чуть было не попалъ въ плѣнъ и едва успѣлъ скрыться въ Перемышлѣ. Этотъ городъ былъ бы тогда непремѣнно взятъ, потому что некому было отстаивать его; но, къ счастью для Владимірка, за городомъ на лугу находился княжескій дворъ, гдѣ было много всякаго добра,—туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко, окруженный врагами, рѣшился выпутаться изъ бѣды обычными своими пріемами—хитростью и обманомъ. Онъ притворился, что жестоко раненъ, что лежитъ при смерти, и рѣшился дѣйствовать, надѣвши на себя эту личину.

Въ палаты княжескія идутъ мужи именитые, друзья самые близкіе.

Бояринъ Избигнѣвъ Ивановичъ, самый преданный слуга князя, стоитъ у изголовья. Тихо, никому не слышно переговаривается съ мнимо-болящимъ державцемъ, потомъ беретъ ключи подъ изголовьемъ князя и уходитъ во внутренніе покои.

А въ ночь тотъ же бояринъ съ навьюченными лошадьми изъ княжескихъ конюшенъ отправился въ венгерскій станъ, въ ставку самого короля. Владимірко, видя бѣду, послалъ къ королю просить мира. Въ то же время отправилъ онъ къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ много даровъ—золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и платья цѣннаго, чтобы они просили короля не губить его, не

выдавать Изяславу. Посолъ Владимірка отъ имени мнимо-больного князя своего повелъ мирныя рѣчи съ королемъ, съ архіепископомъ и воеводами. Онъ говорилъ о смертельной болѣзни своего державца, который въ послѣдней битвѣ жестоко раненъ и лежитъ при смерти; говорилъ о юности его наслѣдника, о страхѣ галичанъ подпасть подъ владычество Кіева. Наконецъ передаетъ онъ, будто бы предсмертную, просьбу галицкаго князя къ венгерскому королю—взять его единственнаго сына подъ свою крѣпкую защиту, пока тотъ не взойдетъ въ возрастъ. Архіепископъ и воеводы, подкупленные Владимíркомъ, склоняли короля въ пользу послѣдняго. Призадумался король. Ужъ очень хорошія слова говорилъ посолъ. Вѣски были заманчивыя предложенія. Кто знаетъ, что выйдетъ изъ юноши? Времени много впереди. Галичъ-то ближе къ Венгріи, чѣмъ къ Кіеву! Объ этомъ стоитъ поразмыслить, тѣмъ болѣе, что немного и нужно для удовлетворенія просьбы умирающаго: только упросить Изяслава снять осаду, оставить родича умереть спокойно.

Только Изяславъ сталъ упираться,—зналъ онъ своего двоедушнаго родственника! Не довѣрялъ коварному галицкому князю. Но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ: поневолѣ долженъ былъ начать переговоры. Изяславъ потребовалъ возврата своихъ южныхъ городовъ — Прилукъ, Бужска, Тихомля, Шумска, Гойницъ. Когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлять цѣловать крестъ человѣка, который играетъ клятвой. На это король отвѣчалъ: «Если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ говорю,

что либо голову свою сложу, либо добуду галицкую землю». Изяславъ согласился. Торжественное посольство отправилось изъ лагеря въ городъ къ мнимо-умирающему князю. Тотъ притворился, что ему ужъ безразличны мірскіе счеты: сынъ его отданъ подъ мощную опеку венгерскаго короля, и одного лишь спокойствія жаждетъ мятущаяся душа его предъ смертью! О забвеніи, прощеніи, примиреніи говоритъ онъ съ послами. Смиренно цѣлуетъ крестъ, поднесенный ему кіевскимъ бояриномъ Петромъ Бориславичемъ, и достигаетъ цѣли! Враги отошли отъ стѣнъ Перемышля. Снята осада. Не видно болѣе непріятельскихъ палатокъ! Вздохнули полной грудью галичане. Вскорѣ разнеслась молва, что на радость, на счастье ихъ всѣхъ, и самъ князь Владимірко сталъ оправляться отъ недуга, что уже встаетъ съ одра болѣзни! Онъ цѣлъ, здоровъ, бодръ, какъ прежде, мощный вождь родной галицко-русской земли!

Общей радостью воспользовались смѣтливые вирники изъ Темерова. Въ счастливую минуту подвели они смердовъ, просившихъ себѣ церкви да добраго пастыря.

Заботливый и прежде, князь теперь съ особенной радостью выслушалъ скромнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ. Послалъ къ нимъ надежныхъ строителей, давъ денегъ на постройку церкви. Самъ выбралъ священника къ новому храму. Даже поѣхалъ охотиться въ ту сторону, въ дремучіе темеровскіе лѣса, и самъ лично убѣдился, какую пользу народу приносятъ его правительственныя заботы о подданныхъ, его ревность къ просвѣщенію ихъ свѣтомъ христіанскаго ученія.

ИСТОЧНИКИ:
1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.

Первые дни княженія Ярослава, прозваннаго Осмомысломъ.

1154 г.

СЪ ВЕСНЫ и до самаго Покрова свирѣпствовалъ страшный моръ въ деревняхъ и поселкахъ, принадлежавшихъ богатому, знатному галицкому боярину Чагору. Вымирали цѣлыя селенія. Народъ въ страхѣ и отчаяніи бѣжалъ въ сосѣдніе лѣса, спасаясь отъ чумы; бросалъ зараженныхъ родныхъ и близкихъ умирать безъ помощи, въ страшныхъ мученіяхъ, не рѣшаясь даже погребать умершихъ.

Одинъ только нашелся Божій старецъ Аввакумъ, который понялъ христіанскій долгъ и взялъ на себя тяжелое бремя могильщика. Безъ устали, день и ночь копалъ онъ широкія, глубокія ямы, складывалъ туда десятками мертвыя тѣла, покрывалъ ихъ толстыми слоями сырой земли и ставилъ надъ могилами высокіе деревянные кресты, усердно припѣвая своимъ, еще мощнымъ, голосомъ: «Со святыми упокой!» Поляна въ лѣсу скоро покрылась множествомъ новыхъ

бѣлыхъ крестовъ. Все грустнѣе заглядывалась на это разраставшееся кладбище вѣрная спутница благочестиваго труженика, ни на шагъ не разстававшаяся съ нимъ. Заботливая, любящая жена старалась по возможности умѣрить опасное рвеніе старика.—«Не надрывайся, болѣзный», твердила она, «подумай, кто насъ-то съ тобою похоронитъ? кто крестъ надъ могилой воздвигнетъ? Поостерегись, хоть малость! Береженаго самъ Богъ бережетъ!» Все чаще и чаще твердила старуха, стараясь отвлечь благого труженика отъ опасной работы. Наконецъ, онъ и самъ пріусталъ. Въ самый день Покрова, по обычаю, помолясь, вышелъ онъ на свой трудъ; но, не найдя больше причины продолжать свой христіанскій подвигъ, сталъ ударять желѣзнымъ молотомъ въ доску,—пробуя такимъ образомъ,—не услышитъ ли кто изъ несчастныхъ лѣсныхъ скитальцевъ его призывнаго звука.

Какъ тѣни, повыползали изъ чащи, изъ-за болотъ и холмовъ похудѣвшіе, измореные бѣдняки съ вопросомъ, чего отъ нихъ требуетъ благодѣтель ихъ, радѣтель за всѣхъ дорогихъ, но страшныхъ покойниковъ.—«Кланяюсь вамъ, братья-други, оставшіеся въ живыхъ, и прошу подмоги для вашего же спасенья! Попустилъ Господь на насъ и смерть за грѣхи наши! Не прославляемъ мы Его Святое Имя, по христіанскому обряду. Все у насъ иновѣрцы. И Перуну, и Волоху, и Вилламъ-сестрамъ куръ и хлѣбы приносимъ подъ деревомъ, или надъ водами, а церкви Богу единому еще донынѣ не построили, хотя лѣсу то у насъ довольно. Сей ночью было мнѣ чудное видѣніе. Я видѣлъ Пречистую Богородицу съ церковью въ рукахъ, а передъ Ней шли два ангела,

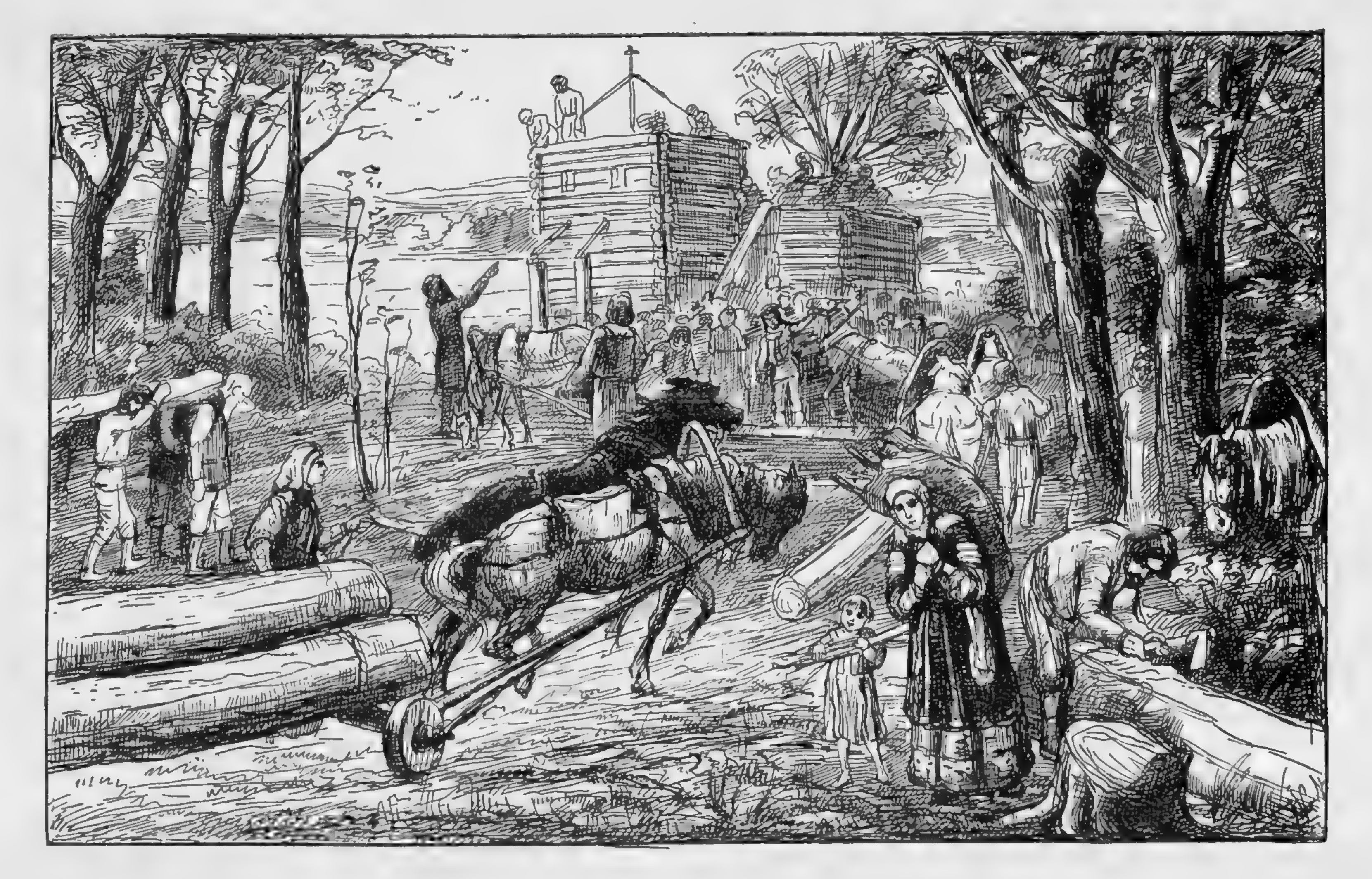
точно мѣсто искали. На томъ холмѣ, между липами, они остановились, и тутъ Пречистая Богородица изъ рукъ своихъ церковь на землю опустила. Тутъ, братія, церкви и быти! Ступайте-ко по полуночи всѣ въ лѣсъ, молодые и старые, мужи и жены, и, кто только живъ остался, рубите деревья,—да завтра къ вечеру, однимъ днемъ, церковь и постройте! Умилосердился бы Господь надъ грѣшнымъ міромъ, взялъ бы тяготу и печаль отъ насъ, за молитвы Его Пречистой Матери!»

— «По полуночи въ лѣсъ, всѣ въ лѣсъ, до малаго отрока!» закричали громко други-братья, «да умилосердится Господь надъ нами, за молитвы Преблагой Дѣвы, Матери Своей!»

И вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, пала на колѣни, поднимая руки горѣ, и запѣла въ одинъ голосъ: «Подъ Твою милость прибѣгаемъ!»

Ожилъ дремучій боръ, весь наполнился торопливыми работниками. Затрещали вѣковые великаны подъ ударами острыхъ топоровъ. Говоръ людской, ржаніе лошадей спугнули звѣрей, дикихъ обитателей непроходимой чащи. Женщины, дѣти, старики шли помогать работникамъ, кто какъ и чѣмъ могъ. Къ вечеру на опушкѣ лѣса, надъ рѣкой, стояла готовая церковь. По просьбѣ Аввакума, самъ епископъ съ клиромъ пріѣхалъ изъ Галича освятить ее, помолиться на огромномъ кладбищѣ. Онъ привезъ въ даръ и благословеніе удрученнымъ горемъ прихожанамъ—дорогую, блестящую икону Божіей Матери.

Торжественно было богослуженіе, восторженно молитвенное настроеніе народа, густой толпой тѣснившагося и въ храмѣ и вокругъ него. Въ открытыя окна и двери вырывались умилительные звуки чудныхъ пѣснопѣній и благодарственныхъ молитвъ на-

Къ вечеру на опушкѣ лѣса, надъ рѣкой, стояла готовая церковь. *(Къ стр. 28).*

рода, славившаго Господа за свое спасеніе Всевышнимъ Покровомъ отъ злой, мучительной смерти.— Ни одного заболѣванія не приключилось со дня богоугодной постройки.

По окончаніи службы, владыка вышелъ изъ церкви, благословляя народъ, и остановился въ тѣни подъ липою. Богомольцы тѣснились вокругъ духовнаго архипастыря съ непокрытыми головами, жадно внимая каждому слову его.—«Вотъ благословили мы вамъ, чада мои о Господѣ, первую церковь на Чагорской землѣ *). Да покроетъ Царица Небесная Святымъ Своимъ Покровомъ ваше тихое селеніе отъ всякой недоброй язвы и да сохранитъ въ васъ вѣру въ сильную помощь Всевышняго, надежду на Его безмѣрное милосердіе и любовь къ миру, порядку, труду. Но кто же будетъ учить, наставлять и укрѣплять васъ на пути спасенія, кто будетъ священствовать въ вашемъ храмѣ? Если есть у васъ на примѣтѣ такой человѣкъ, укажите мнѣ его, чтобы я, благодатію Святаго Духа, поставилъ его вамъ въ пастыря и учителя».—«Аввакумъ Станило!» какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила толпа, «одинъ онъ достоинъ этого!»— повторяли на всѣ лады.

— «Не двоеженецъ ли онъ?» спросилъ владыка.

— «Ни, ни, то—Божій человѣкъ, единой супруги мужъ».

— «Не ростовщикъ?» былъ второй вопросъ.

— «Нѣтъ, владыко святой, не ростовщикъ,—праведный, какъ Іовъ».

— «Читать хорошо умѣетъ?»

— «Да еще какъ хорошо-то, владыко! Рѣдко можно

*) Владѣніе боярина Чагора.

найти даже монаха, который могъ бы такъ читать!»

— «И пѣть умѣетъ?»

— «Поетъ по ирмолóю, какъ птичка небесная».

— «Гдѣ же онъ? пусть подойдетъ!»

Толпа разступилась и стала подталкивать Аввакума. Сѣдой, немного сгорбленный, но здоровый, крѣпкій старикъ, лѣтъ пятидесяти, неохотно выдвигался.

— «Ну, съ виду, ты, братъ, не казистъ», заговорилъ епископъ, положивъ на плечо его руку, «но благодать Божія всесильна, велика! Она дастъ тебѣ силу на святой трудъ. Приходи ко мнѣ въ Галичъ, въ филипповки, посвящу тебя въ священники въ Чагоръ».

Съ тѣхъ поръ болѣзнь какъ рукой сняло. Стали процвѣтать прихожане новаго храма. Видимо, Покровъ Пресвятой Богородицы сохранялъ отъ зла и напасти отца Аввакума и его набожныхъ прихожанъ. Въ праздники народъ спѣшилъ со всей округи къ своей святынѣ. Молились пламенно, радовались безмѣрно, но и тужили вмѣстѣ съ батюшкой о бѣднотѣ церкви. Мѣстныхъ средствъ, конечно, не было. Приходилось собирать по лицу земли православной. На помощь батюшкѣ и приходу объявилась бѣдная старушка, не вѣдомо—когда и какъ попавшая въ деревню. Жила она на самомъ выѣздѣ, въ лачугѣ безъ оконъ и дверей, побираясь Христовымъ подаяніемъ. Знала чуть не всю галицкую землю—и монастыри, и боярскія усадьбы, и зажиточныхъ купцовъ. Отъ Сана до Днѣпра знали старушку и охотно жертвовали на любимую ею церковку, такъ чудесно спасшую отъ вымиранія всю округу.

— «Дайте мнѣ, отцы святые, доброхотцы мило-

стивые, часословъ для моей, для Чагорской церковки! я же вамъ грибковъ и орѣшковъ въ сосѣднемъ лѣсу понаберу».

И давали чернецы часословъ, дѣлились своими тогда еще небогатыми книжными сокровищами.

— «Боярыня милая, жалостливая, пташечка, рукодѣльница золоторукая, сшей петрахиль моему батюшкѣ, да серебряною ниткою пробери. Будетъ онъ молитвою поминать твоихъ дѣдовъ, прадѣдовъ, да и за родителей, и за тебя помолится».

И всѣ давали и обѣщали еще давать, прося молитвъ за себя и за родныхъ своихъ, въ чудесномъ храмѣ, отъ всѣми чтимаго батюшки! Его же угнетала пуще всего забота,—какъ бы пріобрѣсти напрестольное св. Евангеліе. Тогда это была очень дорогая вещь, такъ какъ печатныхъ книгъ еще не было, церковныя же писались отъ руки на пергаментѣ. Много труда и времени шло на такую переписку. И хотя тогда уже водились переписчики на Руси, но книгъ бѣднымъ церквамъ, все же, недоставало. Только въ монастыряхъ да у богатыхъ людей можно было ихъ видѣть. Они были щедры и охотно разсылали свои книги въ даръ бѣднымъ сельскимъ церквамъ.

Къ чему не побудитъ, на что не подвигнетъ любовь къ церкви Божіей, радѣніе о ея благолѣпіи? Смиренный, застѣнчивый, чуть не трусливый о. Аввакумъ такъ горячо стремился пріобрѣсти для своего новаго храма св. Евангеліе, что даже рѣшился на подвигъ, пошелъ въ Галичъ поклониться самому князю, повергнуть къ его стопамъ свое смиренное, но пламенное моленіе. Князь Владимірко славился щедростью и книжнымъ богатствомъ. Зналъ церковный уставъ тверже наилучшаго дьячка, а церковные

ка́ноны не хуже самого епископа. Во время службы церковной стаивалъ онъ на клиросѣ, въ своей Спасской церкви, и пѣлъ, какъ самый лучшій пѣвчій. Только по шапкѣ можно было отличить его отъ другихъ богомольцевъ, такъ какъ, по тогдашнему обычаю, князья стояли въ церкви съ покрытыми головами.

Ужъ ночь спускалась надъ Галичемъ, когда нашъ батюшка добрался, на своей лошадкѣ, до стольнаго города. Молясь на церкви Божьи, проѣхалъ онъ городскія ворота; вдругъ, въ необычный часъ, пронесся въ ночной тиши заунывный ударъ колокола. Пробудились мирно спавшіе галичане: крестясь, вставали съ постелей и недоумѣвали, что это за благовѣстъ? А удары вновь печально повторялись...

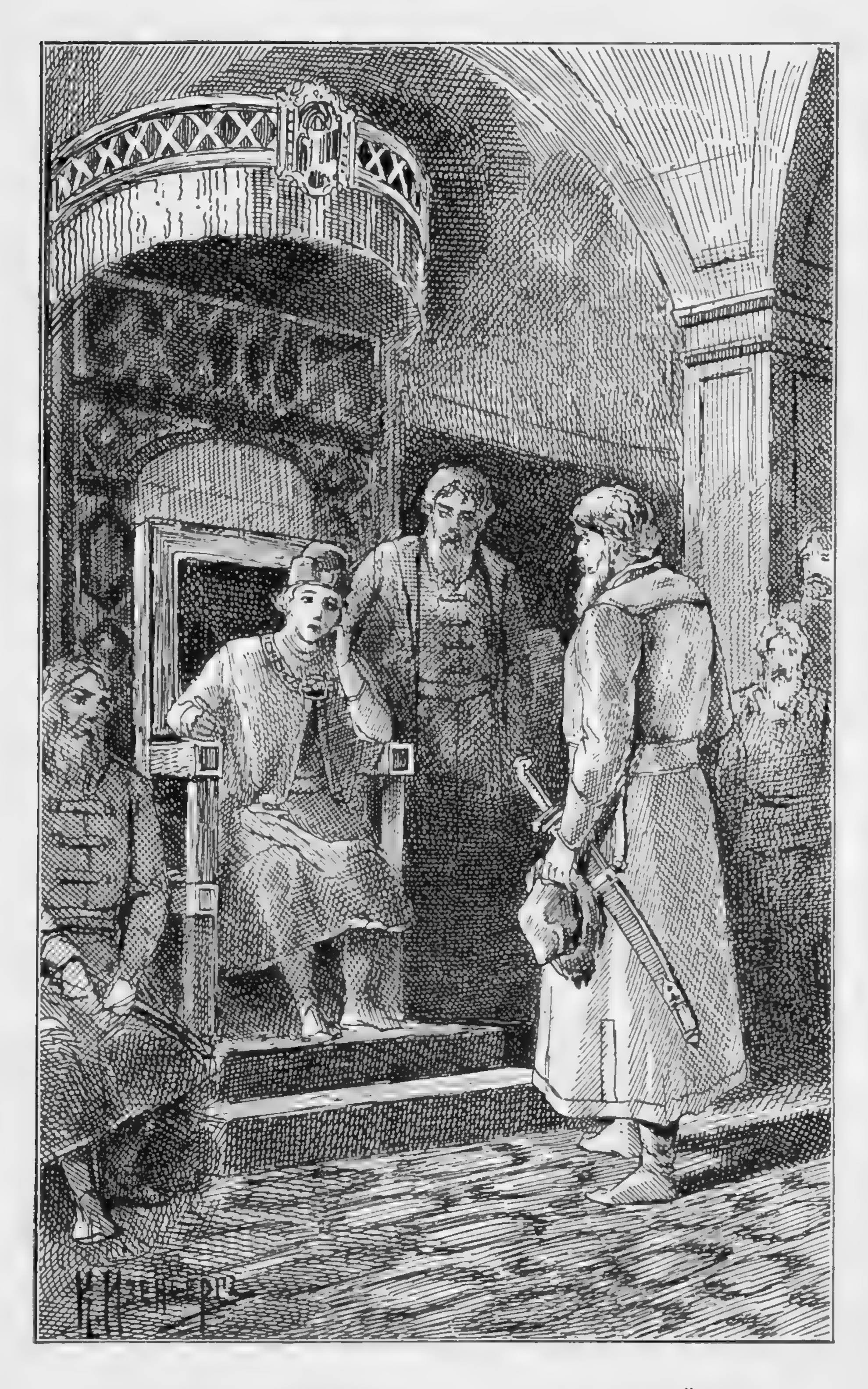
Еще вечеромъ многіе видѣли, какъ князь ихъ, проводивъ пословъ Изяслава, шелъ изъ терема въ придворную церковь Спаса, къ вечернѣ. Замѣтили и то, что въ это же время съ крутого холма, на которомъ гордо высился кра́сивый Галичъ, кіевскіе послы спускались къ Днѣстру, понуря головы, безъ почетныхъ проводовъ: — знать, не отдали имъ Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ и Гнойницы. Если же князь ихъ живъ, то что же значитъ этотъ необычный благовѣстъ,—о комъ онъ приглашаетъ молиться, кого́ поминать? Но вотъ миновала ночь, занялась заря, и по тихимъ улицамъ, къ княжескимъ палатамъ, потянулось духовенство изъ нижняго города, отъ соборнаго храма во имя Пресвятой Богородицы и изъ обители св. Іоанна. Сомнѣнія не могло уже быть; скончался ихъ князь,—его не стало! Осиротѣла галицкая земля! Толпа повалила на княжій дворъ и—вдругъ остановилась, точно ее хватилъ

ударъ. Изъ красныхъ воротъ проскакали сквозь толпу три всадника, княжьи оруженосцы, въ черныхъ одеждахъ, и держали путь по слѣдамъ кіевскихъ пословъ.—«Да, въ село Большово, что на лѣвомъ берегу Днѣстра, держатъ путь всадники».—«Никакъ, пословъ-то ворочаютъ?» заговорила, загудѣла толпа. Дрогнули галичане.—«Что же будетъ съ нами?»—«Господи, взмилуйся! И князь умеръ, и пословъ ворочаютъ. Знать, испугались, отдаютъ то, что нашъ милостивецъ не хотѣлъ отдавать». Взвылъ Галичъ отъ мала до велика. На панихидахъ по умершемъ князѣ все громче и громче раздавались рыданія, стоны, сѣтованія.

Тѣмъ временемъ кіевскій посолъ, бояринъ Петръ Бориславичъ торжественно возвращался съ ночлега, изъ села Большова, гдѣ провелъ ночь, куда и ѣздили за нимъ посланцы. Крѣпко ломалъ свою голову умный вельможа. Оруженосцы, ихъ кони были въ печальномъ убранствѣ, но, кромѣ приглашенія вернуться, отъ нихъ ничего не могъ онъ добиться. Вихремъ примчались, какъ вихрь, и назадъ понеслись черные вѣстники загадочныхъ словъ. «Ужъ возвращаться ли?» мелькнула мысль у кіевскаго посла. Но разуменъ былъ бояринъ. Осторожно, да все же пошелъ назадъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, только про себя держа свою заботливую думу. На улицахъ стоялъ народъ, не то печальный, не то хмурый, молча косясь на посла—кіевлянина. У воротъ дворца сторожа и служители были одѣты въ черныя одежды. Перекрестился Петръ: «Господи, да кого же не стало?» И вспомнилъ онъ, какъ еще вчера надменный Владимірко отказался выполнить данное королю венгерскому и Изяславу, князю кіевскому,—свое обѣщаніе, подтвержденное крестнымъ цѣлованіемъ.

Торжественно распахнулись передъ кіевскимъ посломъ двери княжеской палаты. На томъ мѣстѣ, гдѣ, за сутки передъ этимъ, князь галицкій Владимірко Володаревичъ сказалъ тому же кіевскому боярину Петру: «Пока живъ, ничего не отдѣлю отъ своихъ земель», сидѣлъ его сынъ, юный Ярославъ Владиміркoвичъ, въ черномъ платьѣ и въ черной шапкѣ, окруженный духовенствомъ, боярами въ черныхъ же одѣяніяхъ. По стѣнамъ висѣли луки, стрѣлы, мечи и рога звѣриные, да на желѣзномъ обручѣ сидѣлъ соколъ, и около него стояли княжескіе отроки. Увидя посла, князь залился слезами. Царствовало глубокое молчаніе. Великокняжескій посолъ опустился на поданное сидѣніе и спросилъ о причинѣ всеобщаго горя. Ему отвѣчалъ епископъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ и, принесенный во дворецъ, скончался.—«Да будетъ воля Божія!» сказалъ Петръ: «всѣ люди смертны»... Тогда Ярославъ, собравшись съ силами и точно слѣдуя обычаю, повелъ къ послу великаго князя рѣчь.—«Мы желали сами возвѣстить тебѣ о семъ несчастіи. Поклонись и скажи отъ меня отцу моему Изяславу, что Богъ взялъ у меня родителя,—проси его, да будетъ онъ мнѣ вмѣсто отца. Онъ вѣдался съ моимъ отцомъ, и Богъ разсудилъ. Вражда ихъ кончилась. Я наслѣдовалъ княженіе, полки и дружину своего родителя, одно лишь копье поставлено у гроба его, да и то будетъ отнынѣ въ рукѣ моей. Кланяю-му-ся *), да приметъ меня, какъ своего сына Мстислава; пусть Мстиславъ идетъ съ одной стороны возлѣ стремени

*) Кланяю-му-ся,—выраженіе древней лѣтописи,—кланяюсь ему.

Собравшись съ силами, юный владѣтель галицкой земли повелъ рѣчь къ кіевскому послу. *(Къ стр. 34).*

его, а я, вмѣстѣ со всѣми моими полками, съ другой стороны» *). И на этомъ отпустилъ посла.

Ярославъ, или, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, бояре его—только манили Изяслава, чтобы выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владиміркомъ. Это заставило кіевскаго князя пойти въ другой разъ на Галичъ (1153 г.). Сначала онъ настойчиво требовалъ возвращенія городовъ кіевскихъ и, когда получилъ рѣшительный отказъ, созвалъ на помощь сына, братьевъ, Черныхъ клобуковъ **) и пошелъ на Ярослава. У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярослава. Галицкіе бояре высказали юному князю свою преданность. Предъ битвой они окружили его, говоря: «Ты молодъ, побереги себя! Твой отецъ насъ кормилъ и миловалъ, мы изъ благодарности къ нему положимъ за тебя наши головы, во главѣ твоихъ ратей. Поѣзжай въ городъ, мы справимся съ Изяславомъ и одни, а въ крайнемъ случаѣ, тѣ, кто останется въ живыхъ, прибѣгутъ къ тебѣ и запрутся съ тобою за нашими крѣпкими стѣнами!»

Бой былъ прежестокій! Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить. Только ночь разняла враговъ. Но Изяславъ понялъ, что галичане, несмотря на страшный урокъ, соберутся съ новыми силами и сдѣлаютъ еще отчаянную попытку одолѣть его. Воспользовавшись темнотою, онъ удалился съ поля битвы и возвратился въ свою столицу.

---

*) Выраженія—«будетъ мнѣ вмѣсто отца», «ѣздить возлѣ стремени»,—употреблялись тогда по отношенію къ старшему въ родѣ; Изяславъ былъ старшій изъ всѣхъ русскихъ князей—потомковъ Рюрика.

**) Черными клобуками назывались варварскіе народы, принимавшіе участіе въ княжескихъ усобицахъ.

Въ слѣдующемъ 1154 году Изяславъ II Мстиславичъ занемогъ и умеръ. Его оплакала вся Русская земля искренними слезами. Вскорѣ послѣ того Кіевъ достался Юрію Долгорукому,—союзнику галицкихъ князей,—и борьба между кіевскимъ княземъ и галицкимъ замолкла. Этимъ затишьемъ воспользовался юный правитель Галича. Онъ, по вступленіи на престолъ, началъ вникать въ нужды своего народа, рядилъ, судилъ, упорядочивалъ жизнь и благосостояніе своего княжества.

Однимъ изъ первыхъ просителей, явившихся къ нему съ поклономъ, былъ нашъ знакомецъ, священникъ Чагорской церкви о. Аввакумъ. Тяжело было ему пережидать смутные дни, но любовь къ своей приходской церкви придавала ему бодрость и терпѣніе. Какъ только успокоилась столица, отправился онъ къ княжескимъ палатамъ. У самыхъ дверей встрѣтилъ его княжескій отрокъ; отроки служили князю для посылокъ и по очереди сторожили день и ночь у его дверей.

— «Благослови, отче», сказалъ отрокъ, снимая шапку.

— «Да благословитъ тебя Господь Богъ, удалый юноша. Дома князь?»

— «Дома. А какое тебѣ, отче, до него дѣло-то?»

— «Прошеньице принесъ, да боюсь, приметъ ли онъ его отъ меня. Ужъ такая нужда крѣпкая въ моей церкви! Евангеліе святое нужно на престолъ».

— «И не бойся, только попроси! Для церквей, іереевъ и чернецовъ и щедръ, и милостивъ, и податливъ князь нашъ великій! Превзошелъ онъ въ щедрости всѣхъ своихъ прародителей, князей Рюрикова дома. Пойдемъ, отче, я проведу тебя къ нему».

Князь сидѣлъ въ шапкѣ и мантіи среди своихъ бояръ.

— «Чего тебѣ надо, отче?» милостиво спросилъ князь. Съ этими словами онъ всталъ, снялъ шапку, принялъ благословеніе гостя-священника, поцѣловался съ нимъ и опять сѣлъ. Княжеское мѣсто, на которое опустился Ярославъ, отличалось красотою отдѣлки; это было особое, изъ дерева очень искусно выточенное сидѣнье, съ ручками, какъ теперешнее кресло.

Низко поклонился сельскій батюшка своему юному державцу и горячо сталъ просить св. Евангеліе на престолъ для приходской церкви въ селѣ Чагорскомъ.

— «Такъ уже и въ Чагорскомъ церковь есть? Того я не зналъ. Мой бояринъ Чагоръ объ этомъ мнѣ еще не докладывалъ. Да гдѣ же онъ?»

Изъ толпы бояръ вышелъ высокій, плечистый, здоровенный мужчина, уже не молодой, съ предлинной бородой и черными густыми бровями.

— «Ахъ, Чагоръ, Чагоръ, люблю тебя за твой умъ и смѣтливость», заговорилъ юный державецъ, «но зачѣмъ же ты такъ нерадивъ къ церковнымъ дѣламъ? Положимъ, ты еще язычникъ, уклоняешься отъ нашихъ совѣтовъ, не крестишься, но о своихъ смердахъ, о работникахъ, живущихъ на твоей землѣ, ты долженъ заботиться, ихъ церковь украшать, снабжать всѣмъ необходимымъ».

— «Провинился, княже, передъ Богомъ и передъ тобою! Но ты знаешь, что землями моими въ Чагорскомъ правитъ тіунъ *), самъ же я никогда дома не бываю. Службы княжеской не упускаю. Всегда нахожусь во главѣ твоихъ ратей, а то и бьюсь вездѣ, гдѣ только повелишь».

*) И у бояръ были свои тіуны въ старину, какъ у князей.

— «Что правда, то правда, Чагоръ. Но и воинамъ въ битвахъ за Русскую землю Господь помогаетъ, когда они благочестивы и блюдутъ благолѣпіе его храмовъ!—Эй! ключникъ!»

Маленькій человѣчекъ въ красныхъ сапогахъ и съ связкой разныхъ ключей на синемъ поясѣ всталъ съ низкимъ поклономъ передъ княземъ.

— «На вышкѣ, въ моей горницѣ, въ тесовомъ ларцѣ есть св. Евангеліе, книга, написанная самимъ мною, по волѣ приснопамятнаго покойнаго князя-батюшки. Отдѣлано оно серебромъ, золотомъ, каменьями многоцвѣтными; принеси его намъ».

Вскорѣ вернулся ключникъ съ великолѣпно, богато обложенною книгою. Князь перекрестился, приложился къ священной книгѣ и отдалъ ее отцу Аввакуму, говоря: «за душу покойнаго князя—отца моего».

Потомъ, повернувшись къ Чагору, прибавилъ: «у тебя, бояринъ, насколько я помню, есть дочка, уже, къ счастію, христіанка и большая рукодѣльница. Шьетъ она, выводитъ преискусные, прехитрые, восточные, всякіе узоры. Скажи-ка ей, чтобы вышила, да по-богаче, фелонь *) своему-то чагорскому священнику». Потомъ, обращаясь ко всѣмъ своимъ гостямъ, галицкимъ боярамъ, прибавилъ: «радуюсь я всякій разъ, когда слышу, что боярыни да боярышни мои, вмѣсто того, чтобы плясать подъ звуки гуслей, сидятъ смирно за кроснами, ткутъ и вышиваютъ паволоки для Божьихъ церквей».

Прислушивались внимательно строптивые бояре къ мудрымъ рѣчамъ своего юнаго державца, смѣ-

*) Священническая верхняя риза.

кали, да наматывали ихъ на свои сѣдѣющіе, длинные-предлинные усы. Аввакумъ же вернулся въ Чагоръ съ богатымъ вкладомъ благочестиваго князя-отца, пекущагося такъ сердечно о благолѣпіи даже скромныхъ сельскихъ церквей въ своей галицкой землѣ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *М. П. Погодинъ.* Историческія сочиненія.

Князь галицкій Іоаннъ Берладникъ († 1161 г.).

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшится проникнуть, гдѣ въ области темной
Огонь лишь лампады мерцаетъ отрадный,

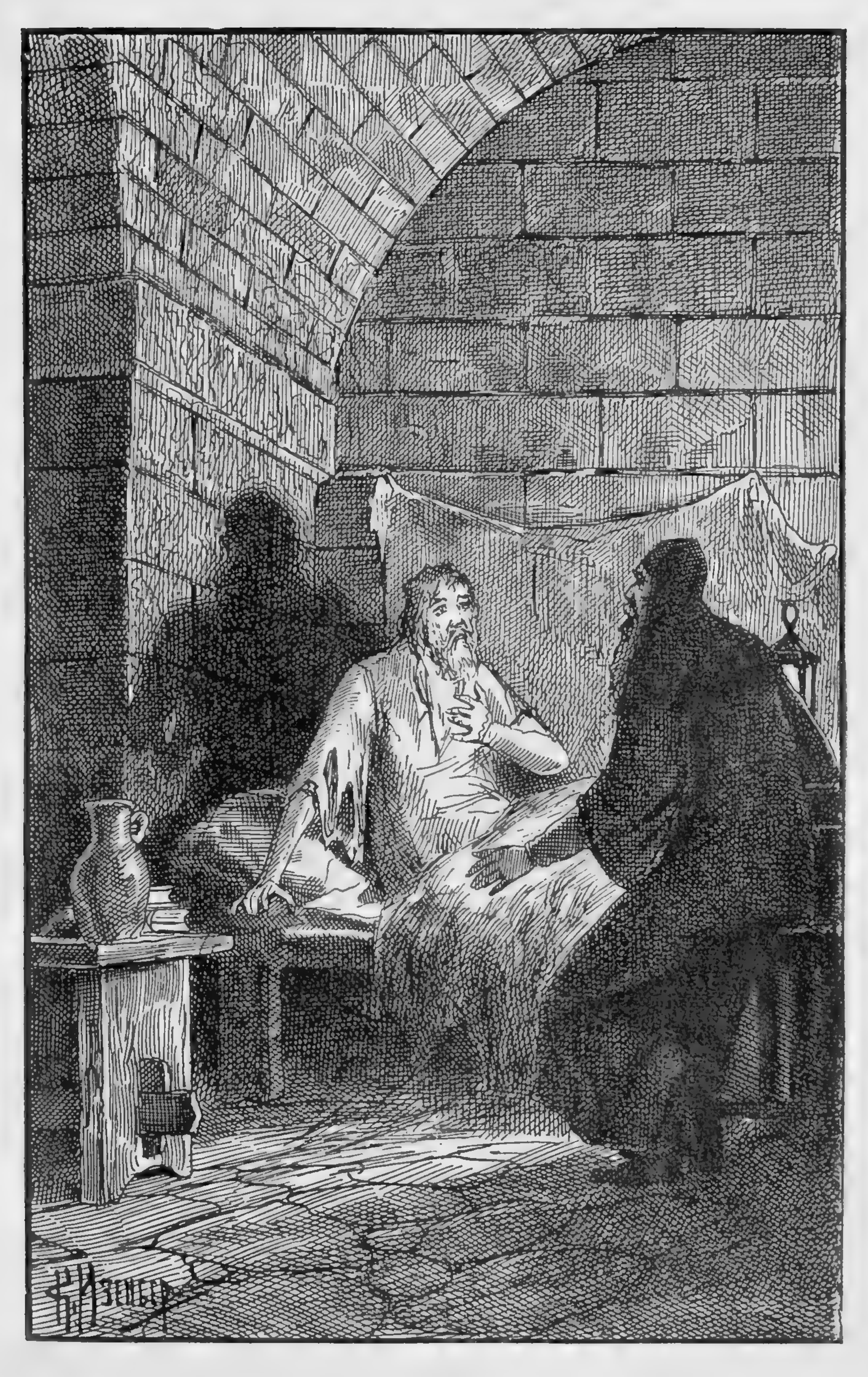
лежалъ на мягкомъ ложѣ величавый, красивый, еще не старый человѣкъ. Его платье, мѣховое покрывало, спускавшееся на каменный полъ, два, три сидѣнья, стоявшія въ ногахъ, и столъ, съ лежащими на немъ книгами, все говорило, что не простой узникъ запертъ подъ тяжелые запоры Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Зорко бережетъ суздальскій князь своего плѣнника,—онъ служитъ ему залогомъ семейнаго мира его дочери *), супруги князя Ярослава Владимірковича. Родительское сердце допускаетъ даже неблагодарность: онъ забылъ, какъ князь Іоаннъ ходилъ съ

*) Дочь Юрія Долгорукаго, Ольга Юрьевна, была замужемъ за Ярославомъ Владимірковичемъ галицкимъ, а Іоаннъ Ростиславичъ Берладникъ былъ двоюродный братъ Ярослава, гонимый и лишенный наслѣдства Владимірковъ; какъ любимецъ галичанъ, Берладникъ нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ, по ихъ выбору, но потомъ былъ выгнанъ Владимірковъ; такимъ образомъ, онъ былъ опасный соперникъ Ярослава.

его полками биться на далекомъ сѣверѣ, съ данниками великаго Новгорода. Теперь онъ строго стережетъ неповиннаго, но опаснаго недруга. И бѣдный плѣнникъ томится больше года, безъ свѣта, безъ воздуха. Его богатырское тѣло безсильно лежитъ на подушкахъ, красивыя черныя кудри посѣдѣли, а славные блестящіе глаза потухаютъ въ темнотѣ. Никто не слышитъ его стоновъ, никто не смѣетъ прійти его утѣшить. Тюремщикъ молча прислуживаетъ своему именитому узнику. Да и знаетъ ли этотъ нѣмой исполнитель княжеской воли, кто порученъ его зоркому надзору? Во всемъ Суздалѣ извѣстно, что въ тюрьмѣ стерегутъ опаснаго, отмѣннаго преступника; осторожно, тихошенько перешептываются бояре, передавая другъ другу одно страшное имя, и тутъ же умолкаютъ, остерегаясь, какъ бы, неравно, кто не подслушалъ да не передалъ строптивому князю. А тутъ вдругъ пришлось, какъ никакъ, а доложить ему объ узникѣ. Тюремщикъ приходилъ вотъ уже второй разъ къ спальнику съ докладомъ, что узнику не можется, что онъ пересталъ принимать пищу, не требуетъ свѣтильника, не читаетъ божественныя книги «и бредитъ, все бредитъ! Дружину собираетъ, галичскія суда плѣняетъ, Дунай все поминаетъ!»—«Молчи ты, непутевый!» прикрикнулъ бояринъ, «какой тамъ Галичъ да Дунай! тебя твоя глухота попутала. Знай, молчи да сторожи». И махнулъ рукой къ выходу.—Зашагалъ бѣдный сторожъ къ тюрьмѣ, понуря голову.—«Глухъ-то я, можетъ, и глухъ», ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, «но про Дунай все-таки дослышалъ; ужъ что тамъ бояринъ ни мудри, а Галичъ поминалъ болѣзный». Жалость заговорила въ старикѣ,—видно, и у тюремщика билось въ груди доброе сердце. Онъ смах-

нулъ рукой набѣгавшую слезу и со вздохомъ усѣлся читать молитвенникъ въ своей каморкѣ, что на сѣняхъ, ведущихъ въ подземелье.

Тѣмъ временемъ спальникъ, слегка ежась, крестясь и косясь на уголъ съ образами, подошелъ къ думной палатѣ и легонько поскребъ у дверей. Повелительное «войди» точно само растворило двери комнаты, въ которой суздальскій князь сидѣлъ, внимательно слушая рѣчь епископа.—«Что тамъ?» спросилъ Юрій. Низко кланяясь, рукою дотрогиваясь до полу, заговорилъ вошедшій тихо, тихо.—«Да говори громче, чего тамъ шепчешь, такъ я ничего не слышу!» оборвалъ князь, недовольный, что прервали его бесѣду.—«Тюремникъ приходилъ, просился передъ твои княжескія очи, да я не пустилъ».—«Зачѣмъ не пустилъ?»—«Не посмѣлъ».—«Ну, вотъ и живи съ ними, управляйся! Видишь, владыко: я наказывалъ, чтобы ко мнѣ за всякой его нуждой приходили, во-время и безъ времени, а онъ,—вонъ слышалъ,—не пустилъ, не посмѣлъ!» Спальникъ, думая заинтересовать князя и тѣмъ отклонить гнѣвъ, заговорилъ опять.—«Очень ему неможется, не вкушаетъ пищи, водицы не испиваетъ, все бредитъ».—«Вотъ стряслась напасть!» сказалъ Юрій, видимо взволнованный.—«Упаси, Господи, отведи отъ грѣха, Многомилостивый!» повторялъ епископъ, набожно крестясь.—«Да, ужъ, дѣйствительно, Господи, спаси!» заговорилъ князь; взглянувъ же въ сторону, увидѣлъ любопытные глаза стольника, которые такъ и впились въ него, точно хотѣли сорвать съ губъ начатое слово. Сердито махнулъ онъ рукой на дверь, приказывая выйти. Точно сквозь землю провалился придворный чинъ, исчезъ, и дверь безъ шума приперъ, да только не отошелъ ни на шагъ

«Я безсиленъ! Скажи имъ, прикажи, отче!»—говорилъ епископу галицкій князь Іоаннъ Берладникъ. *(Къ стр. 43).*

отъ порога: приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, сталъ слушать. Но рѣчи-то князя съ его вѣрнымъ совѣтникомъ были такъ тихи, что никакое придворное ухо, несмотря ни на какія ухищренія, ничего не могло разслышать. Одно, на свое счастье, уловилъ бояринъ,—это, когда собесѣдники поднялись, чтобы разойтись. Во-время успѣлъ онъ отскочить и стоялъ уже покойно въ углу, чтобы проводить владыку, когда тотъ, выйдя отъ князя и помолясь на образа, двинулся къ выходу.

Прямо изъ княжескихъ палатъ направился епископъ черезъ дворъ въ темницу. Какъ Божій посолъ, шелъ онъ, неся доброе слово утѣшенія болящему узнику. За нимъ слѣдовалъ посошникъ его и княжескіе слуги. Осторожный, какъ и князь, епископъ никого не пустилъ дальше сторожки тюремщика. Самъ взялъ ключъ, свѣтильникъ и спустился въ подземелье. Разбуженный скрипомъ запоровъ, больной вскочилъ, какъ ужаленный, и, увидя доброе старческое лицо епископа, съ мольбой въ голосѣ, заговорилъ: «Самъ Богъ посылаетъ мнѣ тебя, Своего святителя! Взмилуйся! Я умираю, ты видишь,—что могу я имъ теперь сдѣлать? Я безсиленъ! Скажи имъ, прикажи, отче, отдать мнѣ сына, позвать мою княгиню ко мнѣ! Одного прошу, дайте мнѣ передъ смертію проститься съ своими присными! Вѣдь я скоро совсѣмъ уйду отъ нихъ». Со стономъ упалъ онъ опять на подушки, рыданія не давали говорить. Ласково подошелъ къ страдальцу глава суздальскаго духовенства, творя крестное знаменіе и повторяя слова утѣшенія, надежды, умиротворенія.—«Ты говоришь, святой отецъ, «молись». Да я же молился, сколько силъ было, молился! Но можетъ ли Господь услышать вопль мой изъ-

подъ земли? Смотри, вѣдь я же зарытъ живой, замуравленъ, придавленъ. А за что? ты знаешь?»—Глаза узника заблистали лихорадочнымъ огнемъ. Онъ опять приподнялся. «Да знаешь ли ты это, служитель Бога мира и любви? Меня заперли за то, что я хотѣлъ взять свое, только свое родное! Вѣрь мнѣ, я не брежу, я говорю правду, какъ на исповѣди, вѣдь я же умираю, умеръ уже, я—мертвецъ!» Онъ захохоталъ нервно, раздражительно. «И кому говорю?—тебѣ, другу Георгія, палача, измѣнника, душегуба! Нѣтъ, уйди, не хочу, не буду говорить»... Онъ легъ, натянулъ одѣяло на голову и затихъ, только все тѣло его подергивала дрожь, лихорадка трясла такъ, что можно было это видѣть сквозь мѣховое покрывало.

Осторожно, не шумя, подошелъ епископъ къ двери, пріотворилъ ее, тихо, очень тихо позвалъ келейника, послалъ въ монастырь, въ свои келліи, приказавъ принести извѣстныя ему лѣкарственныя снадобья, для успокоенія больного. Самъ же сѣлъ у его изголовья и взялъ лежавшій на столикѣ псалтырь. Вѣроятно, больной читалъ, пока не впалъ въ забытье, 3-й псаломъ,—на немъ была открыта книга. «Господи, какъ умножились враги мои!» внятнымъ шопотомъ сталъ читать далѣе умный святитель слова вдохновеннаго псалмопѣвца. Больной, услыша его голосъ, постепенно началъ успокаиваться, отнялъ одѣяло, открылъ глаза, опять заговорилъ, повторяя послѣднія слова: «Услыши, Господи, слова мои, уразумѣй помышленія мои! Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Богъ мой! ибо я къ Тебѣ молюсь!»—«Вотъ и ты это прочиталъ, и я молилъ—«услышь!»—а Онъ не услышалъ, не внялъ». Повелительнымъ движеніемъ руки старецъ остановилъ его. «Что ты?—

ты же молился безъ смиренія! Тебя губитъ твоя строптивость! Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать!» — «Чѣмъ же я-то строптивъ? отецъ святой! да пойми же хоть ты меня!— Мы мирно жили съ княгинею въ Звенигородѣ, любили нашъ народъ, печалились о немъ, радовались и любовались на сына Ростислава: довольствовались своимъ малымъ удѣломъ. Не я требовалъ родового наслѣдства; за мной пришли мои законные подданные; я еще не сразу согласился. Ужъ очень не хотѣлось княгинюшкѣ отпускать меня, чуяло сердце жены. что наступаетъ година скорбей и напастей! Но разъ я уже согласился на просьбу пословъ, всталъ во главѣ галичанъ, не пугаться же мнѣ было первой неудачи, не выдавать ихъ головами?»

— «Все это такъ, князь, въ этомъ никто тебя и не винитъ; но, когда тебя одолѣли, зачѣмъ было идти за берладниками? *) Не годилось тебѣ, прирожденному русскому князю, грабить по Дунаю своихъ родныхъ галицкихъ купцовъ, отнимать у нихъ товаръ и суда!» — «Но чѣмъ же тогда было кормиться дружинѣ? Мнѣ служили не одни берладники. Изъ Галича со мною бѣжали тѣ, кто берегъ свою голову, кто не хотѣлъ гнуть выи передъ Владимiркомъ!»

— «Старшему надо безусловно уступать, княже!»

— «Какъ? что уступать? Отецъ святой! что ты это говоришь? Я не изгой какой-нибудь! Мой отецъ, Ростиславъ Володаревичъ, былъ старшій братъ Ярославова отца—Владимірка. Галичъ—мой, по первородству отца, по желанію народа! Отдайте его мнѣ и

---

*) Берладъ,—молдавскій городъ,—былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю.

увидите, что не убавлю я славы южной Руси, не посрамлю родины ни передъ Мономаховичами, ни передъ Ольговичами!»

Въ это время постучали у дверей. Епископъ подошелъ и взялъ серебряный ларецъ, въ которомъ послушникъ принесъ снадобья. Подозрительно косился на него узникъ.— «Это твое успокоеніе, владыко? не хочу, не приму его!»

Епископъ молча насыпалъ въ чашу порошокъ, накапалъ изъ фляги темной жидкости, разбавилъ все водою, размѣшалъ, благословилъ и подалъ болящему, внушительно проговоривъ: «Ты долженъ, княже, принять лѣкарство отъ твоего недуга, успокоиться и выздоровѣть; Господь не допускаетъ самоубійства!» — «Ты видишь, я живъ, страдаю да живу, рукъ на себя не наложу, будь покоенъ!»

Немало усилій стоило епископу уговорить его выпить до дна поданную чашу. Лѣкарство, дѣйствительно, благодѣтельно повліяло на Іоанна Ростиславича. Онъ сталъ успокаиваться, и когда, на слѣдующій разъ, епископъ пришелъ навѣстить невольнаго отшельника, то, къ величайшей своей радости, нашелъ его немного окрѣпшимъ тѣлесно—и душевно болѣе покойнымъ. Узникъ очень обрадовался доброму посѣтителю, сталъ разспрашивать, развѣдывать о томъ, что дѣлается за стѣною тюрьмы. Ему горячо хотѣлось имѣть вѣсточку о женѣ, сынѣ, о томъ, какъ живетъ Ярославъ Осмомыслъ въ Галичѣ; слушается ли новгородскаго посадника непокорная водь, имъ усмиренная. Не обо всемъ можно было говорить съ больнымъ, его надо было беречь отъ раздраженій. Княгиня-супруга съ сыномъ нашла пріютъ у своихъ братьевъ, черниговскихъ князей, узникъ же не до-

любливалъ ихъ за двоедушіе. А Ярославъ все настойчивѣе требовалъ у Юрія выдачи опаснаго плѣнника. Приходилось обходить жгучіе вопросы. Епископъ даже смолчалъ, что князь суздальскій уѣхалъ въ Кіевъ,— сѣсть на великокняжескій престолъ въ 1155 году.

Такъ шли дни за днями; какъ ни трудно было въ подземельи, безъ воздуха, лѣчить больного, но все же, страданія поддались заботливому уходу. Врачъ духа и тѣла могъ уже радоваться спасительному вліянію своихъ заботъ и лѣкарствъ, какъ вдругъ явился изъ Кіева гонецъ съ приказомъ отъ Юрія привезти къ нему князя, подъ самымъ строгимъ надзоромъ. Точно что-то рѣзнуло по сердцу бѣднаго епископа, когда ему передали волю кіевскаго повелителя. Очень полюбилъ онъ умнаго, живого, ученаго страдальца. Какъ часто, подолгу вели они задушевныя бесѣды о мірскихъ дѣлахъ, горяхъ, страданіяхъ! Усердно наводилъ Божій служитель разговоръ на необходимость полной покорности волѣ Божіей, Его вѣчной незыблемой правотѣ, о возмездіи за гробомъ за добро и зло, творящіяся на землѣ. «Жизнь для жизни намъ дана», вдохновенно повторялъ онъ, желая внушить Іоанну терпѣніе, покорность своей горькой судьбѣ. А тутъ вдругъ новая забота: подозрительный, для его смѣтливаго ума, и непонятный приказъ: везти узника въ Кіевъ, когда онъ только еще началъ поправляться отъ такой тяжкой болѣзни, да еще заковать, въ оковахъ везти этотъ длинный путь!

Большого труда стоило уговорить страдальца подчиниться новой пыткѣ; чуть не силой посадили его на возъ. Епископъ же отъ себя послалъ слезное посланіе кіевскому митрополиту, умоляя заступиться за плѣннаго передъ суровымъ Юріемъ, молить о милости

страдальцу и, насколько будетъ въ его власти, облегчить тяжесть узъ. Митрополитъ въ точности исполнилъ просьбу своего брата о Христѣ. Оказалось, что князя Іоанна потребовали въ Кіевъ, чтобы передать, съ рукъ на руки, боярину Коснятину Сѣрославичу, посланному неугомоннымъ галичскимъ княземъ. Мало было ему знать, что недругъ томится въ неволѣ, подавай еще въ руки несчастную жертву! Неохотно сдавался Юрій,—только боялся раздражать строптиваго зятя. Митрополитъ, прочитавъ письмо суздальскаго епископа, властно возсталъ. Онъ явился къ великому князю, окруженный высшимъ кіевскимъ духовенствомъ, и безстрашно заговорилъ: «Грѣхъ тебѣ есть, князь великій, обижать тобою уже обиженнаго! Ты заточилъ родственника, довѣрившагося тебѣ, держишь его въ великой нуждѣ да еще хочешь выдать на вѣрную смерть». Испугался Юрій словъ маститаго іерарха, подѣйствовало увѣщаніе. Галичскіе послы получили отказъ и ни съ чѣмъ должны были вернуться къ своему князю. Митрополитъ же, самъ все время заботившійся о несчастномъ плѣнникѣ, снова заболѣвшемъ и отъ утомительной дороги и отъ душевныхъ потрясеній, вымолилъ позволеніе снять съ него оковы, хотя на время новаго, длиннаго пути.

Изнемогая отъ усталости, Іоаннъ не могъ, возвращаясь, ѣхать безостановочно, день и ночь,—приходилось останавливаться на ночлегъ. Ужъ кончался второй день пути, начинало темнѣть, тучи покрывали небо, и мелкій дождь пронизывалъ путниковъ. Кони стали приставать, и до подставы было еще далеко. Бѣдный невольникъ тоскливо стоналъ въ своей повозкѣ, и возница, и тюремщикъ на облучкѣ едва удерживались отъ дремоты, подъ страхомъ окрика конной стражи,

слѣдовавшей по ихъ пятамъ. Вдругъ, изъ-за сосѣдняго пригорка, изъ кустовъ, поднялись какія-то тѣни, въ темнотѣ не разберешь,—одна, другая, а тамъ еще и еще. Одни, схвативъ коней подъ уздцы, стали спѣшно ихъ выпрягать, замѣняя свѣжими, другіе, связавъ возницу и сторожа, сбросили ихъ въ канаву при дорогѣ, а за возомъ поднялась настоящая драка. Лязгъ мечей, крики, ругня разбудили бѣднаго узника. Онъ ничего не понималъ, только чувствовалъ, что его везутъ въ сторону отъ прежняго пути, везутъ скоро, осторожно, не переводя духъ, все дальше и дальше отъ мѣста свалки. Не страхъ (онъ не зналъ этого чувства), а что-то непонятное охватило его душу. Надежда? да на что? на кого? Предчувствіе? Господи! Что же хорошее смѣлъ онъ предчувствовать? Слова любви и мира, надежды и вѣры суздальскаго епископа мелькнули въ его головѣ, раны же отъ оковъ такъ и ныли на ногахъ. Наконецъ, все смѣшалось, слилось въ его мысляхъ, и онъ забылся, пока вдругъ лошади круто не остановились. Онъ очнулся отъ сильнаго толчка, и передъ его изумленными глазами показались ярко горящіе свѣтильники, широкое нарядное крыльцо и его добрая княгиня, съ крикомъ радости спускавшаяся ему на встрѣчу. Кругомъ же, озаренныя огнями, все такія радостныя лица!

Страдальца, бережно высадивъ изъ повозки, ввели въ нарядныя палаты, гдѣ добродушно, ласково встрѣтилъ его черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ.— «Гдѣ я, что со мною?» повторялъ князь Іоаннъ.— «У князя-брата», отвѣчаетъ супруга.—«У друга», вторитъ ей маститый хозяинъ.—«У добраго дяди», звенитъ веселый голосокъ маленькаго Ростислава.— «Меня, кажись, везли куда-то на казнь?»—«Ну да, а

я провѣдала, гонецъ изъ Суздаля»...—«Молчи, сестра», испуганно озираясь, оборвалъ княгиню осторожный Изяславъ и продолжалъ степенно:—«Божіею неизреченной милостію, молитвами Его святыхъ угодниковъ, удалось намъ добыть тебя, дорогой братъ, цѣла, если еще и не совсѣмъ здрава! Возблагодаримъ же мы Его, Многомилостиваго; а ты, княгиня-сестра, пекись, чтобы твоему князю-супругу все угодное было учинено исправно и по времени».

Отдохнулъ, выздоровѣлъ галицкій князь Іоаннъ Ростиславовичъ въ Черниговѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ зятя, князя Изяслава Давыдовича. Залѣчились раны тѣлесныя, успокоилось ретивое сердце, душа вздохнула привольно, и гордый умъ снова понесся въ безпредѣльныя мечты о славѣ бранной, о величіи земномъ, о почестяхъ мірскихъ. Проснулся буйный духъ галичскихъ князей, сказался снова страшный Иванъ Берладникъ. Ловкій Изяславъ былъ не прочь воспользоваться браннымъ счастьемъ своего воинственнаго гостя. Но, на счастье бѣдной, измученной нашей родины, смерть кіевскаго великаго князя Юрія Долгорукаго остановила, хотя на время, новую бѣду—междоусобицу.

Кіевляне явились въ Черниговъ бить челомъ Изяславу.—«Поѣди, княже, Кіеву», говорили послы: «Гюрги *) ти умерлъ». И поднялся Изяславъ Давыдовичъ, изъ колѣна Ольговичей, съ чадами и домочадцами, пошелъ сѣсть на кіевскій столъ Мономаховичей, по призыву народному. Смѣтливый и ловкій, онъ не разстался и съ знаменитымъ зятемъ, держа его при себѣ, на страхъ врагамъ дальнимъ и близкимъ.

Не одни русскіе князья, но и польскіе, (ихъ тогда

*) Гюрги—по лѣтописи,—такъ иногда называли Юрія или Георгія.

насчитывалось 7) *), и венгерскій король стали опасаться за свое спокойствіе, видя дружбу Ольговича съ Берладникомъ. Общая забота отодвинула личныя, мѣстныя ссоры, и, какъ одинъ человѣкъ, поднялись Рюриковичи и Пястовичи отстаивать общее спокойствіе. Потянулись къ златоверхому Кіеву ихъ премудрые послы, и снова, какъ въ былые дни славы и могущества, распахнула матерь городовъ русскихъ свои гостепріимныя врата передъ именитыми гостями отъ всѣхъ славянскихъ дворовъ.

Въ богатыхъ великокняжескихъ палатахъ собрались пріѣзжіе послы бить челомъ Изяславу Давыдовичу, отъ имени своихъ господъ, князей. Ольговичъ сидѣлъ на прародительскомъ престолѣ, рядомъ съ нимъ—митрополитъ, кругомъ духовенство, князья, бояре. Но выше всѣхъ, виднѣе всѣхъ, стоялъ, гордо неся свою красивую, посѣдѣвшую въ темницѣ голову, князь Іоаннъ Ростиславовичъ, славный Берладникъ, гроза враговъ, опора друзей, беззавѣтно храбрый потомокъ перваго русскаго князя-изгоя, Ростислава Владиміровича. Твердо опираясь на свой побѣдоносный мечъ, смѣло смотрѣлъ онъ въ глаза гостямъ. Они держали рѣчь, по обычаю, неизмѣримо длинную, низко кланялись, часто повторяли одни и тѣ же слова и все косились на блестящаго, храбраго удальца, задніе даже подталкивали другъ друга, шепча себѣ въ бороду:

— «Ну, какъ онъ возьметъ да и пришибетъ насъ? ишь какой у него ядреный мечъ: прямо положитъ на мѣстѣ! А наши-то князья еще хотятъ, чтобъ мы его заковали, привезли? Закуешь такого!»—«Глазищи-то,

*) Тогда жили: Болеславъ Кудрявый краковскій, Генрихъ сендомирскій, Мечиславъ куявскій, Казимиръ Справедливый да три сына Владислава Болеславовича.

глазищи, такъ и сверкаютъ, сожещи хотятъ!»—«Наше мѣсто свято, а глаза-то у него точно и не человѣческіе! Вонъ уставился,—друже, прямо на тебя».—«Да молчи ты, озорникъ этакой, вонъ великій смотритъ!» Всѣ замерли. Великій князь, терпѣливо прослушавъ рѣчь до конца, началъ отвѣтъ держать.

— «Князья, мои братья, посылаютъ васъ, своихъ именитыхъ людей, бить мнѣ челомъ на томъ, чтобы я, великій князь кіевскій, отпустилъ съ вами моего гостя и друга, старѣйшаго Ростиславича—изъ рода галичскихъ князей. Но никто изъ васъ не говоритъ, какой удѣлъ на Руси приготовили ему братья мои—князья. Ты, бояринъ Избыгневъ, посолъ князя Ярослава Володимірковича, скажи, который изъ галицкихъ городовъ отведенъ князю Іоанну съ потомствомъ?.. Молчите вы, послы именитые, въ рѣчи своей все о спокойствіи родины поминаете, а настоящаго то спокоя, земельнаго надѣла, не даете тому, кого вините въ безпокойствѣ! По мысли князей, для покоя родины, мнѣ слѣдуетъ выдать вамъ моего гостя, а ваши господа, князья, для покоя же своего, уложатъ его на вѣчный покой! Пусть же братья мои, князья русскіе и польскіе, вмѣстѣ съ королемъ венгерскимъ, вѣдаютъ, что грѣха передъ Богомъ и стыда передъ міромъ на душу не пріиму—гостя своего не выдамъ на явную погибель. Князю же Ярославу Володимірковичу ты, бояринъ его, Избыгневъ, присовокупи, что не годно ему, въ славѣ и чести сущему, оставлять безъ крова и удѣла старѣйшаго себѣ брата. Да дастъ онъ удѣлъ князю Іоанну Ростиславичу съ сыномъ, и тогда съ честію отпущу его отъ своего двора, отъ кіевской святыни!» Задумчиво слушали послы правое

Оставляю васъ съ вашими добрыми заботами о мирѣ и покоѣ, и иду туда, гдѣ ждетъ меня слава или смерть!

(Къ стр. 55).

слово. Избыгневъ началъ было повторять что-то о смутахъ, чинимыхъ удалымъ княземъ, но Изяславъ стоялъ на своемъ, выдвигая родовое старшинство Іоанна, и пришлось ни съ чѣмъ покинуть кіевскій великокняжескій дворъ посламъ русскихъ и польскихъ родственныхъ князей.

Когда боярскія дѣти заперли двери за именитыми гостями, великій князь всталъ, подошелъ къ митрополиту и спросилъ: «По Божію ли сказалъ я мое княжее слово, владыко святой?»—«И Господь благословитъ тебя, на твоемъ прародительскомъ столѣ, княже великій! Лишь бы Осмомыслъ не намыслилъ чего злого?»—«А мы его побьемъ!» вспылилъ Берладникъ. «Я голову положу за добраго моего заступника, кіевскаго великаго князя! Полъ-Галича пойдетъ за мной, поднимется Волынь!»—«И польется снова русская кровь!» со вздохомъ проговорилъ митрополитъ. Изяславъ призадумался. Необдуманныя слова князя-гостя испугали его. Властолюбивъ, но не воинственъ былъ Ольговичъ: извернуться, а не биться любилъ онъ. Повернувшись къ стоявшимъ вокругъ князьямъ, боярамъ, онъ всѣхъ отпустилъ, удержавъ при себѣ только митрополита да бѣдоваго Іоанна.

— «Поразмыслимъ теперь обо всемъ на досугѣ», заговорилъ онъ, медленно снимая свои княжескіе доспѣхи и усаживаясь на мягкую скамью, подъ образами. Митрополитъ помѣстился около него, а галицкій князь, сбросивъ шлемъ, остановился передъ ними, опираясь на свой вѣрный, булатный мечъ.

— «Ты правду сказалъ, отче преподобный, что не надо кровь подданныхъ проливать,—лучше предупредить, а не наводить на распрю».

— «А я такъ мыслю,—взмахнуть мечомъ и кончить

разъ навсегда, побѣдой или смертію!» вскипѣлъ князь Іоаннъ.

— «Такъ никогда не бываетъ: то тотъ, то этотъ перетягиваетъ, уступить никто не хочетъ, а тамъ еще союзники вмѣшаются, и кровь польется снова безъ мѣры, безъ конца».

— «Ну и что же ты, мудрый княже, понадумалъ для блага общаго, для спокойствія народнаго?» тихо спросилъ митрополитъ.

— «Да вотъ что», и положивъ свою умную голову на руки, нагнувшись надъ столомъ, осторожный Изяславъ заговорилъ: «Прежде чѣмъ говорить о брани, о побѣдѣ, не подумать ли тебѣ, дорогой княже, о томъ, что велика надъ тобою сказалась милость Божія: и отъ недуга излѣчился, и отъ плѣна избавленъ былъ, а еще не помыслилъ ты Его возблагодарить. По моему разумѣнію, слѣдуетъ тебѣ поѣхать на поклоненіе святынямъ. Предпринять путь ко гробу Господню, въ Святую землю. Этимъ же самымъ и князей, нашихъ сродственниковъ, въ ихъ тревогѣ поуспокоить бы».

— «Вѣрно, княже премудрый, вѣрнѣе быть не можетъ», отвѣчалъ митрополитъ.

Вся кровь бросилась въ лицо Берладнику.— «Такъ это что-жъ вы присудили? какое мнѣ богомолье? вѣдь бѣгствомъ называется это богомолье!»

— «Ну вотъ ужъ такъ и зналъ! Загорѣлся точно молнія въ грозу!»

— «Князь великій о любви, мирѣ, молитвѣ говоритъ, а ты, княже, вона какъ понимаешь!»

— «Я говорю, какъ мыслю: послы отошли молча, видать было, что не солоно похлебали гости дорогіе; ну вотъ, великій-то и смутился, боязливъ онъ, отъ опаски меня на богомолье сталъ выпроваживать».

— «Грѣхъ на душу берешь, зять милый, добра тебѣ желаючи, говорю, жалѣя Русь святую, умомъ раскидываю», отвѣчалъ Изяславъ. Онъ, дѣйствительно, боялся, но въ эту минуту рѣшительно не могъ сказать,—кого больше: сумрачныхъ ли пословъ, разносившихъ по своимъ дворамъ его суровый отказъ, или своего лихого родственника, не въ мѣру расходившагося въ его присутствіи.—«Вотъ же мой сказъ вамъ», говорилъ тотъ, хватая шлемъ и ударяя о полъ мечомъ. «Говорю тебѣ, князь, великій лишь на словахъ, а не на дѣлѣ! и тебѣ, служитель Бога Вышняго, вторящій униженно земному владыкѣ! Оставляю васъ съ вашими добрыми заботами о мирѣ и покоѣ, и иду туда, гдѣ ждетъ меня слава или смерть! На широкій Дунай, къ галицкимъ рыбакамъ, несется моя душа! Съ ними, за нихъ, съ удалыми старыми товарищами, пойду добывать свой Галичъ, свою родину, или же умру, потону въ водахъ родного Днѣстра».

«А супруга, а сынъ?» внушительно заговорилъ, вставая, митрополитъ.

— «Что-жъ за жизнь женѣ изъ милости, у родственника? А сынъ? онъ самъ скоро поѣдетъ у моего стремени—громить враговъ явныхъ да и скрытыхъ».

На этомъ недобромъ словѣ вышелъ знаменитый Берладникъ и спѣшно снарядился въ дальній, опасный, ему одному вѣдомый путь. Ни слезы супруги, ни просьбы сына не помогли. Онъ не отступилъ отъ задуманнаго дѣла. Одного достигъ миролюбивый Изяславъ: Берладникъ обѣщалъ зятю вернуться къ нему, когда рѣшитъ успокоиться въ родной семьѣ, подъ гостепріимнымъ его кровомъ, если на горе не вернетъ себѣ своего отчаго наслѣдія.

Громко понеслась по волнамъ красиваго Дуная

нежданная вѣсть, что знакомый и сѣверу и югу Россіи воитель, князь Иванъ Берладникъ, крикнулъ кличъ своимъ старымъ боевымъ товарищамъ. Встаютъ со всѣхъ сторонъ отважные бойцы, бросаютъ семьи, хаты, снасти, чинятъ воинскіе доспѣхи, точатъ мечи и копья. Кто ладитъ лодку, кто коня готовитъ, и всѣ спѣшатъ къ наддунайскимъ городамъ, гдѣ ждетъ ихъ вождь и съ нимъ 6,000 половчанъ. Имъ нѣтъ преграды на пути; они затворили Дунаю ворота! Отъ нихъ одни бѣгутъ со страху, другіе къ нимъ примкнули. Безъ боя сдался городъ Кучельминъ, и рать идетъ впередъ, все ближе къ стольному Галичу. Навстрѣчу Ярославъ послалъ въ городъ Ушицу сильный отрядъ. Берладникъ остановилъ своихъ и началась осада. Много перебѣжчиковъ бросало родныя пепелища и спѣшило въ станъ любимаго вождя. Зато и многіе полочане, раздосадованные тѣмъ, что имъ запрещаютъ грабить окрестности, разбѣжались по домамъ. Кровопролитная осада затянулась съ перемѣннымъ счастьемъ. Дошла о ней молва и до Кіева. Еще разъ попробовалъ осторожный Изяславъ вразумить борющихся. У Ярослава требовалъ удѣла Ивану, а къ этому послалъ надежныхъ людей, умоляя не проливать христіанской крови, скорѣе вернуться къ своимъ, тѣмъ болѣе, что княгиня очень тосковала, плакала, глазъ не осушала, даже слегла больная и не встаетъ уже болѣе.

Къ великому изумленію галичскихъ воеводъ, въ первый разъ со дня осады имъ удалось проспать цѣлую ночь покойно. Молчало било, сторожа не будили полковъ. И воины, и ихъ предводители, вставая на зарѣ, не вѣрили своимъ глазамъ. Любопытные жители взобрались на стѣны и никакъ не могли понять, что сталось съ вражьимъ станомъ? Все было пусто,

тихо, кой-гдѣ тлѣлись огоньки потухающихъ костровъ, а отъ полчищъ Берладника и слѣдъ простылъ. Иванъ увелъ своихъ въ плодородныя, знакомыя имъ степи, самъ же помчался къ болящей супругѣ. Но горе ждало его на порогѣ ея терема. Онъ уже не засталъ въ живыхъ подругу, вѣрную въ своей горькой долѣ! Сломилась гордая воля лихого борца, склонилъ онъ буйную голову подъ тяжестью удара. На могилѣ любимой супруги сложилъ онъ свои ратные доспѣхи, свой княжескій шлемъ и мечъ заостренный. Въ слезахъ просилъ прощенія за горе послѣдней разлуки, призывая себѣ въ утѣшеніе тѣнь умершей страдалицы.

Съ трудомъ удалось увести отъ гробницы кающагося князя. Онъ поклялся скоротать свой горемычный вѣкъ въ постѣ, молитвѣ и паломничествѣ по святымъ мѣстамъ. То, что такъ недавно, такъ высокомѣрно онъ отвергъ, теперь считалъ единственнымъ исходомъ, утѣшеніемъ. Въ одеждѣ бѣднаго богомольца, пѣшкомъ пошелъ Иванъ Берладникъ, гроза враговъ, слава друзей, къ святымъ Аѳонскимъ подвижникамъ. Слышно было, что оттуда, идя въ Палестину, онъ пошелъ чрезъ Грецію, да не дошелъ до земли обѣтованной. Въ Солунѣ, коварные греки, въ угоду ли Ярославу Осмомыслу или по собственной трусливой привычкѣ изводить всякого, кого могли хотя немного бояться, отравили его, какъ пращура, въ кубкѣ зелена вина. Безславно, безъ пользы для родины и семьи, умеръ на чужбинѣ удалой храбрецъ изъ рода доблестныхъ русскихъ князей.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *М. П. Погодинъ.* Историческія сочиненія.

Пиръ и смерть.

1187 г.

Галицкій Осмомыслъ*) — Ярославъ, высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ! Подпираешь Карпатскія горы своими желѣзными полками! Загораживаешь путь венгерскому королю! Запираешь ворота Дуная! Кидаешь свои стрѣлы выше облаковъ! Судъ творишь надъ Дунаемъ! Отпираешь ворота Кіева! Летятъ твои стрѣлы черезъ земли до самаго золоченаго престола султана!—Такъ говорится о Ярославѣ Владимірковичѣ галицкомъ въ нашей поэмѣ «Слово о полку Игоревѣ». Грозенъ былъ онъ для сосѣдей. Чинилъ правый судъ надъ врагами внутренними, расправлялся храбро съ внѣшними. Дѣйствительно, запиралъ Дунай венграмъ и отпиралъ ворота Кіева. Когда великій князь кіевскій Изяславъ Давыдовичъ поссорился съ галицкимъ княземъ Ярославомъ, тогда Ярославъ, въ союзѣ съ Мстиславомъ волынскимъ, соединенными силами выгналъ

---

*) Мудрый.

Изяслава Давыдовича изъ Кіева, пригласилъ на великокняжескій престолъ Ростислава Смоленскаго и открылъ ему ворота Кіева. Русскіе князья искали его поддержки въ своихъ семейныхъ сварахъ. Венгры, ляхи просили помощи. Даже греческій царевичъ Андроникъ Комнинъ, спасаясь отъ преслѣдованій своего кровнаго врага, двоюроднаго брата, императора Мануила, бѣжалъ подъ крѣпкую защиту русско-галицкаго державца.

Именитому гостю была приготовлена преторжественная встрѣча. «Кишитъ Галичъ своею русскою жизнью!» говоритъ современный очевидецъ. Восходящее солнце ярко освѣщало красивый цвѣтущій городъ. Какъ жаръ, блестятъ золотые кресты многочисленныхъ прекрасныхъ церквей. Пестрѣютъ разноцвѣтныя крыши ярко раскрашенныхъ боярскихъ палатъ, утопая въ зелени тѣнистыхъ садовъ. Липа, черешня перемѣшиваются въ обширныхъ тѣнистыхъ садахъ съ громадными грушевыми деревьями. За городомъ съ сѣвера высится темный боръ, точно охраняя его отъ стужи, непогоды. Широкій Серетъ весело несется, извиваясь своими блестящими струями и омывая стольный городъ галицкой земли. Праздничный звонъ безчисленныхъ колоколовъ, веселые звуки литавръ вызывали на улицы любопытный народъ. Шумитъ православный людъ, встрѣчая и провожая четырехъ княжескихъ стольниковъ, разъѣзжавшихъ въ сопровожденіи молодыхъ сидѣльниковъ по четыремъ концамъ Галича. Гдѣ только стоялъ высокій домъ боярина или нарочитаго *) мужа, съ наряднымъ расписнымъ крыльцомъ да высокими голубятнями, тамъ

*) Знатнаго.

и останавливался княжескій посолъ, сидѣльникъ бралъ за поводъ коня, держалъ серебряное стремя, стольникъ же входилъ въ хоромы, отвѣшивая поклонъ хозяину, и торжественно повторялъ разъ навсегда заученную рѣчь: «Проситъ князь и княгиня,—и я, стольникъ, прошу васъ, славетнаго дѣя *), откушать завтра хлѣба-соли въ гридницѣ у князя. Есть у него славенъ царскій гость, мѣсяцъ на небѣ, мѣсяцъ въ теремѣ, дѣй Андроникъ. Радушенъ князь высокимъ гостемъ, хочетъ, чтобы и его земля тѣмъ порадовалась».

— «Радость князя—то намъ паче. По Божьему смотрѣнію, по князьему велѣнію и по своему хотѣнію, будемъ завтра, на горѣ, съ поклономъ и со дарами! А цы здоровъ князь?» **) Такъ отвѣчали посламъ, низко кланяясь, кичливые галицкіе бояре, обрадованные, что всегда строгій къ нимъ князь Ярославъ пожелалъ въ честь гостя собрать ихъ на пиръ. Гонцы же, исполнивъ порученіе, съѣхались по уговору у каменнаго столба и уже оттуда, плечо въ плечо, стремя о стремя, какъ ясные соколы, вернулись вмѣстѣ на княжескій красный дворъ.

На другой день, опять весь городъ на ногахъ. Для любопытныхъ настоящій праздникъ—смотрѣть, какъ со всѣхъ концовъ обширнаго Галича стали съѣзжаться знатные гости къ княжескому почетному столу.

Въ огромной гридницѣ стояли длинные, бѣлодубовые столы, покрытые бѣлыми узорчатыми скатертями. На первой былъ изображенъ Христосъ въ пустыни, насыщающій народъ пятью хлѣбами. На другой—Онъ же въ домѣ Закхея мытаря. А на третьей—у своего друга Лазаря. Въ почетномъ углу,

*) Славнаго господина.

**) А здоровъ ли князь?

подъ образами, блестѣвшими въ тяжелыхъ золотыхъ окладахъ, стоялъ маленькій дубовый столъ, на точеныхъ ногахъ, а за нимъ пять креселъ: одно отдѣлано золотомъ, другое слоновой костью, третье бархатное, четвертое кожаное, а пятое изъ рѣзного дуба, для епископа, такъ какъ онъ, суровый инокъ, никогда не садился на раззолоченное сѣдалище. Вокругъ другихъ столовъ тянулись скамьи, обитыя зеленымъ бархатомъ, а на столахъ, какъ жаръ, горѣли серебряные и золотые сосуды, блюда, тазы, кубки, все литые, чеканные, съ причудливыми узорами, разукрашенные камнями самоцвѣтными.

Въ ожиданіи князя, разряженные, именитые бояре входили, истово крестились на образа, кланялись на всѣ четыре стороны и чинно разсаживались за накрытые столы, соблюдая каждый свое старшинство, свою родовитось. За первымъ столомъ сидѣли бояре, за вторымъ служилые, знатные (нарочитые) мужи и купцы иноземные, за третьимъ отроки княжескіе, дѣти боярскія.

Вдоль стѣнъ, по палатямъ, укрѣпленнымъ на расписныхъ, золоченыхъ столбахъ, размѣстились гусляры, сѣдые, но еще бодрые старцы, собиравшіеся увеселять пирующихъ своими вѣщими пѣснями. Вотъ загудѣли трубы, ударили въ бубны, распахнулись тесовыя двери, и, какъ солнышко красное, въ блестящемъ нарядѣ, съ сіяющимъ лицомъ вышелъ торжественно галицко-русскій державецъ, князь Ярославъ Володиміркович, ведя за руку своего именитаго гостя, дороднаго, статнаго греческаго царевича Андроника. За ними слѣдомъ шли епископъ и князь Святополкъ Юрьевичъ, обычный приживальщикъ галицкаго двора, а за ними четырнадцатилѣтній юноша, княжичъ Володиміръ Ярославичъ. Угрюмый, съ хмурымъ взгля-

домъ, не казистый, весь въ своего дѣда по матери—суздальскаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. При появленіи державнаго хозяина, гости встали, какъ одинъ человѣкъ, и отвѣсили поясные пренизкіе поклоны. Ярославъ и Андроникъ, перекрестившись на образа, отвѣчали на привѣтъ, кланяясь на всѣ четыре стороны; епископъ прочиталъ молитву, благословилъ трапезу, и всѣ, усѣвшись, принялись за вкусныя кушанья, которыя разносились на серебряныхъ блюдахъ.

Ярославъ любезно началъ указывать дорогому гостю: какъ размѣстился за столомъ его званный людъ, гдѣ бояре, умные, дѣльные, но строптивые; гдѣ купцы заморскіе, которыхъ онъ такъ жаловалъ за то, что они привозили ему издѣлія своихъ далекихъ странъ, знакомили любимыхъ его галичанъ съ иноземною образованностью.—«Охотно принимаю ихъ, приголубливаю, лишь бы они дружили, просвѣщали моихъ галичанъ. Даже позволилъ нѣмецкимъ гостямъ поставить свою молельню, имѣть своего попа, чтобы ихъ не скоро тянуло отъ насъ на родину. Только зорко блюду, съ моимъ епископомъ, чтобы они людей нашихъ не совращали, да тѣ бы не носили своихъ дѣтей чужому попу на крещеніе. Пусть каждый молится Богу по своему закону». На это Андроникъ сталъ возражать горячо, краснорѣчиво. Его сильно раздражали попустительства императора Мануила. Пугала сила, которую стали при немъ забирать латиняне.

За другими столами рѣчи становились все оживленнѣе, чары съ виномъ осушались все чаще да чаще. Гусляры пѣли свои вѣщія пѣсни про минувшіе славные дни и битвы, гдѣ съ молоду бились они.

Ярославъ взглянулъ на стоявшаго за его кресломъ стольника. Тотъ понялъ и, выйдя на середину палаты,

громко выговорилъ: «Не шумите, бояре, гости честные! Князь хочетъ вымолвить свое княжеское слово!» Тишина водворилась мертвая, всѣ насторожились, вперивъ глаза въ своего славнаго державца.

Величаво поднялся Ярославъ, держа въ рукахъ сердоликовый кубокъ, и заговорилъ: «Земля моя! бояре земскіе и людіе городскіе! Сподобилъ насъ Богъ чести лицезрѣть великаго гостя,—брата нашего, киръ Андроника, единокровнаго намъ по Володаревнѣ *), единовѣрнаго по равноапостольному Константину. Сей день, его же сотворилъ Господь, записанъ будетъ въ лѣтописи Галича, такъ какъ въ первый разъ онъ принимаетъ въ своихъ стѣнахъ потомка такого множества славныхъ благовѣрныхъ царей и царицъ, наслѣдника прототрона всѣхъ земныхъ престоловъ!»

«По Божьему соизволенію, странникомъ пришелъ онъ къ намъ! Тѣмъ дороже долженъ онъ намъ быть! Тѣмъ теплѣе наша забота о его покоѣ и благѣ! Чтобы приголубить его, я, князь Ярославъ, на столъ для него, для киръ Андроника, отдаю городы мои: Тысьмяницу, Толмачъ и Хотимиръ со всѣми ловищами, лебедиными и гогольными и турьими займищами, какъ это шло по старинѣ. Пусть замѣнитъ ему цареградскія игрища, роскошь антіохійскую охота на буйтура въ нашихъ лѣсахъ! А вы, бояре мои, примите киръ Андроника, какъ своего, единокровнаго мнѣ, и являйтесь къ нему, какъ къ родственнику царскому, каждый день на поклонъ. Пью я за здоровье твое, братъ Андроникъ!»

Кубки зазвенѣли, бояре кланялись, выпивали ихъ до дна и опять кланялись. Но Ярославъ не садился,

*) Марія Володаревна, тетка Ярослава, была замужемъ за греческимъ императоромъ.

ему снова налили полный кубокъ, и онъ продолжалъ свою рѣчь о томъ, что его державному гостю затруднительно самому заниматься полученными въ собственность угодьями и что для его большаго спокойствія онъ, князь галицкій, выбралъ изъ среды своихъ бояръ крѣпкаго умомъ, разумнаго, славнаго на ратяхъ боярина Чагора, даетъ его въ стольники киръ Андронику и пьетъ его здоровье!—И со словами—«здоровъ, старый Чагоръ!»—онъ осушилъ свой кубокъ.

Кубки снова зазвенѣли, вино снова было выпито; но поклоны бояръ новому стольнику были не искренни, зависть горѣла въ глазахъ сотрапезниковъ. Легкій шепотъ пробѣжалъ вокругъ боярскихъ столовъ.—«Язычника стольникомъ благовѣрнаго князя!» послышалось кой-гдѣ. Епископъ переглянулся со Святополкомъ. А Чагоръ стоялъ весь красный отъ волненія! Онъ даже забылъ осушить свой кубокъ. Видимо, въ немъ совершалось какое-то броженіе,—въ головѣ что-то крѣпко шевелилось, точно внутри совершалась сильная борьба. Наконецъ, онъ провелъ рукой по вспотѣвшему лбу и шепнулъ что-то стольнику, стоявшему за его спиной; тотъ подошелъ къ князю и почтительно доложилъ, что Чагоръ хочетъ ему поклонъ править.

— «Услышимъ, какое будетъ это цѣлованіе», ласково улыбаясь, сказалъ князь Ярославъ. «Ну, говори, Чагоръ!»

— «Исполать тебѣ, князь, за все твое добро! Исполать тебѣ, великодушный владыко земли! Многажды вразумлялъ ты меня, добрый князь, оставить идолопоклонство, но стыдъ мѣшалъ мнѣ внять словамъ твоимъ. Моихъ соплеменниковъ *) стыдился! Но теперь Богъ истинный поразилъ меня, какъ въ древ-

*) Онъ былъ половчанинъ на службѣ галицкаго князя.

Исполать тебѣ, князь, за все твое добро! Исполать тебѣ, великодушный владыко земли!

(Къ стр. 64).

ности Савла, и привелъ меня Своими путями къ познанію правды! Не зная христіанскихъ обычаевъ, какъ могъ бы я править домомъ и столомъ христіанскимъ? Княже, многимъ ужъ добромъ честилъ насъ родъ твой. Батько твой пріютилъ насъ тутъ, ты приголубилъ! Озари еще душу мою, крести меня, князь, со своею благовѣрною княгиней!»

— «Пойди сюда, Чагоръ!» сказалъ Ярославъ, радостно озираясь. Старый ратникъ приблизился и поникъ передъ нимъ головою. Князь обнялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и, указывая на Андроника, сказалъ: «Не я, а онъ будетъ тебѣ крестнымъ отцомъ. Неправда ли, Андроникъ?»

— «Истинно такъ!» подтвердилъ Андроникъ, подавая руку Чагору.

— «Крестной же матерью будетъ княгиня», добавилъ Ярославъ.

— «Слава Тебѣ, Боже!» торжественно заговорилъ епископъ, поднимаясь со своего кресла, «что привелъ Ты раба Твоего къ познанію Твоей святой истины передъ лицомъ всей галицкой земли. Исполни же ты, оглашенный рабъ Божій, данный тобою обѣтъ и не поддайся ухищреніямъ врага, злѣ нападающаго на не утвержденныхъ еще чадъ Божіихъ!»

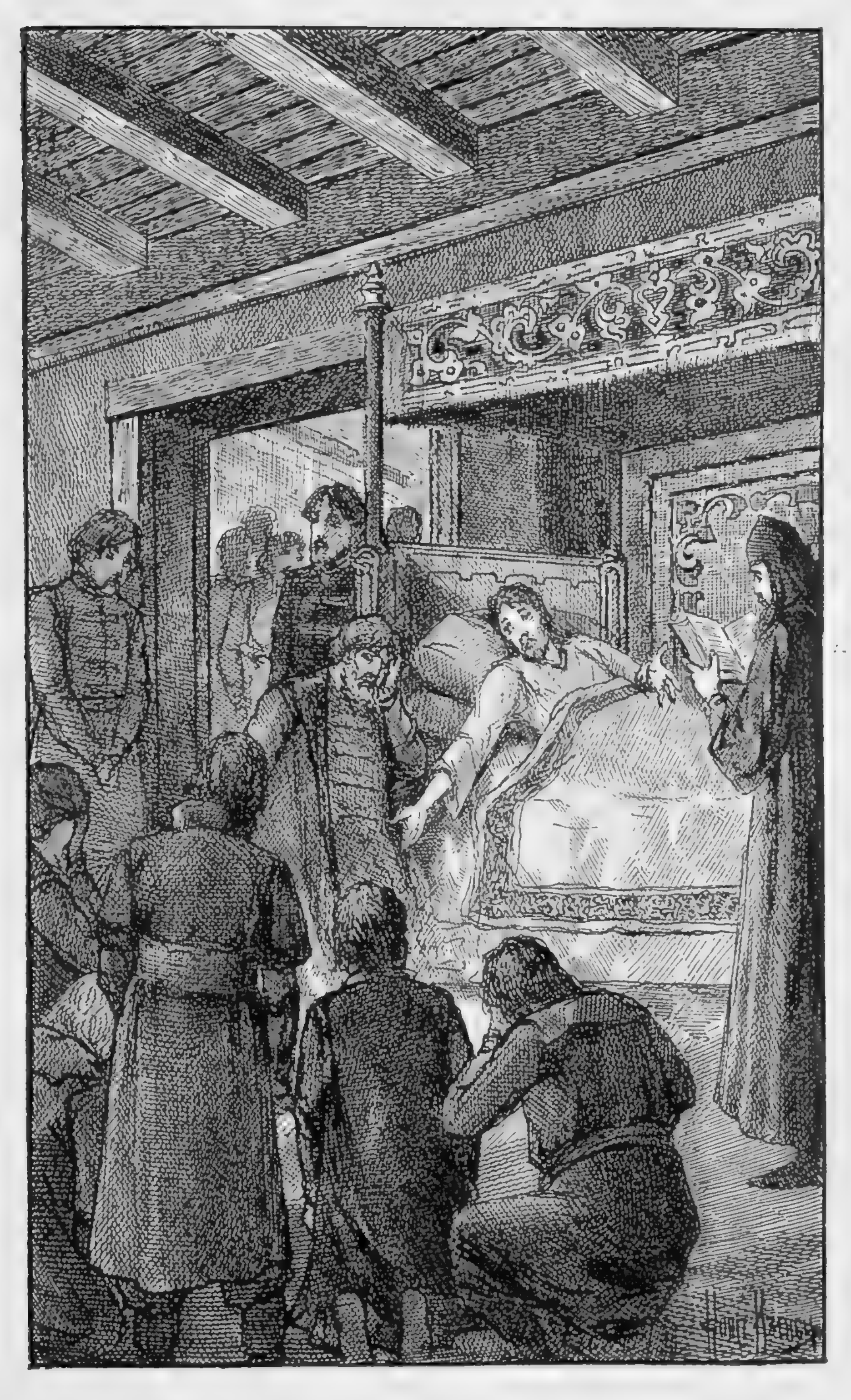
— «Онъ да не исполнитъ?» воскликнулъ Ярославъ. «За Чагора я ручаюсь! Онъ крѣпкій на полѣ битвы, вѣрный мнѣ въ своемъ совѣтѣ! Въ душѣ давно уже добрый христіанинъ,—не только молитвы, но и письмо святое уже знаетъ».

— «Ты вѣси, княже, многое; ты сердца мужей твоихъ вѣси! ты вѣси, яко люблю тя!» умиляясь, выговорилъ бывшій язычникъ.

Князь былъ въ восторгѣ, Андроникъ расчувство-

вался, галицкая знать старалась поддѣлаться подъ настроеніе князя. Но въ душѣ бояре все больше озлоблялись. Правда, мудрость, твердость Ярослава тяжелымъ гнетомъ ложилась на ихъ строптивую природу. Обращеніе Чагора, любимца княжескаго, точно подлило масла въ огонь. Сынъ и наслѣдникъ великаго правителя не понималъ отца. Бояре чувствовали, что, при его безхарактерномъ правленіи, ихъ самовластію будетъ больше простора. Они вооружали его противъ отца, раздражали, строили тайныя помѣхи всѣмъ благимъ начинаніямъ своего державца. Но князь великій не смущался ихъ кознями. Твердо правилъ онъ юго-западной окраиной славянскаго православнаго востока, на межѣ съ латинскимъ западомъ. Ляхи и венгры были оплотомъ священно-римской германской имперіи, православная же его Галиція все высилась и крѣпла, особенно въ сравненіи съ древнимъ Кіевомъ. Стольный Кіевъ, матерь городовъ русскихъ, все больше и больше терялъ свое значеніе. Между тѣмъ возвышался сѣверо-востокъ, и его стольный городъ Владиміръ входилъ въ большую силу. Старѣйшій изъ живыхъ Мономаховичей—Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо—высоко несъ свой великокняжескій стягъ на сѣверѣ. Въ то же время на югѣ не уступалъ Галичъ при Осмомыслѣ. Много лѣтъ привыкла Русская земля слушаться обоихъ мудрыхъ владыкъ. Тѣмъ сильнѣе взволновался галицкій народъ, когда по стогнамъ его блестящей столицы разнесся зловѣщій слухъ о сильномъ недугѣ князя Осмомысла!

«Покрой насъ честнымъ Твоимъ Покровомъ, Матерь Божія, и избави отъ всякаго зла, моля Сына Твоего, Христа Бога нашего, спасти насъ отъ напасти и печали! Исцѣли благовѣрнаго князя нашего

Окруженный боярами, духовенствомъ, лежалъ на смертномъ одрѣ властелинъ южной Руси, князь Ярославъ Владимірковичъ Осмомыслъ. (Къ стр. 67).

Ярослава, злѣ боляща!» слезно взывали набожные галичане, молясь въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, 1-го октября 1187 г., передъ святою ея иконою. Уже третій день, какъ весь Галичъ, всѣ его горемычные граждане, отъ мала до велика, наполняли храмы, служа молебны, ставя свѣчи передъ святыми иконами о здравіи своего вѣщаго князя-благодѣтеля. Изъ храмовъ и обителей съ плачемъ шли толпы за толпами на княжескій дворъ, куда ихъ впускали, по его волѣ, безъ разбора званія и одежды. Окруженный близкими боярами, духовенствомъ, лежалъ на смертномъ одрѣ властелинъ южной Руси, князь Ярославъ Владимірковичъ, прозванный Осмомысломъ. Съ христіанскимъ смиреніемъ обращался онъ къ своимъ подданнымъ, къ сильнымъ и худымъ, къ богатымъ и нищимъ, каясь, прощаясь со всѣми: «Отцы и братія, сыны мои любезные, прощайте и простите! Отхожу я отъ суетнаго свѣта, иду къ Творцу моему! Паче всѣхъ согрѣшихъ! Другого такого грѣшника не было, какъ я! Отцы и братія, простите и отпустите!» И такъ, говоритъ лѣтописецъ, плакался онъ три дня безъ перерыва. Три дня приходили къ нему толпы удрученныхъ горемъ подданныхъ, прощаясь съ нимъ, плача надъ нимъ, своимъ любимцемъ, своею гордостью, своимъ покоемъ и счастьемъ. Ближніе бояре и духовенство не выходили изъ опочивальни, толпа же смѣнялась, наполняя сѣни и хоромы княжескаго дворца, гдѣ, по приказу умирающаго, щедро раздавали неимущимъ бѣднякамъ и святымъ церквамъ и обителямъ всѣ его сокровища. Онъ накопилъ ихъ такъ много, что всего и раздать не смогли. Усердно, осторожно собиралъ мудрый правитель добро въ княжескую казну, чтобы тратить его на благо любимыхъ

подданныхъ! Ярославъ Володимірковичъ, продолжая свою смиренную исповѣдь передъ окружающими, сознавался, что прилагалъ всѣ старанія, чтобы ограждать обиженныхъ, не отягчать неимущихъ податями, отстранять наушниковъ и смутителей. «Кого надо, явно, передъ всѣми, обличалъ, другихъ, по вниманію къ ихъ заслугамъ, тайно поучалъ». Признавался, что могъ, какъ человѣкъ, ошибаться; нельзя же одному всего управить безъ грѣха, и потому у всѣхъ просилъ прощенія. «Если же кого обидѣлъ, пусть объявитъ,—оправдаться ужъ не успѣю, но прошу простить. Видитъ Богъ, что только добра желалъ я, и только по слабости ошибался! Господь же милосердый помогалъ мнѣ съ избыткомъ, по Своей неизреченной мілости: одною моею худою головою удержалъ я галицкую землю». Хотя эта его худая голова была одна изъ умнѣйшихъ среди современныхъ ему владыкъ земныхъ, но все же Господь попустилъ ее ошибиться. Въ послѣдній часъ своей жизни Осмомыслъ, на горе галицкой земли, раздѣлилъ ее между своими сыновьями. Онъ отдалъ младшему—Олегу—Галичъ, а старшему—Владиміру—Перемышль. Такой раздѣлъ сильно не понравился боярамъ-верховникамъ: Олегъ былъ уменъ и сталъ бы держать ихъ подъ своею твердою волею. А именно этого они и не хотѣли допустить.

Пока духовенство и народъ въ горѣ окружали гробъ своего князя, а клиръ трогательно взывалъ къ Господу объ упокоеніи души усопшаго, за стѣнами дворца, въ палатахъ бояръ и знати кипѣла крамола. Призывали другъ друга къ измѣнѣ, къ оружію, къ междоусобицѣ. Забывъ только что данную присягу, недовольные собрались вокругъ безхарактернаго Вла-

диміра и заставили его выгнать брата изъ галицкой земли. Потомъ, чтобы легче самимъ заправлять государствомъ, предоставили князю полную свободу предаваться своимъ порочнымъ наклонностямъ. Духовенство и народъ не осушили еще своихъ искреннихъ слезъ по усопшемъ, а во дворцѣ, на его престолѣ сидѣлъ уже нелюбимый ими, неспособный, безнравственный старшій сынъ покойнаго Ярослава — Владиміръ Ярославовичъ. Начались обиды, притѣсненія, безчинства. Галичане стали возмущаться, недовольство росло въ народѣ и принимало угрожающіе размѣры. Смѣлый, ловкій князь волынскій Романъ, по праву родства (его дочь была замужемъ за старшимъ сыномъ Владиміра) принялъ къ сердцу неурядицы въ Галичѣ и вмѣшался въ запутанныя дѣла сосѣдняго княжества. Ничего не хотѣлъ да и не могъ видѣть слабый галицкій князь. Приближенные же скрывали отъ него все увеличивавшееся недовольство и волненіе народное. Грозная вѣсть, что Романъ поднялся, призванный самими галичанами, что онъ идетъ, что онъ уже близко, такъ испугала слабохарактернаго Владиміра, что онъ, забравъ съ собою семью, ближайшихъ бояръ, да прихвативъ, сколько могъ, изъ отцовскихъ богатствъ, бѣжалъ изъ своей столицы, изъ отчаго княжества! Бѣжалъ онъ, на горе родины и православія, на западъ, за Карпаты, подъ защиту венгерскаго короля Бѣлы III.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *Иловайскій.* Исторія Россіи. II ч. Влад. періодъ.
3) Историческіе разсказы свящ. о. Василія *Залузицкаго.*
4) *Ѳ. Ив. Р.* Иллюстрированная народная исторія Руси.

Плѣнъ Владиміра Ярославича.

1189 г.

НА ГОРѢ, надъ Днѣпромъ, стояли потемнѣвшія отъ времени хоромы бояръ Молибоговичей. Высокимъ тыномъ обнесены многочисленныя хозяйственныя постройки на широкомъ барскомъ дворѣ. За нимъ высился темный боръ, и тянулись въ безграничную даль привольныя земли двухъ братьевъ-близнецовъ, славившихся своимъ богатствомъ, древностью рода и строптивымъ нравомъ. Оба холостые, знаменитые силачи, они обросли уже сѣдѣющими бородами до того, что только два глаза свѣтились изъ за-густыхъ всклокоченныхъ волосъ. Если Претило порветъ, не задумываясь, на двое тетиву изъ бараньихъ кишокъ, то Войдила переламываетъ, не надсаживаясь, лукъ изъ толстаго грушеваго дерева. Ихъ земли необозримы, стада неисчислимы, храбрость, удаль беззавѣтна! Нѣтъ на нихъ ни суда, ни расправы! Даже твердый державный Осмомыслъ махнулъ на нихъ рукой, такъ какъ не могъ сбить ихъ своевольной боярской спеси.

И только издали ближайшіе, преданнѣйшіе его слуги приглядывали за усадьбой Молибоговичей, притономъ не только воровъ и конокрадовъ, но и крамольныхъ ослушниковъ, строптивыхъ галицкихъ бояръ. Подъ тѣнью вѣковыхъ садовъ, распивая прадѣдовскіе меды, судили, рядили озорники, даже пересылались съ врагами своего великаго повелителя. То въ Кіевъ, то въ Угры неслись ихъ боярчуки, посланцы, стремянные, нося недовольныя грамоты, подстрекая недруговъ къ нападенію на родную—отчую землю! Ужъ очень привольно было боярамъ-сумятникамъ дѣйствовать изъ-за спинъ отчаянныхъ братьевъ!

Благодаря твердому правленію галицкихъ Рюриковичей, народъ жилъ богато,—во всей странѣ боярскія волости были обширны. Кой у кого на земляхъ стояли торговыя села, даже цѣлые города. Правили ими бояре сами, или черезъ своихъ тіуновъ. Заводили для порядка вооруженную стражу, изъ которой у нѣкоторыхъ создавались цѣлыя дружины. Хорошо обученные, вооруженные дружинники составляли силу, съ которою приходилось считаться самому князю. Сплотившись, бояре могли съ оружіемъ въ рукахъ настойчиво предъявлять свои желанія, чуть не предписывать свою волю. Это уже не было кіевское беззаботное, слегка драчливое боярство, выѣзжавшее со своими людишками подъ стягомъ своего князя. Сказалась обособленность галицкаго княжества отъ другихъ русскихъ княжествъ, осѣдлый характеръ княжеской власти, а, можетъ быть, сосѣдство съ Западомъ. Дружины галицкихъ бояръ напоминали рати германскихъ вассальныхъ владѣльцевъ.

Конечно, среди нихъ одними изъ самыхъ богатыхъ, самостоятельныхъ считались Боговидовскіе

братья Молибоговичи. Къ нимъ бѣжалъ кѣмъ бы то ни было обиженный смердъ, шелъ недовольный служилый людъ, съѣзжались именитые бояре. Встрѣчались даже князья и духовныя лица, обиженные галицкими порядками, требованіями. Знали они, что Войдило съ Претилой никогда не преступали границъ своихъ владѣній.—благо, съ исконныхъ временъ ни ихъ дѣды, ни ихъ прадѣды, ни они, ни ихъ сосѣди, ни ихъ державцы никогда не брались опредѣлять тѣхъ границъ. Цѣлыми днями гонялись они по роднымъ полямъ да лѣсамъ. Охотились безъ устали, чинили сами у себя и судъ и расправу, учили, содержали дружину безчисленную, а о Галичѣ и думать забывали.

Торжественно справляли они всѣ церковные праздники, всѣ поминки, дожинки. Въ такіе дни съѣзжались и сходились ихъ сосѣди цѣлыми толпами, прямо къ церкви. Темный, небольшой срубъ съ почернѣвшею крышею и тремя угловатыми, низкими главами стоялъ подъ тѣнью вѣковыхъ липъ. Дѣды сидѣли подъ деревьями, распѣвая свои однообразныя, заунывныя пѣсни: «За твое здоровье, бояринъ, за боярыню и за боярчукы, и за бояровны, и за твою челядь, и за всю скотинку». Бояре развязывали свои калиты *), дарили нищихъ, называя имена тѣхъ близкихъ, за которыхъ просили молиться; потомъ, сгибая свои широкія спины, разодѣтые въ шелкъ и парчу, входили въ низенькія церковныя дверцы. Братья-хозяева были стараго, суроваго закала. Они стояли, какъ столпы древней владиміро-волынской Руси. Кичились своими богатствами, полями, угодьями, стадами. Но въ образѣ жизни, одеждѣ, утвари

*) Мѣшки съ деньгами, наши кошельки.

придерживались строгой простоты. Измѣнить, не по старинѣ сдѣлать—оба брата считали преступленіемъ.

Обыкновенно, чинно, мирно начинался обѣдъ. Гости дѣлали честь вкуснымъ яствамъ и крѣпкимъ напиткамъ гостепріимныхъ хозяевъ. Потомъ уже шли краснорѣчивыя здравицы, веселыя рѣчи, смѣхъ; коегдѣ, пожалуй, затягивалась и удалая пѣсня. Доходила иногда живая рѣчь и до пререканій, перебранки и ссоры. Хмѣль развязывалъ языки, говорилось лишнее. Вспыльчивые галичане доходили до драки. Не всегда могъ игуменъ водворить среди нихъ порядокъ и благочиніе, напоминая имъ торжественность великаго праздника или святость поминальницы.

На этотъ разъ, въ 1189 году, инокъ не слышалъ и не видѣлъ того, что происходило вокругъ него. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ онъ своего сосѣда, князя Святополка Юрьевича. Съ нихъ обоихъ глазъ не спускали хозяева, да и нѣкоторые изъ гостей ужъ не слишкомъ налегали на хозяйскія угощенія. Чувствовалось что-то особенное въ воздухѣ. Игуменъ тихо говорилъ: «Виноваты мы передъ Богомъ и почившимъ нашимъ державцемъ! Зналъ онъ, что̀ дѣлалъ, когда младшему сыну назначалъ Галичъ! Преступили данную клятву, взяли себѣ Владиміра, ну вотъ теперь и страдаемъ!»—«Мы то что!» заговорилъ одинъ изъ братьевъ—хозяевъ,- «мы послѣднее дѣло! Земля страдаетъ, приспѣшники Владиміра народъ обираютъ». Изъ дальняго угла всталъ бояринъ, худой, длинный, черный, точно земляной, съ рѣдкой бородой и блестящими на выкатѣ глазами.—Что̀ мы, что земля!» злымъ шепотомъ заговорилъ онъ, подходя къ игумену и князю, «дочь волынскаго владыки,—грознаго Романа, и ту свекоръ обижаетъ!

Днемъ и ночью оплакиваетъ она, въ своей опочивальнѣ, тѣ великія обиды и безчестія, что чинитъ нашъ Владиміръ Ярославичъ съ своими приспѣшниками!» И еще тише, чуть слышно, скороговоркой онъ продолжалъ: «Ужъ не разъ отецъ батюшко засылалъ провѣдать о здоровьицѣ своей дочки горемычной. Справлялся и у насъ, каково-то всѣмъ намъ живется? На что надѣемся? о чемъ помышляемъ?»—«Такъ отчего же бы намъ и впрямь не пойти къ славному Роману, въ его Владиміръ-Волынскій? Попечалиться, потужить, поразмыслить съ нимъ».—«А хорошо у него на Волыни-то?»—«Говорятъ, хорошо, даже очень хорошо намъ, русскимъ! Ну, а литвѣ-то жутко, ей лихо достается!»—«Да иначе-то и нельзя: селить пустыри надо: ну вотъ полонянниковъ и заставляютъ работать. Да литва же и не Русь христіанская, не Галичъ, могутъ на насъ и поработать язычники, нечисти».—«Попробовать бы, впрямь, пойти къ нему, поклониться нашимъ златокованнымъ столомъ?» заговорилъ Войдило, вслушавшись въ совѣщаніе гостей.—«Что ты, бояринъ?» испуганно зашепталъ, крестясь, игуменъ, «развѣ можно такъ? Владиміръ, какъ ни какъ, а законный нашъ прирожденный державецъ!»—«Да ужъ очень онъ насъ-то обижаетъ», отвѣчали ему. «Просто хоть пропадай»—«И нѣтъ! И не пропалъ!» визгливо вскрикнулъ черномазый, «кто говоритъ, что галицкій бояринъ пропалъ? Еще, слава Богу, бояре живы, живы!» Какъ эхо прокатилось по боярскимъ покоямъ подхваченное всѣми гостями восклицаніе.—«Дружины наши сильны! хлопы многочисленны! Мошны полны! потягаемся мы съ князьями! Увидимъ, чья еще возьметъ!» кричали одни. Другіе прибавляли, что и безъ Романа можно жить:

только Владиміра нужно выгнать изъ Галича. И никого другого имъ не надо. Сами, видите-ли, захотѣли справляться съ родною страною! Умѣли поддержать Ярослава, чуть не малолѣтка, на престолѣ, справились съ кіевскимъ Изяславомъ. Какъ же теперь не избавиться отъ безпутнаго Владиміра и всѣхъ его приспѣшниковъ? Ужъ очень всѣмъ имъ захотѣлось попользоваться сокровищами, которыя собралъ Осмомыслъ и не успѣлъ еще расхитить его непутевый сынъ.

Изъ Боговидова понеслась боярская крамола. Какъ лава, потекла по стогнамъ галицкой земли до самаго стольнаго города. Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ смежилъ свои ясныя очи великій Осмомыслъ, а его сынъ уже бѣжалъ изъ столицы за Карпаты съ женою и дѣтьми. Между тѣмъ въ Галичъ, понадѣявшись на поддержку бояръ, не разсудивъ, не размысливъ хорошенько, поспѣшилъ ретивый Романъ Мстиславовичъ. Приняли его галичане охотно: лучше же онъ, чѣмъ Владиміръ съ его семьею и друзьями, народными обидчиками! Но черная туча надвинулась съ Запада прежде, чѣмъ князь и народъ успѣли опомниться. Венгерскія полчища перевалили черезъ Карпаты, подъ предводительствомъ самого короля Белы III, и грозно шли на Галицію, чтобы водворить на Русской землѣ хотя и законнаго князя, но, все же, теперь своего, т. е. венгерскаго ставленника! Умный Романъ, сообразивъ, что ему въ Галичѣ не мѣсто, удалился, уводя подъ свою защиту семьи всѣхъ своихъ приверженцевъ и унося съ собой княжескую казну, чтобы она не досталась иновѣрнымъ пришельцамъ. Галичскіе бояре,—тѣ, которые держали сторону венгровъ,—подобострастно спѣшили на встрѣчу королю и его ратямъ. На галицкой землѣ, подъ галицкимъ

небомъ, потерявъ стыдъ и гордость, они поклонились чуженину всею своею родною стороною, говоря: «Не посади въ Галичъ Владиміра, но дади намъ въ князья сына твоего, королевича Андрея».

Не взвидѣлъ свѣта отъ счастья венгерскій король!— Владиміръ обѣщалъ ему дорогую плату за помощь, много накопленной родительской казны должно было перейти въ чужую землю; но такой благодати, такой удачи онъ не могъ и во снѣ-то увидѣть! Гдѣ же было теперь Владиміру выполнять свои обѣщанія?—Помимо его, казна княжеская, да и вся богатая, плодородная, устроенная галицкая земля текла въ руки короля. Владиміръ становился теперь уже помѣхой! Нечего съ нимъ и думу думать! Скорѣе заковать непутеваго да отправить подъ надежною стражей назадъ, въ Венгрію, гдѣ и заключить въ башенный замокъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и всѣми присными! И пошелъ въ неволю злополучный князь, по той же дорогѣ, черезъ тѣ же горы, откуда такъ недавно велъ онъ чужія рати на родную землю. Бояре-измѣнники отворяли ворота славнаго Галича и съ честью, съ поклонами впускали чужеземнаго властителя въ столицу своего несчастнаго отечества! Народъ молчалъ въ недоумѣніи; святые храмы были заперты. Безъ звона, безъ крестнаго хода и благословенія галичскаго епископа въѣзжалъ иновѣрный король съ своимъ сыномъ, королевичемъ Андреемъ, водворяя его на древнемъ престолѣ православныхъ русскихъ князей! Галицкіе верховники, увлеченные порядками, которые имъ такъ нравились въ Венгріи, просили иноземца завести, на ихъ родинѣ, тотъ же государственный нарядъ. Выходило такъ, что уступая, изъ милости, ихъ слезнымъ мольбамъ, король Бела давалъ Галичу иноземный

венгерскій государственный порядокъ и венгерскаго королевича въ князья-повелители. Конечно, нельзя же было не исполнить такой просьбы! Къ титулу короля венгерскаго сдѣлали прибавку: «и галичскихъ земель». А такъ какъ въ католическихъ странахъ Западной Европы титулы принимались въ тѣ времена съ благословенія папы, то и объявили, что православное галицкое королевство (Бела назывался королемъ), по благословенію его святѣйшества римскаго папы, было присоединено къ венгерской коронѣ. Стали даже носиться слухи подъ рукою, что бояре обѣщали исподволь, втихомолку, пріучать народъ къ мысли, что одинъ Богъ, одни святые, одна и обѣдня, какъ у восточныхъ, такъ и у западныхъ христіанъ. Слухи эти дошли и до духовенства. Терпѣливо молчавшее до сихъ поръ, оно встрепенулось, насторожилось, заговорило со своей паствой, своими духовными дѣтьми. Дрогнула галицкая земля отъ края и до края! Заволновался православный народъ! Кланяться чуженину, иновѣрцу было уже не въ моготу, а тутъ еще страхъ за будущее, за вѣру отцовъ! Въ отвѣтъ на народное волненіе посыпались строгости, угрозы пришлыхъ властителей и ихъ соумышленниковъ-бояръ, народъ стали сдерживать силой, притѣснять. Ни жилища мирныхъ гражданъ, ни храмы Божіи не были пощажены. «Прогнѣвали мы Господа своими грѣхами!» восклицали терявшіе терпѣніе галичане, глядя на поруганныя родныя святыни.

Возмущенное духовенство отправило вѣстниковъ великаго горя въ дряхлый, но, все же, прародительскій Кіевъ. Потянулись и чернецы и клирики искать спасенія у древнихъ родныхъ угодниковъ. Въ свою очередь, возстало кіевское духовенство, увидя свою

галичскую братію въ горѣ, униженную, плачущую. Собрался весь освященный соборъ въ покои владыки-митрополита Константина, повѣдать ему о постигшемъ православный міръ злоключеніи. Горько заплакалъ и не могъ утѣшиться маститый іерархъ россійской Церкви, когда къ его стопамъ припали плачущіе братья галицкихъ обителей. Венгры выгнали ихъ изъ родныхъ монастырей! Храмы Божіи обращены въ стойла для коней!

— «Вступись за насъ, святый отче! Насъ тянутъ въ Римъ, подъ папу! нашу святыню сквернятъ, нашъ народъ православный угнетаютъ!» Гнѣвомъ сверкнули старческія очи, воспрянулъ кіевскій владыка, взялъ свой пастырскій жезлъ и, окруженный духовенствомъ своимъ и пришлыми челобитчиками, пошелъ въ великокняжескія палаты къ осторожному великому князю Святославу Всеволодовичу. У него въ гостяхъ былъ сватъ его, Рюрикъ Ростиславовичъ. И до нихъ долетали вѣсти отъ подножія Карпатъ,—они уже совѣщались, какъ быть, какъ пособить горю, какъ подѣлить галичскія земли. Совѣщались они даже до ссоры. А тутъ предсталъ строгій Божій слуга.

Не отъ міра сего были его рѣчи. Не по-мірски судилъ онъ о несчастьяхъ родныхъ людей, родныхъ земель.—«Иноплеменники сквернятъ храмы православные! Святыню попираютъ!» властно говорилъ онъ земнымъ правителямъ, «Церковь страдаетъ! Ее идите спасать отъ иноплеменниковъ! Лѣпо вамъ будетъ потрудиться во славу Божію! Не отдайте родной святыни и отчины своей невѣрнымъ!» Призадумались князья: если оставить Галичъ на съѣденіе венграмъ, окрѣпнутъ тогда паписты по сю сторону Карпатъ, сольются, пожалуй, еще съ ляхами, благо и тѣ римской вѣры,—тогда что же станется съ нами?

Съ востока напираютъ варвары. Остается, значитъ, сѣверъ съ его болотами да лѣсами.? Надъ нимъ царитъ уже безспорно Всеволодъ Юрьевичъ владимірскій,—ему и Новгородъ послушенъ со своими полудикими данниками.—«Пропадетъ наша южная Русь!» пророчески сказалъ владыка, понуривъ свою умную сѣдую голову. «Ужъ николи не вернутся Кіеву славныя времена Ярослава и Владиміровъ! Сгубили вы, князья, родную святыню своими распрями, братоубійственными войнами! Не замолить намъ вашихъ великихъ прегрѣшеній противъ памяти предковъ, противъ закона Божьяго!»

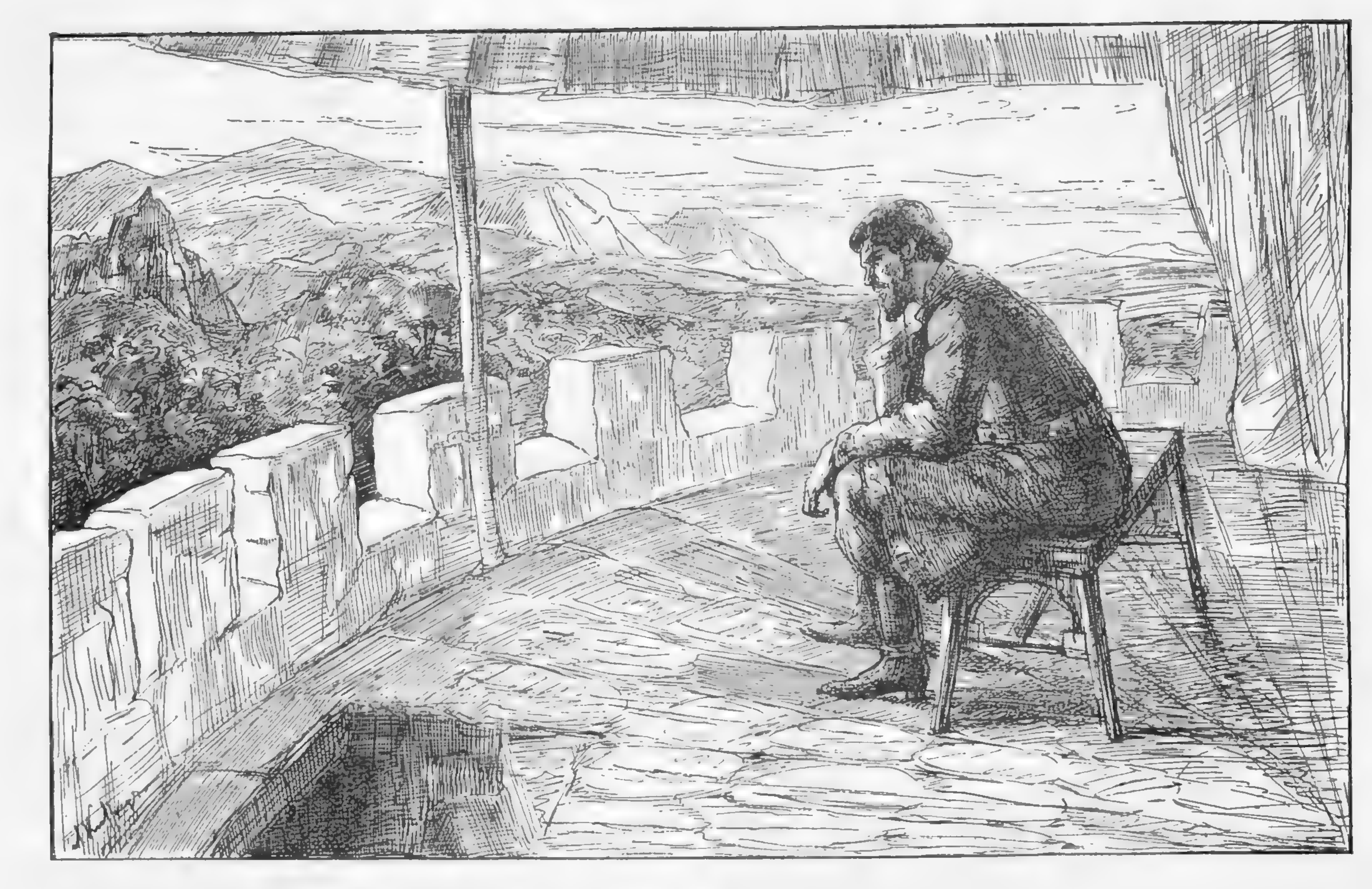
Молча слушали заслуженные упреки русскіе князья, и, хоть нехотя, хоть ссорясь втихомолку, но, все же, собрали рати и стали надвигаться на венгровъ, засѣвшихъ на галицкой землѣ. Только Господь судилъ иначе! Видно, горяча была молитва кіевскаго владыки, видно, сжалились святые угодники Русской земли и заступились предъ престоломъ Всевышняго за своихъ страждущихъ галицкихъ братій. Хотя на время, но, все же, венграмъ пришлось оставить Галичъ!

Сурово глядятъ Карпаты. Темный густой боръ спускается отъ нихъ и покрываетъ всю долину, точно задушить хочетъ мрачный небольшой за́мокъ, Богъ вѣсть, кѣмъ построенный въ этомъ всѣми забытомъ углу. Сюда-то схоронилъ вѣроломный Бела своего плѣнника, злосчастнаго державца галицкой земли. Въ высокой угловой башнѣ томится Владиміръ Ярославичъ съ женою и дѣтьми. Томится до отчаянія. Не милы уже ему его близкіе. Не могутъ понять малолѣтки отцовскаго горя. Жена больна отъ неволи, ея усталые глаза оживаютъ только при взглядѣ на малютокъ. Вся ея болѣзненная забота сосредоточена

на нихъ: какъ бы не разбились, рѣзвясь и толкаясь на крутыхъ каменныхъ ступеняхъ лѣстницы, чтò ведетъ въ тѣсныя, мрачныя опочивальни съ башни. Взмиловавшіеся тюремщики устроили на ея верху площадку и натянули полотняный шатеръ, чтобы дать бѣдному узнику возможность подышать чистымъ воздухомъ горъ и лѣсовъ.

Тоска, кручина все сильнѣе сосетъ душу князя. Упорно, неотвязно прикованъ его взглядъ къ далекому, темному бору. Тамъ, на краю неба, высятся горы, а за ними дорогая, родная земля! Чтò жена? чтò дѣти? Тоска по родинѣ черствитъ душу плѣнника! У него въ опочивальнѣ подъ половицею схоронены остатки отцовскихъ сокровищъ. Не все добро, накопленное Осмомысломъ, обобрали бояре; и не все онъ самъ отдалъ Белѣ, думая этимъ путемъ закупить его помощь. Кое-что еще прибережено и теперь какъ разъ можетъ пригодиться. Лишь бы случай представился! Утѣшится жена, забудутъ родину дѣти, выростая при матери въ довольствѣ на чужбинѣ, съ которой начинаютъ уже свыкаться. Только самому бы кое-какъ вырваться, окунуться въ эту родимую даль! Хоть бы обернуться въ птицу крылатую, перелетѣть подъ облака къ родному Галичу! Тошно бѣдному князю, не въ моготу ему, злосчастному державцу! О, Господи! Что дѣлается на его прародительскомъ столѣ?

Тѣни стали спускаться въ долинѣ. Жена и дѣти, крестясь, пошли на ночлегъ. Владиміръ все не шевелится, глазъ не можетъ оторвать отъ той долины, что уходитъ въ сторону родины. Его тюремщики приходили, смотрѣли, вздыхали, исчезали, опять поднимались. Наконецъ, одинъ не смѣло заговорилъ: «Князь любезный, не кручинься, не тоскуй такъ смертельно!

Тамъ, на краю неба, высятся горы, а за ними—дорогая родная земля! (Къ стр. 80).

Можетъ, твоему горю Господь и научитъ насъ помочь!» Испуганно, едва понимая, боясь понимать, смотрѣлъ Владиміръ на сторожа. Сердце замирало, точно нѣмѣло. Старикъ продолжалъ: «мы съ братомъ выросли въ здѣшнихъ лѣсахъ. Всѣ до единой тропинки избѣгали сызмала. Дороги знаемъ. Довѣрься только намъ. Вотъ тебѣ крестъ святой, не выдадимъ тебя, доставимъ цѣла на родину. Вишь, не можетъ твоя душа ее покинуть!» И онъ перекрестился. Крестился и Владиміръ. Его сердце билось, — хотѣло разорваться на части. Духъ захватило. Губы начали выговаривать слова молитвы. Изъ глазъ полились слезы. Наконецъ, онъ понялъ слова спасителей. Молясь, онъ довѣрился имъ. Пока они скручивали крѣпкіе жгуты изъ полотнянаго шатра, по которымъ князь могъ бы спуститься на землю, Владиміръ пошелъ въ опочивальню и досталъ свои сокровища; оставивъ половину женѣ и дѣтямъ, остальное спряталъ подъ кольчугу. Потомъ, поднявшись опять наверхъ башни, онъ спустился по веревкѣ на руки своихъ вѣрныхъ избавителей и, подъ покровомъ темной ночи, пробрался съ ними до лѣса, а тамъ и дальше—до границы.

Только не на родину пошелъ Ярославичъ. Не на Русь явился галицкій князь. Бросивъ жену въ заточеніи, онъ пошелъ просить защиты у германскаго императора Фридриха Барбароссы. Изумился гордый повелитель Западной Европы, увидя предъ собой, просителемъ, родного племянника суздальскихъ князей — Андрея и Всеволода Юрьевичей.

Образованные, сильные русскіе князья были извѣстны германскому императору. Они сносились съ нимъ и по торговымъ дѣламъ и по вопросамъ народнаго образованія. Не разъ выписывали съ Запада

во Владиміръ ученыхъ строителей, ваятелей, живописцевъ и всѣ нужные имъ матеріалы. Изъ писемъ князей императоръ видѣлъ ихъ свѣтлый умъ, всестороннія знанія. О мудромъ же ихъ правленіи, богатствѣ Русской земли, о многочисленномъ, сильномъ войскѣ, толковали безъ конца при его дворѣ возвращавшіеся на родину, богато одаренные художники. Что родъ суздальскихъ князей первенствуетъ на всемъ безграничномъ пространствѣ, отъ сѣвернаго до южнаго морей, отъ Карпатъ на западѣ и до Кавказа на востокѣ,—это было хорошо извѣстно въ Западной Европѣ. Вотъ почему Фридрихъ особенно охотно согласился помочь ихъ родственнику, который далъ ему еще и обѣщаніе: выплачивать ежегодно по 2000 гривенъ серебра, лишь бы вернуться на прародительскій престолъ.

Деньги эти были далеко не маловажны, особенно при тѣхъ безконечныхъ тратахъ, которыя вызывали на Западѣ крестовые походы. Одинъ изъ такихъ походовъ и предпринималъ въ это время императоръ. Онъ охотно и скоро согласился послать въ помощь Владиміру одного изъ своихъ вассальныхъ государей, короля польскаго Казимира Справедливаго. Къ границамъ родной земли, отчаго наслѣдія, не постыдился Владиміръ Ярославовичъ привести иноземныхъ, иновѣрныхъ ляховъ. Венгры не ждали его появленія, а галичане, прослышавъ о возвращеніи прирожденнаго князя, огласили всю страну радостными кликами и пошли толпами ему навстрѣчу. Духовенство выходило съ крестами, хоругвями по всему пути Владиміра, благодаря Бога въ радостныхъ молитвахъ за спасеніе страны отъ иноземнаго ига. Королевичъ Андрей не могъ, да и не думалъ сопротивляться. Онъ бѣжалъ

съ своими венграми да крамольными боярами къ отцу, за Карпаты, унося съ собою лишь титулъ, но, все же, обидный для русскаго уха: «короля галицкой земли».

Усѣвшись на прародительскомъ столѣ, Владиміръ догадался немедленно отправить пословъ къ дядѣ своему, владимірскому великому князю Всеволоду Юрьевичу, съ челобитною: «Отецъ и господинъ мой!» такъ писалъ онъ, «молюся тебѣ; удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой есмь, со всѣми галичанами. Въ твоей волѣ есмь всегда». Тронула Всеволода Юрьевича просьба племянника, сына покойной несчастной сестры—Ольги Юрьевны. Онъ отправилъ посланія ко всѣмъ русскимъ и польскимъ князьямъ, требуя, чтобы они обѣщались, присягнули, крестъ цѣловали на томъ, что никто изъ нихъ не будетъ отнимать престолъ у его племянника. «И оттолѣ», говоритъ лѣтопись, «не бысть на-нь никого же». Грозное слово владимірскаго князя вызвало полное послушаніе. Замолчалъ и Рюрикъ, притихъ и самъ кіевскій князь Святославъ. Утѣшенъ былъ и митрополитъ кіевскій и всея Руси! Его святыя молитвы, видимо, помогли избавить православный Галичъ отъ западныхъ иновѣрцевъ. Только римскій папа съ тѣхъ поръ уже не сводилъ своихъ завистливыхъ глазъ съ прикарпатской Руси.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. II. Владимірскій періодъ.
2) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
3) *Соловьевъ.* Даніилъ Романовичъ, король галицкій. Современникъ 1847 г. Т. I.

Романъ Мстиславовичъ Галицкій, самодержецъ всей Русской земли.

1197—1205 гг.

Въ ДИВНО украшенномъ, по словамъ лѣтописи, каменномъ соборѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, усердно молился владиміро-волынскій князь Романъ Мстиславовичъ, стоя на клиросѣ, и могучій голосъ его звонко разносился подъ величественными сводами Мстиславова храма. Романъ любилъ и зналъ церковный уставъ лучше самаго свѣдущаго дьячка и пѣлъ превосходно. Набожные волынцы особенно охотно посѣщали «отчій храмъ» своихъ любимыхъ благочестивыхъ князей. Служба шла чинно, благоговѣйно. Князь прочиталъ апостолъ истово, ясно, громогласно и, возвращаясь на клиросъ, замѣтилъ движеніе въ толпѣ, обыкновенно очень тихо стоявшей во время обѣдни. Онъ двинулъ свои черныя брови и уставился на старика, осторожно пробиравшагося впередъ. Какъ лунь, бѣлѣла голова пришельца; ужъ сгорбили годы когда-то

высокій его станъ. Съ посохомъ въ рукахъ, съ сосредоточеннымъ видомъ опустился онъ на колѣни у самаго клироса и углубился въ молитву. Когда же дьяконъ, при чтеніи св. евангелія, произнесъ: «*Егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавши оживутъ*» *), старикъ внятно прошепталъ: «воистину оживутъ». Романъ сердито оглянулся, и ему показалось знакомымъ лицо странника. Но какъ ни старался онъ, ничего не могъ припомнить, только злился, что не могъ уже сосредоточить мыслей на молитвѣ. Богомолецъ же продолжалъ, ни на кого не глядя, усердно молиться, отбивая земные поклоны, несмотря на свои видимо преклонные годы.

Отошла обѣдня, повалилъ народъ изъ храма, князь Романъ прошелъ прямо въ ризницу и велѣлъ позвать туда чуженина, стоявшаго у праваго клироса. Не успѣлъ пономарь броситься исполнять княжій приказъ, какъ незнакомецъ самъ предъявился—тутъ какъ тутъ. Сдѣлалъ обычныя метанія передъ иконами, потомъ самому князю поклонился въ ноги да и заговорилъ: «Кланяютися, великій княже володимерскій, галицкій и всея Руси! Повели, милостивецъ, холопу твоему, писцу Тимоѳею»....—«А,—вспомнилъ теперь! вотъ оно что: Тимоѳей, княжій писецъ изъ Галича», сказалъ князь. «Что-жъ это ты—да еще обученый—не по праву такъ выговорилъ: гдѣ тутъ всея Руси, да и Галичъ зачѣмъ помянулъ?»—«По праву помянулъ: воистину! Кланяютися, галицкій самодержче!» Вспылилъ Романъ Мстиславовичъ, крутенекъ былъ, шутить при себѣ не позволялъ! А старикъ, вторично поклонившись въ ноги, всталъ, выпрямился передъ княземъ и торжественно проговорилъ: «Владиміръ Ярославовичъ помре, спѣши

---

*) Ев. Іоан. V, 25.

въ Галичъ, княже православный, не то угры съ ляхи упредятъ тебе». Даже отшатнулся Романъ. «Владиміръ умеръ! Опустѣлъ галицкій столъ!» Истово перекрестился благочестивый князь и, подозвавъ своего духовника, служившаго въ этотъ день литургію, пошелъ съ нимъ, задними дверями, въ княжескія палаты, приказавъ проводить туда и писца.

Служитель Божій, весь проникнутый святостью только что совершеннаго таинства, съ удивленіемъ смотрѣлъ на волненіе земного владыки. — «О чемъ такъ печешься, княже великій? Что Господу угодно, то и будетъ». Но Романъ не унимался. Сколько лѣтъ стремился онъ соединить въ одно сильное княжество южную Русь! Сколько вытерпѣлъ горя, униженій, вынесъ опасностей! Ужъ разъ стоялъ онъ одной ногой на ступеняхъ галицкаго княжескаго стола! Разъ ужъ поступился своими желаніями передъ волей сильнѣйшаго врага—ушелъ отъ Галича, оставилъ его венграмъ, лишь бы не проливать напрасно христіанскую кровь.... Нѣтъ, теперь ужъ не уступитъ! Да и уступать-то кому? венграмъ? ляхамъ? кіевскому Рюрику?—«И опять польется кровь христіанская», тихо, съ мольбой въ голосѣ, сказалъ священникъ.—«Да пойми ты, отче преподобный, что еще больше польется она, если придутъ вороги съ запада! Припомни Белу III, поруганіе храмовъ, притѣсненіе православія!» — «Да не будетъ!» вздыхалъ, крестясь, старецъ: «да оградитъ насъ Христосъ и святые Его угодники отъ такой напасти!» — «Ну, вотъ то-то и есть! Надо торопиться, чтобы не впустить снова папистовъ на святую Русь!»

Когда, по призыву своего князя, собрались въ думной палатѣ епископъ, бояре, воеводы, Романъ заговорилъ.—«Позвалъ я васъ, съ благословенія на-

шего владыки и моего духовнаго отца, галицкіе мои дорогіе гости, и васъ, мои володимерскіе соратники, чтобы послушать пришельца изъ Галича о приключившемся у нашихъ сосѣдей». Въ хоромы вошелъ писецъ Тимоѳей, занимавшій эту должность еще при Осмомыслѣ. Ни чуть не смутился старикъ, увидя себя въ такомъ многолюдномъ собраніи и, на вопросы князя, сталъ отвѣчать отчетливо, съ достоинствомъ. — «Волею Божію, князь Владиміръ галицкій померъ и на его честныхъ похоронахъ бояре, какъ и прежде водилось, подняли смуту, зашумѣли насчетъ его наслѣдства». Присутствовавшіе при этой вѣсти галичане тоже зашумѣли: «Идемъ, князь! спѣши въ Галичъ! ведемъ мы тебя на твой столъ!» Властно махнулъ на нихъ рукою Романъ, нахмурилось умное чело; онъ спросилъ Тимоѳея: «Взялись за оружіе буяны?» — «Не, милостивецъ,— а взялись за казну княжію, есть тотъ грѣхъ! Похитили сокровища, сколько могли, и пошли кланяться ими венгерскому королю».—«Измѣнники вѣрѣ отцовской!» отчетливо проговорилъ епископъ. Молчалъ Романъ и думалъ крѣпкую думу; потомъ, смотря ясно на своего духовника, сказалъ: «Видишь, отче, не обойдется безъ кровопролитія: придутъ латиняне и начнутъ убивать православныхъ или вынуждать отречься отъ вѣры предковъ. Надо ихъ предупредить». Уныло склонилъ голову молитвенникъ Божій и, осѣнивъ князя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «Будемъ день и ночь молиться со слезами, чтобы Господь помогъ тебѣ, Своему благовѣрному избраннику, безъ боя овладѣть сосѣдней русской землею, во славу православной вѣры».

Сдѣлавъ должныя распоряженія, отправивъ лучшихъ изъ бояръ съ полками къ Перемышлю и Яро-

славлю, князь распустилъ совѣтниковъ. Самъ же, переговоривъ еще съ Тимоѳеемъ, приказалъ сѣдлать коней и, взявъ только двухъ оруженосцевъ, поѣхалъ, тайкомъ отъ всѣхъ, ближайшими путями прямо въ Краковъ. Направился онъ къ своей любимой племянницѣ, княгинѣ Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславовича Бѣльзскаго, вдовѣ Казимира Справедливаго.

Русской княгинѣ очень трудно было удержать престолъ за своимъ малолѣтнимъ сыномъ Лешкомъ. Многіе бояре стояли за его дядю Мечислава, брата покойнаго Казимира. Для славянъ нуженъ былъ тогда князь-воинъ, въ ратныхъ доспѣхахъ, съ тяжелой рукой, удалымъ обычаемъ. Не любовно смотрѣли они на короля-ребенка. Но королеву поддерживалъ краковскій епископъ и его братъ, воевода Николай,—друзья дѣтства нашего князя Романа, который воспитывался въ Краковѣ. Обо всемъ этомъ раздумывалъ мудрый Романъ, пока добрые кони осторожно несли его по извѣстнымъ ему, но небезопаснымъ путямъ, черезъ ущелья и лѣса, ловко обходя болота и селенія.

Начинало темнѣть, черный боръ стѣной стоялъ передъ путниками. Пришлось придерживать коней, вглядываясь въ даль.—«Вона огонекъ, княже», сказалъ стремянный. Между соснами впереди что-то мерцало, и путники стали подвигаться къ этой свѣтящейся точкѣ. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе слышался имъ старческій, но все еще сильный, пріятный голосъ, и звуки струнъ все отчетливѣе долетали до ихъ внимательнаго слуха. Вдругъ молодой, свѣжій, чудный голосъ раздался въ тишинѣ ночной,—ясно, въ избушкѣ играли на гусляхъ и пѣли псалмы. Было чего заслушаться въ эту черную, глухую ночь, въ темнотѣ, пожалуй, непроходимаго бора. Чѣмъ ближе

О! да кто жъ это? чуть ли не старый знакомецъ! *(Къ стр. 89)*.

подъѣзжали путники, тѣмъ чудные звуки становились яснѣе, обаятельнѣе. Сдерживая дыханіе, чуть шевелясь, сошли они съ заморенныхъ коней, подошли къ раскрытому входу и, при яркомъ свѣтѣ лучины, увидѣли сѣдого старика, а у ногъ его дѣвочку-подростка. Оба такъ увлеклись своею молитвою, что замѣтили гостей только тогда, когда тѣ уже вошли въ яркую полосу свѣта убогаго, но не тѣснаго жилья.—«О! да кто-жъ это? чуть ли не старый знакомецъ!» воскликнулъ удивленный князь. Дѣвочка встала, въ недоумѣніи поднявъ свои большіе черные глаза на пришельцевъ. Ея смуглыя щеки вспыхнули, и она застѣнчиво отошла въ самый темный уголъ.—«Чье это дитя?» опять спросилъ князь.—«Мое, милостивецъ нашъ великій», почтительно, но не подобострастно отвѣчалъ отшельникъ. «Принесъ я это дитю-турчаночку, на моихъ рукахъ, лѣтъ съ десятокъ тому назадъ изъ Святой земли, окрестилъ же ее здѣсь о. Аввакумъ».—«Ты-то самъ—Нелюбецъ—что ли—изъ Чегрова?» спросилъ Романъ и раздумывалъ: «что это? Божья воля или вражья сила занесла меня сюда?» Но, подъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго сладостнаго пѣнія, онъ приказалъ людямъ отпустить у коней подпруги и хорошенько ихъ выводить. Самъ же переступилъ порогъ и усѣлся на деревянную лавку, покрытую звѣриной шкурой. Пѣвецъ повѣсилъ свои гусли въ переднемъ углу, подъ образомъ, передъ которымъ теплилась неугасимая лампада.—«Ты это съ Берладникомъ научился такъ хорошо пѣть?» спросилъ князь.—«Да, пожалуй, и тогда ужъ гусли были моими друзьями, только не для святыхъ словъ великаго псалмопѣвца», былъ степенный отвѣтъ. «Молитвенному славословію научили меня

братья-паломники, во время странствованій по святымъ мѣстамъ».

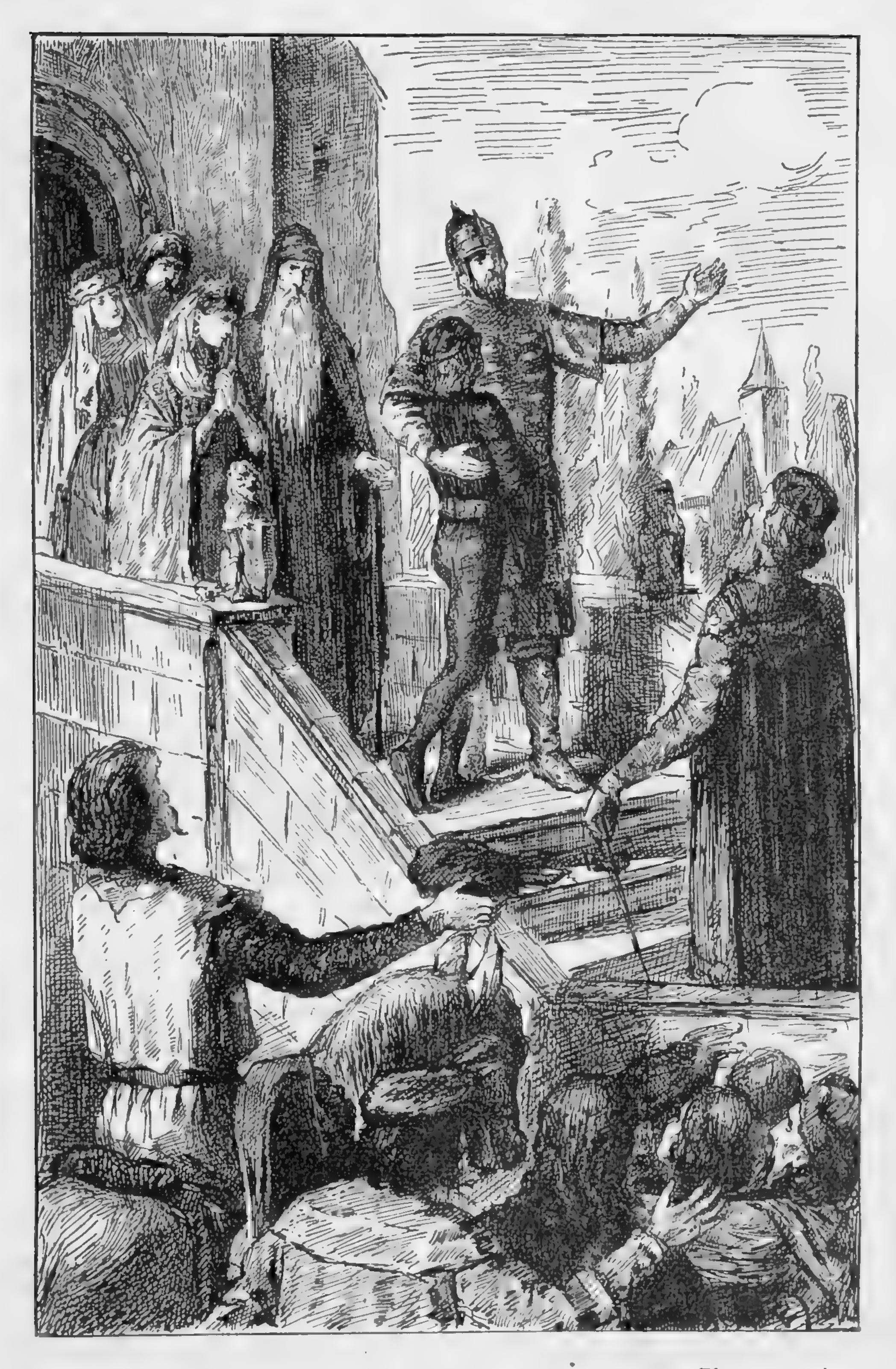
Князь оглядывалъ хату. Турчаночка прикурнула въ углу на волчьей шкурѣ, рядомъ съ ручнымъ медвѣженкомъ. Въ углу надъ образомъ три пальмы поникли своими высохшими верхушками. Вглядываясь въ ликъ, изображенный на иконѣ, князь опять вскинулъ пытливый взглядъ на старика.—«Св. Димитрій изъ Солуня?»—«Помогъ Господь принести и святыню,—попалъ туда въ тѣ поры, когда бояринъ Тудоръ ходилъ, по повелѣнію князя Ярослава, за тѣломъ князя Іоанна, по прозванію Берладника».—«Чтожъ принесли его тогда?»—«И положили честно въ Ивановской обители, что подъ Галичемъ».—«Вотъ оно что!—Ну, а тутъ-то, старикъ, ты все молишься или состоишь соглядатаемъ у вороговъ Русской земли?» Этотъ прямой, рѣзкій вопросъ, какъ бичъ, хлестнулъ старика: онъ всталъ во весь свой богатырскій ростъ, точно хотѣлъ головою поднять невысокій потолокъ, и съ достоинствомъ отвѣтилъ: «Никогда слуги усопшаго галицкаго князя Іоанна Ростиславовича не шли противъ родины».—«Онъ только самъ водилъ ихъ подъ Галичъ проливать русскую кровь?» рѣзко возразилъ Романъ.—«Пусть бы дали ему, какъ старѣйшему, волость. Ну, да это дѣло княжее, не намъ, рабамъ, судить! Ты-то самъ куда путь держишь въ такую темь, въ такой глуши?»—«Тебѣ на что же знать, куда я путь держу? Развѣ меня не узнаешь? ну, и не надо».—«Какъ не признать волынскаго-то князя!» Романъ поднялъ пристальный взглядъ на говорившаго.—«Но здѣсь не Волынь, а, пожалуй, недалече и ляхская земля. Почто же князю приключилось ѣхать одному къ ляхамъ этимъ путемъ?»—

«Вотъ оно что! Любопытенъ сталъ?»—«Мнѣ, князь, не до любопытства. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ извели злые вороги прирожденнаго моего галицкаго князя, Божій свѣтъ мнѣ опостылѣлъ. Ходилъ я по святымъ мѣстамъ, пока силы были. Теперь живу въ пустынѣ, со звѣрями, учу христіанскую душу молиться, вѣрить, любить. И самъ молюсь за упокой усопшихъ, и мира міровы прошу».—«А я на брань иду,—не надо, значитъ, за меня молиться!»—«На брань? куда? зачѣмъ? Ляхъ миренъ по-сейчасъ. Аль обидѣлъ Мечиславъ Елену съ сыномъ?»—«Нѣтъ, иду просить у ней полковъ, чтобы съ ними Галичъ взять».—«Опять! такъ точно, какъ Берладникъ»?—«Совсѣмъ не такъ! Выходитъ иначе: престолъ стоитъ пустой, на Галичъ венгровъ позвали бояре. Владиміръ умеръ!» Остолбенѣлъ отъ изумленія отшельникъ.—«Умеръ князь Владиміръ? За венграми пошли бояре? О, Господи, спаси насъ и помилуй!» Потомъ вдругъ повалился въ ноги Роману.—«Иди, князь великій, спѣши къ Галичу, не дай его венграмъ на съѣденіе»!—«Ага! заговорило русское сердце, что-что Берладникъ! Теперь—иди! А куда я пойду въ такую темь? Ты, пожалуй, еще свиснешь какихъ своихъ друзей—ушкуйниковъ? *) Вотъ и пропадай Галичъ!» сказалъ князь полушутя, глядя на старика.—«Грѣхъ тебѣ смѣяться надъ святыней! Ты наше спасеніе, наша надежда; да на галицкой землѣ не найдется и ворога на тебя,—развѣ только бояре?»—«Они ужъ казну險 уграмъ понесли».—«А ты безъ нихъ въ Галичъ! упреди ихъ, молю тя, господине-княже!» И торопясь, съ трудомъ досталъ старикъ изъ-за образа кусокъ камня, отломилъ отъ него только небольшую часть

*) Разбойниковъ.

себѣ, приговаривая: «Это дитю въ благословеніе». Большую же половину камня онъ завернулъ въ чистую тряпочку и передалъ князю, вдохновенно повторяя: «да сохранитъ, да оградитъ тебя частица святыя, честныя скалы гроба Господня отъ всякаго лукавствія, бѣды, злополучія!» И поклонился истово желанному правителю южной Россіи. Благоговѣйно крестясь, поцѣловалъ набожный Романъ частицу священнаго камня и запряталъ ее подъ кафтанъ. Въ это время между верхушками сосенъ засіялъ серпъ луны, и стало виднѣе. Князь кликнулъ своихъ людей. Нелюбецъ вызвался проводить его лѣсомъ до самой границы польской земли. И тамъ, когда уже путники выбрались изъ чащи, въ чистое поле, на дорогу, отшельникъ долго стоялъ, слѣдя за ними добрыми глазами. Усердно крестя ихъ вослѣдъ, горячо молился, призывая Божіе благословеніе на строптиваго, но безусловно мудраго князя.

Съ почетомъ приняли въ Краковѣ дядю королевы. Жители привѣтливо встрѣчали своего стараго знакомца, храбраго, удалого, русскаго князя. На красное крыльцо королевскаго дворца вышли всѣ придворные чины и его другъ дѣтства, воевода Николай. Крѣпко обнялись пріятели и стали объ руку подниматься по ступенямъ крыльца. Въ дверяхъ стояла вдовствующая королева съ епископомъ, маленькій же король бѣжалъ на встрѣчу, радостно повторяя: «Дѣдю любимый, буди ми отца вмѣсто!» Въ отвѣтъ русскій князь обнялъ польскаго короля и при неистовыхъ кликахъ народа громко сказалъ: «Клянусь передъ Богомъ быть тебѣ вмѣсто отца!» Ликущія толпы съ умиленіемъ смотрѣли на эту трогательную картину. Прослезилась королева, перекре-

Дѣдю любимый, буди ми отца вмѣсто! *(Къ стр. 92).*

стился воевода, епископъ же благословилъ мощнаго покровителя сироты и вдовицы.

Романъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые не робѣютъ передъ сильными средствами для искорененія сильнаго зла. Будучи еще волынскимъ княземъ, онъ прославился ожесточенною борьбою съ половцами и литвою. Первые со страху сократили свои набѣги на Русь,—даже дѣтей своихъ пугали именемъ князя. Съ литовцами онъ преслѣдовалъ цѣль, общую всѣмъ древнимъ князьямъ, своимъ родичамъ. Онъ заботился всего болѣе о построеніи городовъ и населеніи пустынь. Для прекращенія набѣговъ языческой литвы, онъ считалъ необходимымъ пріучать эти дикія звѣроловныя племена къ хлѣбопашеству. Истребляя ихъ дремучіе лѣса, строилъ города, села, расчищалъ огромныя пространства, обращая ихъ въ плодородныя поля. И такой-то сильный духомъ и волей державецъ пришелъ къ племянницѣ своей просить поддержки.

Когда они остались одни въ покояхъ королевы, Елена первая заговорила о трудности переживаемыхъ событій.—«Помни, дядя, что въ титулѣ венгерскихъ королей стоятъ обидныя для насъ, русскихъ, слова: «король галицкой земли». Надо молить Бога, чтобы они остались однимъ звукомъ».—«Я слышалъ», сказалъ епископъ, «будто угорскія рати уже переходятъ Карпаты». — «Надо бы спѣшить, княже!» вставилъ воевода.—«Идемъ, друже!» обращаясь къ нему, сказалъ Романъ и, повернувшись къ королевѣ, добавилъ: «разъ они узнаютъ, что на нихъ идутъ наши соединенныя рати, авось будутъ осторожнѣе подвигаться, меньше безчинствовать. Надо отстоять русскія и польскія земли отъ общаго врага».—«Возьми меня съ со-

бою, нареченный отецъ!» взмолился Лешко. Поблѣднѣла Елена, сжалось материнское сердце, крупныя слезы закапали изъ глазъ, но кровь доблестныхъ русскихъ князей сказалась въ ихъ славной дочери. Она перекрестилась, передала свое сокровище, сына польскихъ королей, на руки дядѣ, славному потомку Мономаховичей, и пошла распоряжаться приготовленіями къ его отъѣзду въ дальній боевой походъ. Какъ ни обычно было тогда брать дѣтей съ собою на ратные подвиги, но для материнскаго сердца это не утѣшеніе. Несказанно страдала бѣдная Елена, преклоняясь передъ неумолимымъ долгомъ! Князь же Романъ съ воеводою занялись воинскими распоряженіями, а набожный епископъ поспѣшилъ въ свою молельню, взывая къ милосердому Богу о помощи правому, святому дѣлу.

Госпо́дь услышалъ теплую молитву Своего смиреннаго служителя. Когда венгры узнали, что волынскій князь, съ свойственной ему отвагой, устремился съ польской конницей къ Галичу, они призадумались — да благоразумно и повернули домой, за Карпаты. Боя не было, королева успокоилась,—цѣло, невредимо отдали ей ея сокровище.

До помраченія ума перепугались мятежные галицкіе бояре. Поспѣшно, опережая другъ друга, примкнули они къ народному ликованію. Съ крестами, хоругвями, въ праздничномъ облаченіи пошло галицкое духовенство навстрѣчу волынскому князю. Радостно гудѣли церковные колокола, народъ восторженно привѣтствовалъ великаго Романа, самодержца, повелителя всего юга Руси. Гордо въѣхалъ волыно-галицкій державецъ въ свою новую столицу. Набожно приложился къ святымъ иконамъ, принялъ благосло-

веніе епископа и прошелъ съ нимъ въ соборный храмъ—благодарить Бога за безкровную побѣду, одержанную надъ врагами земли родной и родного православнаго вѣроученія.

Владѣя всею Карпатскою Русью, Романъ Мстиславовичъ властвовалъ единодержавно на берегахъ Днѣстра, Прута, Серета и при Дунаѣ, т. е. тамъ, гдѣ теперь Австрія главенствуетъ надъ славянскими племенами. Тогда онъ соединилъ въ своей мощной рукѣ галицкое и родовое владиміро-волынское княжества. Князь Романъ держалъ въ страхѣ и венгровъ, и ляховъ,—да страшно громилъ и литовцевъ съ ятвягами за то, что тѣ, врываясь въ его владѣнія, варварски притѣсняли его подданныхъ.

Объ отношеніяхъ князя къ литовцамъ сложилась, говоритъ современный лѣтописецъ, поговорка: «Романе княже, худымъ живеши, литвою ореши». Въ дѣйствительности же онъ, съ обычною твердостью, проводилъ начала христіанства и порядка въ пограничныхъ языческихъ земляхъ. У себя творилъ судъ правый, нелицемѣрный. Лѣтопись говоритъ, что онъ былъ «храбръ, какъ туръ, сердитъ, какъ рысь, и губилъ, какъ крокодилъ». Дѣйствительно, онъ губилъ немилосердно всѣхъ, кого считалъ недостойнымъ, вреднымъ сыномъ любимой родины. Не давалъ воли ни боярамъ, ни тіунамъ *), былъ справедливъ, но и неумолимъ. «Не подавивъ пчелъ,—меда не съѣшь», была его любимая пословица. И онъ давилъ все дурное, безчестное, вредное для государства,—будь это внутренніе или внѣшніе враги, иноплеменники или свои родичи—русскіе князья. «Народъ славилъ въ

*) **Управители княжескими имѣніями.**

немъ умъ мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову въ усмиренiи враговъ». Только передъ суздальскимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ Большое Гнѣздо, преклонялся гордый Романъ. По словамъ лѣтописи, онъ величалъ его «своимъ отцомъ и господиномъ», какъ старшаго въ Мономаховомъ родѣ.

Согласно слѣдили оба державца за внутренними безпорядками среди младшихъ князей и за внѣшними врагами. Новгородъ, Псковъ съ ихъ данниками, весь языческiй мiръ сѣверной и восточной окраинъ боялись Суздаля, зависѣли отъ его державца. Литва, ляхи, венгры считались съ Галичемъ. Младшiе князья, съ Рюрикомъ кiевскимъ во главѣ, не переставали драться, дѣля и отнимая другъ у друга волости, взывая о поддержкѣ то къ тому, то къ другому изъ единомышленныхъ вершителей судебъ Русской земли. Слава о «великомъ Романѣ» росла и разносилась по всей Европѣ. Византiйскiй императоръ Алексѣй Ангелъ, выгнанный племянникомъ Алексѣемъ Исааковичемъ, бѣжалъ въ гостепрiимный Галичъ. Онъ спасался отъ родственника и его союзниковъ-крестоносцевъ, завладѣвшихъ Константинополемъ и водворившихъ тамъ свое латинское вѣроученiе въ 1204 г.

Роскошная столица Запада, центръ тогдашней политической жизни Европы, царственный Римъ внимательно глядѣлъ на богатырскiй ростъ восточнаго гиганта. Сонмъ кардиналовъ, прелатовъ, духовныя и свѣтскiя власти, со своимъ святѣйшимъ главою Иннокентiемъ III, чуть не самодержавнымъ владыкою полувселенной, кому крестоносцы завоевали Балтiйскiй край,—часто заговаривали о дѣлахъ «галицкаго королевства».—«Это наша епархiя!» повторялъ

св. отецъ. «Въ титулѣ венгерскихъ королей вписаны эти, для насъ неизгладимыя, слова; значитъ, волыно-галицкая Русь должна быть собственностью римскаго престола».— «Нерушимо!» — «Вѣрно!» — «Свято!» — «Быть по сему!» посыпались убѣжденные отвѣты.— «Какъ же будетъ нашей епархіей земля греческаго закона?» послышался скромный, еле выговоренный вопросъ. Но чуткое ухо римской куріи дослышало, и въ отвѣтъ папа вѣско заявилъ: «Тѣмъ больше славы будетъ намъ, если мы, хотя бы силой, напоимъ здравымъ римскимъ ученіемъ Рутенію и подчинимъ римской церкви эту особую часть свѣта *). Изогнувшись въ три погибели передъ мнимымъ намѣстникомъ Христа, неугомонный спорщикъ, хотя со страхомъ, продолжалъ: «тамъ міръ особенный, отличный отъ нашего благословеннаго Запада. Это далеко за Венгріей, за Польшей».— «Тѣмъ лучше, во славу Божію!» былъ твердый отвѣтъ. — «Сколь безчисленно множество звѣздъ на небѣ, столько и рутеновъ на землѣ».— «Тѣмъ славнѣе будетъ привлечь ихъ подъ нашу святую десницу!» И собрали посольство на Востокъ (откуда, еще такъ недавно, ни съ чѣмъ вернулся кардиналъ, посланный въ Кіевъ), туда, гдѣ еще прежде, при Владимірѣ—Красное Солнышко, миссіонеръ Брунъ неудачно пробовалъ распространять западное ученіе среди твердыхъ, безхитростныхъ сыновъ восточной православной Церкви.

Рѣшительный, могущественный владыка Рима поручилъ своимъ довѣреннымъ людямъ осторожно вести переговоры съ галицкимъ княземъ, льстить ему, сколько можно, поднести даже королевскую корону.

---

*) Рутенія—Русь.

Могучій папа, который по произволу возводилъ и низводилъ съ престоловъ государей западной Европы, который всѣхъ ихъ отправлялъ и моремъ и сушею, то на проповѣдь христіанскаго ученія къ берегамъ угрюмой Балтики, то на освобожденіе гроба Господня,—онъ, основатель инквизиціи, этого высшаго трибунала католическаго міра, онъ же теперь училъ своихъ посланцевъ смиренно поднести королевскій титулъ русскому великому князю.

Не стройные ряды вооруженныхъ воиновъ, не всадники въ бранныхъ доспѣхахъ проходили по живописнымъ карпатскимъ ущельямъ. Не слышно бряцанія латъ, ни звуковъ трубы, ни воинственныхъ криковъ. Смиренно пробиралась на своихъ маленькихъ мулахъ горсть благочестивыхъ иноковъ, носителей премудрыхъ велѣній святого римскаго владыки. Тихо несутся изъ глубины послушныхъ сердецъ къ небесамъ, среди горныхъ ущелій, слова ихъ молитвы; они просятъ у Творца вселенной, у Господа силъ, умѣнья, мужества, терпѣнья выполнить возложенную на нихъ трудную задачу.

Вѣщій Романъ не только зналъ о посольствѣ, но онъ твердо помнилъ, что измѣнники, бояре галицкіе, по смерти Осмомысла, въ короткое правленіе венгерскаго королевича Андрея, обнадежили западную церковь возможностью присоединить Галицію къ римско-католическому вѣроученію. Гордый, самолюбивый, онъ ждалъ прелатовъ во всемъ блескѣ своего славнаго могущества. Галичъ блестѣлъ красотою, богатствомъ, многолюдствомъ. Позлащенные кресты многочисленныхъ храмовъ весело играли на яркомъ солнышкѣ. Нарядная толпа любопытно тѣснилась на улицахъ, оглядывая чуждыхъ чернецовъ, тихо двигавшихся къ отве-

деннымъ имъ палатамъ, на епископскомъ дворѣ. Роскошенъ былъ пріемъ, благодушна встрѣча. Всегда кроткое, незлобивое и некичливое православное духовенство братски отнеслось къ посланцамъ Запада, отвѣчая искреннимъ привѣтомъ на ихъ изысканную вѣжливость, притворное смиреніе, самоуничиженіе.

Въ назначенный день и часъ, Романъ принялъ папскаго легата въ думной палатѣ своего княжескаго дворца, окруженный духовенствомъ, боярами, придворными и ратными людьми, въ праздничныхъ нарядахъ. Роскошно было убранство. Въ красномъ углу висѣли иконы, ярко блестя золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Передъ ними теплились большія золотыя лампады. Стѣны были завѣшены парчами, коврами рѣдкой красоты, драгоцѣннымъ оружіемъ изъ всѣхъ странъ поднебесной. За княжескимъ сидѣньемъ стояли отбитыя непріятельскія знамена съ золотыми стружіями и червленными чолками *). А во всю заднюю стѣну висѣлъ коверъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій еще отъ временъ Осмомысла. Хищные половцы похитили эту цѣнную вещь изъ Ѳракіи, русскіе же, въ свою очередь, отняли ее у нихъ.

Послѣ обмѣна принятыхъ въ тѣ времена вѣжливостей, посолъ передалъ князю, что онъ присланъ папою увѣщевать Романа, властелина всея Руси, соблюдать вѣрность римскому, апостольскому престолу.— «Вѣрность чужому иновѣрному престолу? Какъ ни стараюсь,—понять не смогу», отвѣчалъ, улыбаясь, Романъ. Тогда легатъ сталъ пространно разъяснять, что сила Христова всецѣло передана на землѣ Его намѣстнику, что, какъ отъ Бога Самого, всякая власть

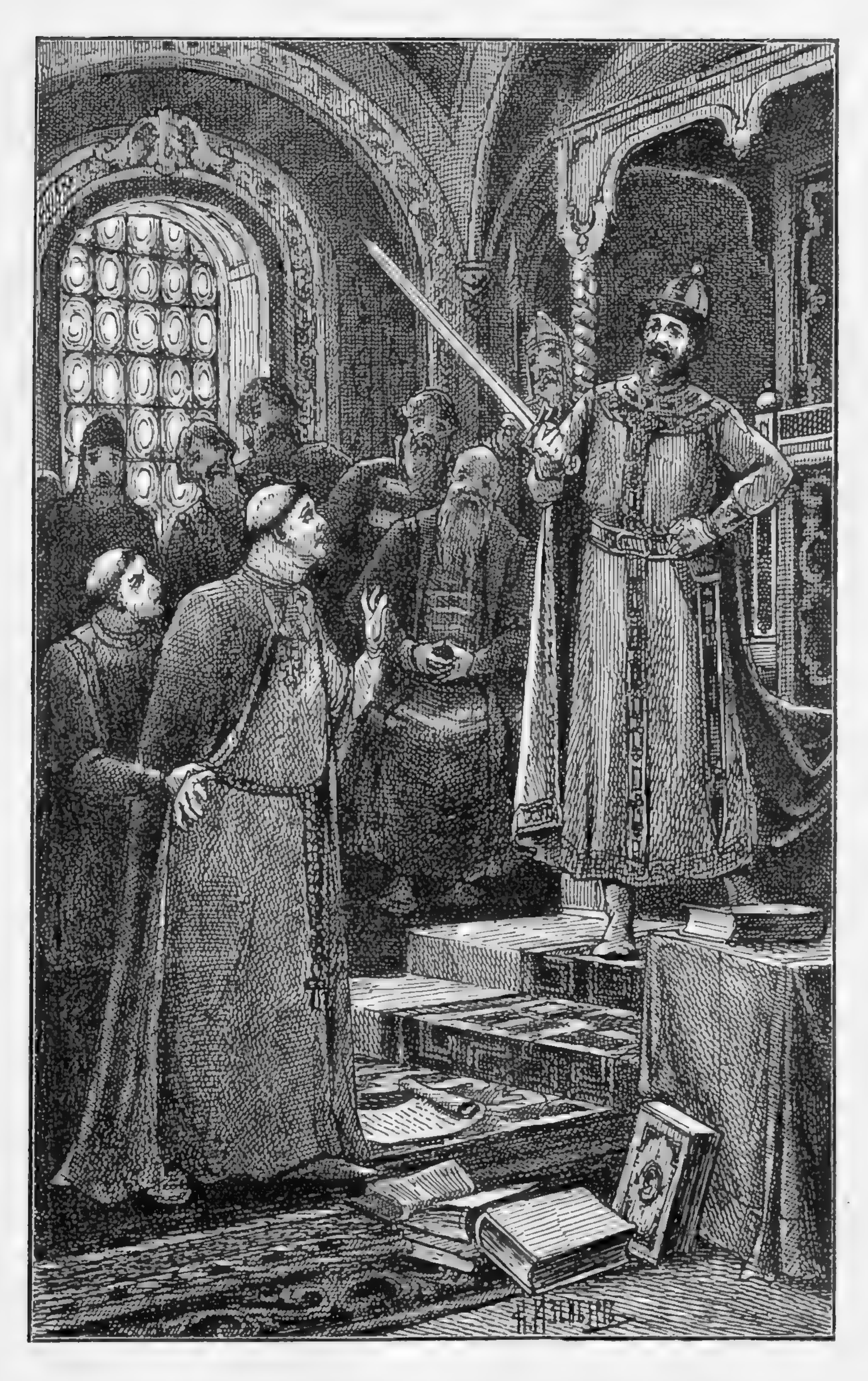
*) Куски матеріи, которые навязывали на древки знаменъ въ тѣ времена.

исходитъ отъ папы, и онъ можетъ наградить русскаго князя королевскимъ вѣнцомъ.—«Да на что же онъ мнѣ?» удивился Романъ Мстиславовичъ и вступилъ въ богословское преніе съ католическимъ посломъ.

Диву дался западный умнѣйшій богословъ, слушая умнаго, ученаго, образованнаго князя дикихъ, по его мнѣнію, рутеновъ. Онѣмѣли отъ восторга и русскіе, хотя и знали его нерядовой умъ и основательную ученость.

Разбитый во всѣхъ своихъ доводахъ, хитроумный легатъ попробовалъ воздѣйствовать на князя хотя бы запугиваніемъ. Онъ сталъ грозить Роману страшнымъ, всемірнымъ могуществомъ папы.—«Святѣйшій отецъ носитъ при бедрѣ мечъ св. Петра, повелѣваетъ всѣми царствами, во всѣхъ краяхъ вселенной». Тогда князь галицкій и вовсе поднялъ на смѣхъ латынца. Коротко и ясно объяснилъ ему, что, не примѣняя Христовой власти къ земному владычеству, онъ, русскій князь, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, оберегаетъ «своихъ людей судомъ правымъ, а свои границы мечомъ крѣпкимъ». При этихъ словахъ, совершенно неожиданнымъ, рѣзкимъ движеніемъ онъ выдернулъ свой могучій мечъ и съ лукавой улыбкой поставилъ легату вопросъ: «Такой ли, дѣйствительно, мечъ у его господина—папы?» Отшатнулся посланникъ, руками развелъ, потомъ, скрестивъ ихъ смиренно на груди и поднимая глаза къ небу, сталъ твердить слова псалмопѣвца: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его». Князь отвѣтилъ, что надо, дѣйствительно, имѣть большой запасъ кротости, чтобы выслушивать такія посольства, и приказалъ проводить, да на славу, по-русски угостить неудачныхъ гостей, въ 1204 году.

Ни съ чѣмъ вернулось въ Римъ и это посольство съ юга Россіи. Но не унялись паписты! Они порѣшили,

Князь Романъ Мстиславичъ галицкій держитъ отвѣтъ посланцамъ римскаго папы. *(Къ стр. 100).*

такъ ли, иначе ли, все же заполучить въ свою власть эту особую часть свѣта,—Рутенію. Приходилось пока оставить югъ Руси въ покоѣ при мудромъ, грозномъ Романѣ. Онъ же, продолжая служить церкви и родинѣ, какъ истый русскій князь, не забылъ о своей благодарности племянницѣ, княгинѣ Еленѣ. Нѣсколько разъ спасалъ своего нареченнаго сына, Лешка Бѣлаго, отъ притѣсненій дяди, Мечислава, и его сына, Владислава Тонконогаго.

При этихъ постоянныхъ походахъ, пришлось занять русскими полками древнерусскую люблинскую область, изъ-за которой когда-то ссорились ляхи съ русскими. Изъ-за нея и теперь пошли всѣ бѣды. Враги-католики, выполняя предрѣшенную задачу, научили Владислава Тонконогаго помириться съ Лешкой и, въ свою очередь, направить его на русскихъ, при чемъ доказывали, что Люблинъ—городъ ляхскій, и имъ не по праву завладѣлъ Романъ. Кичливый Лешко, прочно утвердившись на краковскомъ престолѣ, забывъ и благодарность и дружбу,—потребовалъ отъ благодѣтеля удаленія галицкихъ своихъ союзниковъ изъ Люблина. Вскипѣлъ Романъ! Въ отвѣтъ самъ осадилъ спорный городъ, пока поляки еще собирались выступать въ поле. Лешко съ братомъ Конрадомъ, Владиславомъ мазовецкимъ, и великою ратью двинулся на нареченнаго отца, но, узнавъ, что тотъ уже стоитъ подъ Завихвостомъ, на лѣвомъ берегу Вислы, остановился. Поразмысливъ, Лешко благоразумно, вмѣсто боя, предложилъ Роману переговоры—перемиріе. Всегда осторожный, поступающій обдуманно, Романъ на этотъ разъ измѣнилъ доброй привычкѣ, принялъ перемиріе, вступилъ въ переговоры, поручивъ вести ихъ воеводамъ, а самъ съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана,

вѣроятно, на охоту. Но тутъ—въ засадѣ, въ ближайшемъ лѣсу подкарауливалъ его польскій отрядъ. Вдругъ просвистѣла надъ головами Романа и его дружинниковъ стрѣла—одна, потомъ другая, а тамъ множество ихъ посыпалось со всѣхъ сторонъ, изъ-за кустовъ и пней. «Измѣна, княже! мы окружены!» воскликнули дружинники и крѣпкимъ кольцомъ сомкнулись вокругъ своего беззавѣтно-любимаго, славнаго вождя. Но какъ ни бились храбрецы, все было безполезно. Сила брала свое! Романъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ послѣ страшной сѣчи,—живымъ никто не сдался! Всѣ искалѣченные, израненые вернулись изъ предательской засады ляхи, но все же вернулись побѣдителями. Убили славнаго героя, врага папизма и неправды! Изъ Рима наведенная стрѣла рукою неблагодарнаго племянника-ляха поразила въ самое сердце храбраго витязя, радѣтеля о счастіи Россіи, могучаго носителя отеческихъ преданій—любви къ землѣ родной и Церкви православной.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Даніилъ Романовичъ, князь галицкій. Современникъ. 1847 г.
2) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи.
3) Свящ. о. Василій *Залузицкій.* Галицкая историческая хроника.

Своеволіе галицкихъ бояръ.

1205—1215 гг.

Убитъ славный радѣтель о Русской землѣ, гроза половцевъ и Литвы. Предано землѣ тѣло православнаго князя Романа. Плачетъ земля галицкая, молится народъ и духовенство. А боярство? а сосѣдніе державцы? всѣ заразъ насторожились! Они не постыдились, съ оружіемъ въ рукахъ, идти на вдову и маленькихъ дѣтей! Король венгерскій, князья польскіе и даже русскіе протягивали свои хищныя руки къ достоянію сиротъ. Раздолье боярамъ,—есть гдѣ показать свое ехидство, выказать злобу, накипѣвшую за время твердаго правленія великаго Романа. Одни изъ бояръ кланяются католикамъ-венграмъ и дарятъ ихъ. Другіе зазываютъ Литву и поляковъ, третьимъ сподручны черниговскіе князья, три сына знаменитаго Игоря сѣверскаго, завзятаго врага Мономаховича Романа и его потомства. Этимъ съ бояриномъ Владиславомъ во главѣ всего больше посчастливилось. Крамольники спѣлись,

наконецъ,—думаютъ, что Игоревичи будутъ сговорчивѣе всѣхъ. Они отстранили венгровъ и поляковъ, усыпили бдительность товарищей, вѣрныхъ присягѣ и правящихъ дѣлами родины за малолѣтствомъ законнаго князя. Ловкіе заправилы тайкомъ послали надежныхъ гонцовъ подъ Микулино сказать собравшимся князьямъ: «напирайте храбрѣе, пробивайтесь къ Галичу, мы вамъ отворимъ ворота, выдадимъ прирожденнаго, законнаго князя!»

Провѣдала о проискахъ бояръ галицкая княгиня-мать, племянница Лешка Бѣлаго, изъ дома Пястовъ. Почуяло ея горемычное сердце, что виситъ гроза надъ любимымъ ея дѣтищемъ, ея яснымъ соколомъ. Передъ образомъ Божіей Матери излила она свою материнскую скорбь! Небесной Владычицѣ открыла свои опасенія за судьбу сына. Ея сердце понимало, что врагъ силенъ, хитеръ, остороженъ, что съ нимъ надо дѣйствовать еще ловчѣе, опасливѣе. Позвавъ своего духовника, о. Юрія, она просила его отправиться къ игумену Ивановскаго монастыря подъ самымъ Галичемъ. Эти Божіи служители всей душей были преданы благочестивой госпожѣ, княгинѣ. Одинъ долженъ былъ передать другому о грозныхъ слухахъ, дошедшихъ до нея: венгры разбиты, князья идутъ на Галичъ, бояре измѣняютъ! Ей остается только спѣшно оставить столицу, унося младенца-князя, и схоронить его подъ мощною защитою короля Андрея. И монахъ, и священникъ вполнѣ оправдывали такое рѣшеніе. Подъ предлогомъ, что конюшни на княжо́мъ дворѣ надо перестроить, игуменъ предложилъ перевести въ монастырь любимыхъ княгининыхъ иноходцевъ и послалъ за ними служку еще до вечеренъ.

Темная, непроглядная ночь спустилась надъ Га-

личемъ. Спитъ православный людъ, утомившись отъ дневныхъ трудовъ, заботъ и горя. Спятъ и лѣпшіе (лучшіе) люди, успокоенные послѣдними, казалось, добрыми вѣстями съ поля битвы. Вѣстникъ сообщилъ, что не могли ихъ пока одолѣть русскіе князья съ своими союзниками-половцами. Добрякамъ показалось, что гроза миновала колыбель ихъ младенца-князя. Птенчикъ любимаго Романа невредимъ въ своихъ княжескихъ палатахъ, подъ надзоромъ мудрой матери, вдовствующей княгини и вѣрнаго пѣстуна Мирослава. Весь городъ окунулся въ непроглядную, душную тьму. Можно было только разслышать, какъ будто еле уловимый, слабый шорохъ въ сторонѣ княжóго двора... Чу! точно щелкнула гдѣ-то калитка, и все снова стихло, замерло! Даже съ неба ни одна звѣздочка не заглянула на землю, тучи висѣли надъ городомъ. Опять въ гробовомъ молчаніи пронесся неясный шорохъ, даже, какъ будто у воротъ княжескихъ палатъ что-то шевельнулось... Слабый, едва замѣтный огонекъ блеснулъ и погасъ. Казалось, стало еще темнѣе, а шорохъ, еле слышный, все же идетъ отъ дворца къ потайному ходу подъ городской стѣной. Опять мелькнулъ огонекъ и опять потухъ. Стража на стѣнѣ ничего не замѣчаетъ: спитъ здоровымъ или подкупленнымъ сномъ,—только крѣпко спитъ. А за стѣной, подальше отъ воротъ, по дорогѣ въ Ивановскій монастырь, что-то пошевеливается впотьмахъ, и тутъ опять блеснулъ огонекъ,—опять все стихло, шорохъ удалился и замеръ совсѣмъ.

Точно попозже, точно потише обыкновеннаго, зазвучалъ въ этотъ день маленькій колоколъ святой обители, сзывая братію къ заутренѣ. Сонно откликнулись на призывъ городскіе храмы, и медленно стали со-

бираться на молитву малочисленные, ранніе богомольцы. Благочестивый старецъ, духовникъ княгини, не торопясь, шелъ начинать раннее служеніе. На паперти, въ едва-едва мерцающемъ свѣтѣ занимающагося утра онъ увидѣлъ инока, посланца обители, поклонившагося ему въ ноги и прошептавшаго: «Помогъ Господь, будь покоенъ, отче, никто ничего не видалъ, не почуялъ даже».—«Спаси ихъ, Господи!» также шепотомъ отвѣчалъ священникъ и оба, крестясь, вошли въ церковь. Кое-гдѣ зажигались тонкія свѣчи желтаго воска, даръ усердныхъ богомольцевъ, теплились лампады передъ мѣстными иконами. Благоговѣйно стояли рѣдкіе молельщики. Усердно совершали службу ревностные служители алтаря Господня. Особенно трогательно возносилась на эктеніи молитва за государя, князя галицкаго и всея Руси, младенца Даніила, и о матери его, благочестивѣйшей княгинѣ Маріи. При этихъ возгласахъ, собравшійся людъ еще чаще крестился, истово кладя поклоны. Только у праваго клироса какой-то дюжій бояринъ ворчалъ себѣ подъ носъ: «Ну, пожалуй, ужъ въ послѣдній разъ поминаютъ». Его сосѣдъ тоже шепотомъ спросилъ: «А что слыхать-то? чья взяла?.»—«Какъ будто и ни въ чью сыграли. Только наши отступили къ Галичу, думая укрыться за стѣнами».—«Вона—что! Это за нашими стѣнами мы какъ разъ и изготовимъ пріемъ: впустимъ своихъ, а по ихъ пятамъ и Рюрика».—«Вотъ, вотъ объ этомъ-то и пришелъ помолиться. Рюрикъ справится со Романовымъ племенемъ.»—«Говорятъ, онъ его дюже не терпитъ».—«А за что терпѣть-то? за рясу да за клобукъ?—эво-ся!»—«Хоть бы ужъ скорѣе настала намъ своя воля, тогда бы можно было попользоваться опять, какъ бывало, сокрови-

щами, накопленными Романомъ».—«Придется лихо подѣлиться съ Рюрикомъ и его приспѣшниками!» Земной поклонъ положилъ батюшка при молитвѣ о всѣхъ страждущихъ, плѣненныхъ; собесѣдники переглянулись.—«Что это нашъ старикъ такъ размолился?»—«Вчера его видѣли въ теремѣ княгини, до самыхъ вечеренъ тамъ сидѣлъ».—«Ну, и пусть сидитъ тамъ, меньше видитъ нашу суету.»—«И впрямь бѣда, если попадутъ ему на глаза наши клевреты: убережетъ онъ Романовичей, такъ припрячетъ, что и не поймаешь».—«А что не боишься, сватъ, что княгиня-то венгровъ на насъ призоветъ?»—«Кого ей звать? отправимъ на родину съ младенцами и вся недолга».—«Хорошо, если бы все такъ сошло!» И оба богомольца, успокоивъ свою совѣсть тѣмъ, что отстояли утреню и переговорили о дѣлахъ, никѣмъ не замѣченные, отправились по домамъ.

Тѣмъ временемъ весь городъ началъ уже просыпаться. Жители понемногу принимались за свои обычныя дѣла, какъ вдругъ изъ княжескихъ хоромъ понесся пречудной слухъ! Какая-то глухая тревога чувствовалась въ воздухѣ! Въ теремѣ княгини межъ сѣнными дѣвушками былъ полный переполохъ.—«Что это матушка-то не выходитъ сегодня?» говорила одна.—«И княжичъ все не просыпается!»—«Ой, что-то страшно мнѣ! подъ сердце что-то подступаетъ!»—«Ну, чего ужъ! все сейчасъ и подступаетъ,—заспалась, вотъ и подступаетъ!»—«Вишь», замѣтила одна, что постарше, «утреню-то пропустила, къ ранней не поспѣть,—когда тамъ еще не просыпаются, вотъ оно и подступаетъ». Вошелъ ключникъ, прося доложить княгинѣ, что есть крайняя нужда видѣть ея пресвѣтлыя очи.—«А она, болѣзная, еще и не про-

снулась», въ одинъ голосъ отвѣтили дѣвушки. Оторопѣлъ ключникъ.—«Да гдѣ же постельничая?»—«И ее не видать», былъ сконфуженный, испуганный отвѣтъ.

Тогда онъ поднялъ голосъ, приказывая постучать въ дверь постельничей. Глядь! дверь-то и не затворена даже, и комната пуста. Какъ взвизгнули всѣ! Ужъ тутъ, безъ разбора старшинства, стали втискиваться въ горенку, оглядывая все кругомъ. Постель была не смята, выходного платья нигдѣ не было видно, а потайная дверь въ покои княгини полуоткрыта. Постояли, помялись на мѣстѣ: любопытство и страхъ боролись въ трусихахъ, наконецъ, кто-то кого-то толкнулъ впередъ,—сунулись.—«Ой! глянь-ко! пусто же! ей, Богу! пусто»... затрещали бѣдняжки, крестясь на громадную кіоту со множествомъ образовъ, передъ которыми теплилось нѣсколько лампадъ. Ключникъ бросился къ нимъ.—«Что это вамъ попритчилось?» ворчалъ онъ шопотомъ, а какъ вошелъ, то и поблѣднѣлъ хуже всѣхъ, и на нихъ же, бѣдныхъ, дрожавшихъ дѣвушекъ, набросился съ пѣной у рта.—«И спите же вы, какъ чурбаны! И страха-то Божьяго въ васъ нѣтъ! И ротозѣи, и зѣваки!» и все такое подбиралъ онъ, а самъ ни живъ, ни мертвъ подходилъ къ покоямъ князя Даніила.—«Съ нами крестная сила!» взмолился онъ, крестясь. Комната была тоже пуста. Ни княжеская кроватка, ни постель дядьки Мирослава не были смяты.

Пошелъ трезвонъ по всему Галичу. — «Княгини нѣтъ! гдѣ она? что съ нею?» волновалась придворная челядь и тѣмъ еще пуще пугала сбѣгавшійся народъ.—«И князя Даніила нашего нѣтъ, ни княжича-брата Василька, ни дядьки, ни мамки, да и конюха Мирка не видать, что-то!» слышалось кругомъ. Стали припоминать, что наканунѣ видѣли, какъ старикъ-

конюхъ съ сыномъ вышли отъ княгини, взяли съ собой пришедшаго изъ монастыря служку, пошли съ нимъ въ конюшни и оттуда, въ поводу, вывели трехъ лучшихъ иноходцевъ. Съ торга шелъ народъ и передавалъ, что тамъ бродячій монашекъ разсказывалъ, будто видѣлъ княжескихъ слугъ и съ конями въ Ивановской обители. Монашекъ клялся, божился, что говоритъ правду. Завѣрялъ, будто ночью въ ворота святой обители тихохонько постучали, самъ о. настоятель выходилъ изъ келліи отпирать, вывели лошадей, но кому, для чего, невѣдомо никому. Ночь была тюрьмы чернѣй и собиралась буря, только, кажись, она прошла стороной, а ворота самъ игуменъ заперъ да прямо и прошелъ не въ келлію къ себѣ, а въ церковь, отдавъ въ сторожкѣ приказъ позднѣе благовѣстить къ заутренѣ. Самъ же такъ и не выходилъ изъ храма, всю остальную ночь да и все утро провелъ въ алтарѣ, молясь со слезами!

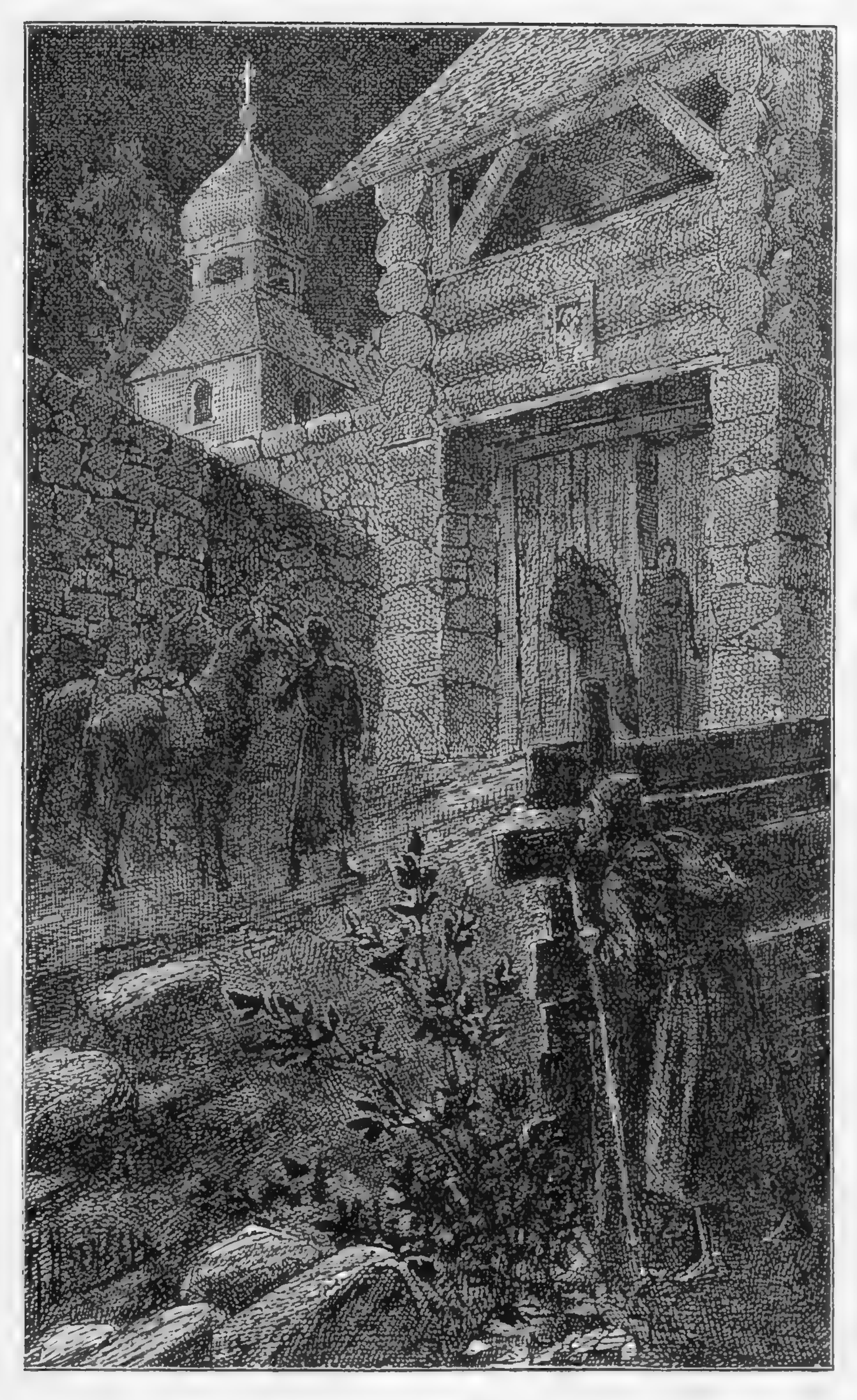
Бояре, граждане, тѣ и другіе по своему, страшно перепугались. Во всѣ стороны разъѣхались гонцы: одни съ доносомъ о случившемся къ подходившимъ кіевскимъ князьямъ, другіе—прямо въ монастырь къ о. настоятелю.—«Ты все знаешь, святой отецъ, скажи, гдѣ Даніилъ, нашъ князь любезный? куда дѣвали нашего державца? Гдѣ матушка-княгиня? Княжичъ-братъ Василько гдѣ?» Крестясь, въ слезахъ, суровый инокъ отвѣчалъ: «Укрыты, съ Божіей помощью, отъ измѣнниковъ-бояръ, поднявшихъ руку на своего законнаго владыку. Не догнать имъ своихъ жертвъ! Вдова и сироты нашли пріютъ надежный, вѣрный». Ничего не поняли любопытные, только еще съ большимъ страхомъ стали выжидать, что будетъ.

Надвигалась русская рать. Князь Рюрикъ, сняв-

шій монашескую рясу, послѣ смерти Романа галицкаго, съ сыновьями, черниговскіе Ольговичи, юный сынъ суздальскаго великаго князя—Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій съ союзниками и наемные половцы подступили къ Галичу, чтобы на многіе годы сдѣлать его жертвой кровопролитныхъ неурядицъ.

Законный же князь, сынъ славнаго Романа, изъ семьи Мономаховичей, тайно, съ матерью и братомъ, на рукахъ вѣрнаго пѣстуна Мирослава, скакалъ изъ Галича по дорогѣ въ Санокъ, на верховьяхъ Сана. Тамъ ихъ ждалъ уже предупрежденный родственникъ княгини, король венгерскій Андрей. Съ любовію принялъ онъ довѣрившуюся ему галицкую княгиню съ дѣтьми. Торжественно обѣщалъ мощное свое покровительство и впослѣдствіи, подъ воинскимъ прикрытіемъ, проводилъ ихъ въ отчину покойнаго отца, Владиміръ-Волынскъ. — «Успокойся, княгиня», говорилъ онъ на прощанье, «пекись о малолѣтнемъ Василькѣ. Законнаго же князя галицкой земли довѣрь мнѣ на время. Пусть растетъ подъ моимъ надзоромъ. Съ Божіей помощью, подниму я тебѣ на радость храбраго воина, мудраго правителя прародительской державы».

Не посчастливилось Игоревичамъ на чужомъ столѣ. Отозвались имъ слезы вдовы и сиротъ. Старшій изъ нихъ, Владиміръ Игоревичъ сѣверскій занялъ Галичъ, Романъ—Звенигородъ, Святославъ—Перемышль. Сыну своему Изяславу Владиміръ далъ Теребовль, а другого, Всеволода, отправилъ въ Венгрію задаривать короля, чтобы тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами. Они присвоили себѣ чужую землю, чужія богатства, но слава, но могущество Романа были имъ не по плечу. Мятежные бояре, конечно, не давали воли своимъ ставленникамъ! Князья-братья вздумали

Законный князь, сынъ славнаго Романа, изъ семьи Мономаховичей, тайно, съ матерью и братомъ, на рукахъ вѣрнаго пѣстуна Мирослава, скакалъ изъ Галича въ Санокъ. *(Къ стр. 110).*

было вводить строгости. Хотѣли,—какъ, бывало, поступалъ Романъ,—обуздать строптивыхъ: 500 человѣкъ казнили, остальные непокорливые разбѣжались, унося затаенную злобу, клянясь отомстить за убитыхъ! Вліятельнѣйшіе изъ нихъ—Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ пошли въ Венгрію, къ королю Андрею, слезно прося вернуть имъ ихъ прирожденнаго державца, князя Даніила Романовича.

Среди прекрасныхъ садовъ, въ живописной долинѣ Дуная, недалеко отъ венгерской столицы жилъ птенчикъ изъ гнѣзда русскихъ князей Рюрикова дома. Привольно ему жилось подъ ласковымъ надзоромъ короля Андрея и его образованной и умной супруги, королевы Гертруды. По совѣсти воспитываютъ они державнаго сосѣда. Понятливъ, уменъ былъ сынъ того, кто орлинымъ полетомъ перелеталъ вражьи земли, ревностно слѣдуя своему дѣду, славному Мономаху. Много ученыхъ съ запада было собрано учить русскаго князя, и всѣ они не нахвалятся на геніальнаго мальчика. Красавецъ собой, ловкій на конѣ и въ воинскихъ упражненіяхъ, онъ горячею любовью платилъ своимъ вѣнценоснымъ опекунамъ за ихъ мудрыя заботы. Часто, подолгу бесѣдовали они вмѣстѣ о судьбахъ бѣднаго Галича. Княгиня-мать то изъ Бельза, то изъ Перемышля (куда, по волѣ крамольныхъ родичей, судьба заносила ее вмѣстѣ съ сыномъ Василькомъ), сообщала имъ о невзгодахъ въ родной землѣ. Какъ же удивился король, когда явились къ нему нежданно—негадано кичливые галицкіе бояре! Ушамъ своимъ онъ не вѣрилъ!

— «Мнѣ вамъ отдать Данила? Да вы же его съ братомъ выгнали изъ дома, изъ земли его предковъ?»— «Насъ подвели Игоревичи», объясняли бояре.—«Вы

же съ ними ссылались, вы ихъ призвали,—а теперь гоните?»—«Они насъ обижаютъ, избили лучшихъ людей, сотни перевѣшали».—«Да если вы имъ во всемъ перечили, казну расхищали?»—«Это они ее расхищаютъ, мы же хотимъ держать ее для нашего прирожденнаго князя». Королева пришла на помощь супругу, и ей не хотѣлось разставаться съ полюбившимся княземъ.—«Управляйтесь лучше сами съ вашими ставленниками», твердили венгерскіе державцы.—«Намъ не въ моготу больше,—пошлемъ къ Лешку или на Литву, а то ужъ и къ половцамъ пойдемъ,—они за деньги намъ дадутъ свои полчища». Умная Гертруда задумалась. Польша, Литва, половцы! Страшно,—тѣмъ болѣе, что и въ самой Венгріи не покойно... Супруги переговорили промежъ себя. Конечно, Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ Даніилу болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Непрестанно лаская галицкаго князя, онъ то обѣщалъ усыновить его, то женить на своей дочери, чтобы такимъ способомъ подчинить себѣ сосѣднее галицкое княжество. Теперь, когда галичане начали требовать возвращенія Даніила въ Галичъ, король разсудилъ, что Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, можетъ быть его подручникомъ на галицкомъ престолѣ, и что гораздо надежнѣе управлять Галиціей именемъ ея законнаго князя, нежели черезъ своихъ вельможъ, ненавистныхъ русскимъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вѣнценосные супруги и рѣшили отпустить Даніила. Можетъ быть, отроку-князю и жаль было покинуть пріютившій его добрый, милый кровъ, но понятливый, гордый Даніилъ сообразилъ, что на престолѣ онъ можетъ отслужить своимъ пестунамъ добрую службу, отплатить за ихъ сердечныя заботы.

Сынъ мой! князь Данило! *(Къ стр. 113).*

Во главѣ многочисленнаго венгерскаго войска двинулся Даніилъ Романовичъ съ галицкими боярами въ свою родную землю. На этотъ разъ совершенно искренно радовались главари галицкаго боярства, окружая красиваго статнаго юношу, прекрасно сидѣвшаго въ сѣдлѣ и поражавшаго уже тогда своею благородною наружностью. Бѣжали Игоревичи передъ сыномъ великаго Романа. Города сдавались, отпирая свои ворота. Съ крестами, хоругвями и колокольнымъ звономъ встрѣчало духовенство и народъ родного юношу-державца. За него стояли и остальные русскіе князья. Всѣ отвернулись отъ жестокихъ Игоревичей. Малолѣтній Василько прислалъ изъ Бельза свою дружину въ помощь брату. Даже ляхи соединились съ венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ этого ополченія. Въ стольномъ городѣ, въ соборномъ его храмѣ съ молитвою вручили Даніилу державу. Епископъ благословилъ князя. Княгиня мать со слезами радости спѣшила обнять его: но онъ сначала не узналъ матери, долго бывъ въ разлукѣ съ нею. Тѣмъ сердечнѣе потомъ изъявилъ свою радость, когда услышалъ изъ ея устъ имя сына и увидѣлъ ея радостныя слезы. «Сынъ мой! князь Данило!» услышалъ онъ и бросился въ объятія той, къ которой рвалось его сердце! Горе, заботы сдѣлали ее неузнаваемой. За шесть лѣтъ разлуки, живя далеко отъ родимой, онъ не могъ запомнить ея лица, но сердце заговорило. Вельможи, весь народъ беззавѣтно радовались счастью своего державца и его матери-княгини. Церковь молилась за преемника того, кто былъ твердымъ исполнителемъ уставовъ православной Церкви, ея мощнымъ защитникомъ передъ западными находниками.

Княгиня поселилась съ своимъ державнымъ сыномъ

въ прародительскомъ замкѣ. Венгерскій воевода Потъ оставался при нихъ со своимъ отрядомъ, зорко блюдя за безопасностью Даніила. Подъ его же охраной содержимы были и плѣнные князья Игоревичи, которые не успѣли скрыться отъ венгерскихъ полковъ. Воеводы Андреевы хотѣли отвезти плѣнныхъ князей къ королю, но злобные бояре галицкіе требовали жестокой казни несчастнымъ плѣнникамъ.

Юнаго Даніила очень тяготила участь невольниковъ, все же русскихъ князей. Потъ настаивалъ на своемъ правѣ увезти ихъ въ Венгрію, къ королю Андрею; венгры колебались,—наконецъ, убѣжденные дарами бояръ, выдали имъ плѣнныхъ князей. Какъ ни молила за несчастныхъ княгиня-мать, именемъ Бога прося имъ помилованія, ничто не помогало. Князь не могъ еще властвовать въ странѣ родной,—гордые и самовольные бояре, пользуясь его малолѣтствомъ, дѣлали, что хотѣли. Плѣнныхъ князей били, терзали и, наконецъ, повѣсили. Своимъ безпримѣрнымъ неистовствомъ галичане заслужили въ древней Руси имя безбожныхъ, данное имъ въ современной злодѣйству лѣтописи.

Сильно заволновалась старая княгиня. Подъ ея вліяніемъ, сталъ дѣйствовать и юный князь. Его нравственныя и умственныя силы быстро развивались, характеръ очерчивался. Бояре насторожились. Ясно было, что, опираясь на совѣты матери, онъ, мало по малу, съ годами, сдѣлается очень твердымъ правителемъ. Это вовсе не могло нравиться боярамъ. Они потребовали, чтобы княгиня покинула Галичъ. Долго противилась любящая мать-страдалица, наконецъ, понявъ, что ея упорство можетъ быть даже вредно сыну-князю, собралась

въ путь. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разстаться съ нею.—«Хоть провожу тебя, моя родная!» взмолился отрокъ-князь и вскочилъ на коня. Бояре поѣхали слѣдомъ. Имъ показалось, что вотъ еще немного, и орленокъ покинетъ свое княжеское гнѣздо, улетитъ слѣдомъ за дорогой родительницей. Это не входило въ расчеты мятежниковъ. Ближайшій къ Даніилу бояринъ Александръ, тивунъ шумавинскій, взялъ за поводъ княжескаго иноходца. Не долго думая, гнѣвный Даніилъ выхватилъ мечъ, чтобы ударить имъ дерзкаго. Княгиня съ воплемъ ухватила руку сына и вырвала мечъ. Она умолила Даніила остаться въ Галичѣ. Заѣхавши не надолго къ Васильку въ Бельзъ, оттуда направилась она въ Венгрію, къ королю Андрею, и разсказала ему о дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ. Оскорбленный дерзостью ихъ, король Андрей очень разгнѣвался. Его ужаснула участь державцевъ, такъ жестоко казненныхъ подданными. Боялся онъ и за Даніила, такого юнаго, характернаго, попавшаго въ руки отчаянныхъ негодяевъ. Пока онъ собиралъ свои полки, на Галичъ съ востока шла уже призванная, вѣроятно, тѣми же боярами рать подъ предводительствомъ пересопницкаго князя Мстислава Нѣмаго. Даніилъ укрылся у брата и матери. Между тѣмъ въ Венгріи открылся ужасный бунтъ,—свирѣпые бароны, враги королевы Гертруды, умертвили ее. Ожидая такой же участи и себѣ, венгерскій король Андрей долженъ былъ всѣ свои силы направить на усмиреніе внутреннихъ неурядицъ и позаботиться о собственной безопасности. Въ то же время Владиславъ, одинъ изъ галицкихъ бояръ, уговорилъ короля воспользоваться отсутствіемъ Даніила и дать намѣстника своего въ Галичъ. Король согласился,

взялъ клятву вѣрности съ этого именно Владислава и поручилъ ему править землею галицкою отъ имени короля Венгріи.

Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство короля Андрея, обратились за помощью и совѣтомъ къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистью, что богатая Галиція сдѣлалась почти областью Венгріи, Лешко взялъ Даніила подъ свое покровительство, и хотя не могъ завоевать дѣтямъ Романа Галичъ, однако оказалъ имъ нѣкоторую услугу. Сначала онъ пристроилъ ихъ въ Тихомлѣ и Перемышлѣ, потомъ склонилъ къ миру Андрея и уговорилъ его отдать Владиміръ Волынскій Даніилу съ братомъ, а на галицкій столъ посаженъ былъ сынъ Андрея-Коломанъ, женившійся на дочери Лешка—Саломеѣ (1215). Юные князья Даніилъ и Василько, хотя и съ болью въ сердцѣ, покорились этому рѣшенію сосѣдей—государей. Они рѣшили не вступаться до времени въ дѣла Галича и жить тихо съ матерью и немногочисленными, но вѣрными слугами покойнаго Романа. По его стопамъ пошли юноши-державцы, дружно трудились на благо своей родины. Чинили судъ и расправу, насаждали въ народѣ правду и законы. Разбогатѣла Волынь, расцвѣла родная земля, и на нее стали смотрѣть на Руси съ любовію, слѣдя внимательно за правительственной дѣятельностью юныхъ державцевъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Даніилъ Романовичъ, князь галицкій. Современникъ. 1847 г.
2) *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. I.
3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Коломанъ и Саломея на галицкомъ столѣ.

1221 г.

Тяжелыя думы томятъ краковскаго князя Лешка Бѣлаго. Не спится ему, совѣсть мучитъ! Воспоминанія одно за другимъ тѣснятся въ наболѣвшей головѣ.

Вспоминаетъ онъ себя ребенкомъ, веселымъ, беззаботнымъ,—мать, дядю Николая и дорогого гостя, русскаго князя съ Волыни,—Романа,—ихъ долгія рѣчи, ласку и обѣщаніе Романа быть для Лешка отца—вмѣсто. Князь Романъ сдержалъ слово, а онъ?—Охъ, вотъ онъ-то виноватъ передъ Богомъ и передъ покойнымъ родичемъ! Положимъ, онъ не отвѣтчикъ за свою дружину! Не зналъ онъ замысловъ своихъ тѣлохранителей! Но какъ ни раскидываетъ умомъ въ свою пользу, сердце ноетъ, совѣсть мучитъ. Уже разсвѣло, а князь еще и глазъ не смыкалъ. На престолѣ Романа, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Лешка, не сидятъ его дѣти, законные наслѣдники,—они вытѣснены, и Лешко совсѣмъ безсиленъ, не можетъ

этому помочь. За нихъ ему больно, обидно за себя! Въ Галичѣ властвуетъ, на стыдъ всѣмъ сосѣднимъ державцамъ, бояринъ Владиславъ не княжескаго, простого рода,—злой, хитрый,—тотъ бояринъ, что замучилъ русскихъ князей Игоревичей. Изъ-за него бѣжалъ и Даніилъ изъ Галича! Владиславъ «вокняжился и сѣлъ на галицкомъ столѣ», по выраженію лѣтописца, признавая, впрочемъ, верховную власть венгерскаго короля Андрея и устранивъ, съ его согласія, отъ управленія галичской землей дѣтей Романа Мстиславича.—Даніилъ и Василько, при содѣйствіи Лешка, получили только два города—Тихомль и Перемышль, а на Владиміръ смотрѣли, говоря: «рано или поздно, Владиміръ будетъ нашъ». Вздыхали и по галицкомъ столѣ. Между тѣмъ, Андрей, король венгерскій, освободившись отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка, за опустошеніе галицкой волости, которую онъ считалъ своею. Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, но не хотѣлъ и его властительства въ Галиціи. Какъ примирить эти мысли, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—онъ и самъ не зналъ.

Пока всѣ эти думы да безсонница давили князя, уже совсѣмъ разсвѣло. И дѣтскій, тихонько стуча въ дверь, докладывалъ, что воевода Пакославъ проситъ позволенія явиться предъ княжескія очи. Лешко не любилъ Пакослава, но цѣнилъ его ловкость, его умъ, и теперь, нехотя, повелѣлъ впустить. Низко кланяясь, вельможа вкрадчиво заговорилъ.—«Князь нашъ предобрый, все что-то кручинишься; должно быть, обижаешься на галицкаго сидѣльца, не любъ тебѣ бояринъ на княженіи?»—«И не можетъ быть любъ самозванецъ, обидчикъ сиротъ Романовыхъ», отвѣчалъ

огорченный Лешко.—«Ну, сиротамъ-то Галичъ не съ руки: молоды они для такого златокованнаго стола: побереги его, княже, для своего рода».—«Для моего? Какъ? Зачѣмъ? Что ты это говоришь?» воскликнулъ Лешко въ негодованіи.—«Ничего худого для тебя, князь нашъ любимый, прирожденный», сказалъ вкрадчивѣе Пакославъ.

— «Твоя забота—наша забота. Тебѣ обиденъ Владиславъ,—и намъ онъ противенъ. Вотъ мы, покорные твои людишки, и придумали, какъ маленечко душу отвести». Лешко прислушивался внимательно.—«Еще что?»—«Видишь, угры ненавидятъ Владислава, они вѣдь его ужъ разъ плѣнили, и теперь плачутся, что выпустили, польстившись на богатые дары его соумышленниковъ. Напиши ты королю Андрею, что у него есть сынъ Коломанъ, пятилѣтокъ, а у тебя дочка Саломея, трехъ годковъ; вотъ бы ихъ-то и повѣнчать супругами да вмѣстѣ и галицкими державцами.—Право слово, хорошее было бы дѣло! Ты, опекунъ младенцевъ, опечешь ихъ королевство отъ всякаго боярскаго подвоха. Мы ужъ тебѣ вѣрные помощники».

Задумался Лешко. Сначала мнилось ему, что нехорошее совѣтуетъ хитроумный бояринъ. Нельзя же отнимать добро у законныхъ наслѣдниковъ. Но и оставлять боярина на престолѣ для него совсѣмъ обидно!—«У тебя, самого-то, полковъ мало, Владиславъ богатъ,—найметъ воевъ и одолѣетъ насъ съ тобою», замѣтилъ на его мысли Пакославъ.

Долго думалъ Лешко, сначала о сиротахъ кручинился, но потомъ, послѣ нѣкоторой борьбы, послалъ Пакослава къ венгерскому королю Андрею съ предложеніемъ такой сдѣлки: «Не идетъ, мню, брате и

королю, терпѣти намъ долѣе сосѣдомъ, княземъ на галицкомъ столѣ, простого боярина! Поразсмыслимъ о томъ дружно, промежъ себя, и поговоримъ, съѣхавшись хоть въ Стрижовѣ. Можетъ, ты одобришь мою мысль? Я же отъ сердца говорю тебѣ: возьми мою Саломею за твоего Коломана, посадимъ ихъ въ Галичѣ,—ты да я,—мы оба». Съ Пакославомъ отправилъ Лешко къ Андрею и другихъ бояръ.

Король Андрей прочиталъ письмо Лешка съ особеннымъ вниманіемъ, охотно вслушивался въ ловкія рѣчи его пословъ.—«Надо бы тебѣ, господине королю, укрѣпиться отъ собственныхъ вороговъ», заискивающимъ голосомъ говорили ляхи. «Успокой себя и нашего князя! Сочетайте обоихъ дѣтокъ брачнымъ и княжескимъ вѣнцомъ—и сами правьте Галичемъ совмѣстно».—«Не усидѣть малолѣткамъ однимъ, опасно оставить ихъ на чужой сторонѣ», возражалъ Андрей».—«И не чужая она тебѣ, самъ правилъ ею, сидѣлъ на златокованномъ столѣ», настойчиво говорилъ Пакославъ.—«Тогда Рима держался мой родитель».—«И мудро поступалъ», былъ рѣшительный отвѣтъ. Ляхскій посолъ умѣло разъяснилъ Андрею, что среди галичскихъ бояръ найдутся и теперь сторонники Запада, — именно тѣ, которые набрались европейской учености, которые не любятъ кіевскихъ своихъ православныхъ братій, опасаясь ихъ власти и силы.

— «А народъ?»—«Да его и считать нечего, онъ теменъ, не пойметъ, что̀ кіевскій, что̀ римскій обрядъ принятъ церковью! Лишь бы не лишали его храмовъ, излюбленныхъ чудотворныхъ иконъ, да чтимыхъ праздниковъ».

На добрую почву падали сладкія рѣчи. Въ Стри-

жовъ Андрей пошелъ уже совсѣмъ убѣжденный, радостно принялъ предложеніе князя-сосѣда, и оба державца положили посадить своихъ малолѣтковъ на славный столъ галичскихъ князей, потомковъ Мономаха.

Соединенными силами подступили они къ городу, взяли его, плѣнили Владислава и сослали въ Венгрію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ въ заточеніи. А въ Галичъ, съ великою пышностью и почетомъ, ввели обоихъ дѣтей.

Старый русскій Галичъ, достояніе Ярославовыхъ потомковъ, престолъ Василька, Осмомысла и Романа, — Галичъ, неоспоримое наслѣдіе князя Даніила Романовича, — торжественно встрѣчалъ въ своихъ православныхъ стѣнахъ вновь нареченнаго князя, пятилѣтняго младенца Коломана, сына венгерскаго короля Андрея, — католика, а съ-нимъ и его невѣсту, трехлѣтнюю Саломею, дочь краковскаго князя Лешка Бѣлаго. Къ такому рѣшенію привели сосѣдей обширной галицкой земли кровавыя неурядицы, господствовавшія въ ней за послѣднія восемь лѣтъ. Любопытный народъ тѣснился по улицамъ, звонили въ колокола, духовенство выходило съ крестнымъ ходомъ встрѣчать земныхъ владыкъ, отдавая, по Евангелію, «кесарево кесареви, а Божіе Богови», вознося горячія молитвы о счастьи, благѣ царственнаго града и вводимыхъ въ него дѣтей-правителей. Щедрой рукой расточали Андрей и Лешко дары, почести въ Галичѣ, привлекая сердца народа къ державнымъ малюткамъ. Не были обойдены ни церкви, ни духовенство. Галичъ вздохнулъ отъ притѣсненій злого боярина, хотя недовѣрчиво смотрѣлъ на пришлыхъ заправилъ.

Смѣтливый Андрей, извѣдавъ самъ шаткость высокаго галичскаго стола, чувствовалъ необходимость

внѣшней сильной поддержки своему сыну. Въ Римъ, къ духовному владыкѣ католическаго міра, послалъ онъ надежныхъ людей съ просительной грамотой. «Благослови, святѣйшій отецъ и повелитель, моего младенца на галицкомъ королевскомъ престолѣ», писалъ онъ униженно. «Весь народъ и всѣ князья», такъ называлъ онъ бояръ,—«подданные Венгріи, всенижайше просятъ тебя объ этомъ, обѣщая впредь жить въ подчиненіи святой римской церкви. Ты, намѣстникъ Христа на землѣ, располагаешь царскими вѣнцами,—повели совершить обрядъ помазанія нашего сына Коломана на королевствованіе и этимъ докажи народамъ твою отеческую власть и заботу о галицкой землѣ!» И не снилась Иннокентію III такая благодать! Изъ того Галича, откуда еще такъ недавно со страхомъ бѣжали, испугавшись княжескаго меча, его хитрые посланцы, онъ получаетъ такую просьбу, такое обѣщаніе будущихъ благъ. Радостно поспѣшилъ онъ, въ сердечномъ умиленіи, снисходя къ смиреннымъ просьбамъ, послать свои пастырскія указанія архіепископу.

Снова Галичъ въ праздничномъ убранствѣ. Толпа, охочая до зрѣлищъ, снова тѣснится на его разукрашенныхъ улицахъ. Звонятъ опять колокола многочисленныхъ, златоверхихъ храмовъ. Выходятъ на ихъ высокія паперти съ хоругвями и крестами маститые пастыри православной Церкви во всемъ величіи и блескѣ своихъ праздничныхъ облаченій для встрѣчи двухъ владѣтелей-дѣтей. Посланникъ папы Гонорія III-го, преемника Иннокентіева, гранскій архіепископъ возложилъ вѣнецъ на Коломана и провозгласилъ его, отъ имени верховнаго владыки католическаго міра, галицкимъ королемъ. Второй разъ прида-

вался этотъ не славянскій титулъ правителямъ южно-русской земли, точно хотѣли ее этимъ возвысить надъ остальнымъ необъятнымъ пространствомъ, заселеннымъ «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» славянскими православными племенами и ихъ отъ вѣка покорными данниками.

Младенецъ-король олицетворялъ зарожденіе западныхъ притязаній на Востокъ. Его вѣнчаніе было торжествомъ католичества въ краѣ древне-православномъ. Въ Коломанѣ и Саломеѣ Западъ пріобрѣлъ осязательную опору для своихъ будущихъ происковъ и предпріятій! И никто изъ прирожденныхъ русскихъ князей не подумалъ уберечь отъ Польши и Венгріи древній русско-галицкій столъ, на которомъ такъ высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ! Пропалъ съ ихъ глазъ, ушелъ изъ ихъ рукъ богатый, теплый, единовѣрный край—Карпатская Русь! Мнимые попечители Даніила—Лешко да Андрей—теперь и не думали о законныхъ наслѣдникахъ галицкаго стола. Они думали о себѣ. Будущее улыбалось хитрому Западу. Никто не перечилъ его волѣ. Угры чинили судъ и расправу, не обижая народъ. Ихъ рати держали порядокъ безъ притѣсненія гражданъ. Ихъ духовенство пеклось о своей пришлой, католической паствѣ, неустанно, не покладая рукъ. По волѣ папы, православный епископъ и священники были изгнаны изъ Галича, рѣшено было обратить и весь край червонорусскій въ католичество. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля, изъ галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ.

Но вскорѣ между державными сватами началось

охлажденіе, а затѣмъ послѣдовала и ссора изъ-за Галиціи.—Андрей держалъ Лешка въ сторонѣ отъ галицкихъ дѣлъ и не допускалъ до участія въ управленіи ими. Кромѣ того, король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ. Хмуро, злобно смотрѣлъ краковскій державецъ на всѣ эти распорядки Андрея венгерскаго, да и грустно жилось ему, кромѣ того, безъ маленькой, веселой Саломеи. Скучно было въ княжескихъ палатахъ польскаго князя.

Вдругъ на княжо́мъ дворѣ объявился конюхъ, что̀ былъ отправленъ въ Угры съ младенцемъ-королевой. Его обступили, разспросы сыпались со всѣхъ сторонъ, ему не даютъ передохнуть. Почуя новость, Пакославъ отогналъ любопытныхъ и увелъ пришельца въ свой покой.—«Говори мнѣ все безъ утайки, какъ передъ Богомъ!» строго заявилъ онъ, запирая за собою дверь. «Зачѣмъ ты здѣсь? Присла́лъ кто? Иль самъ надумался?»—«Кто же пришлетъ-то? младенецъ нашъ,—королева? И не посмѣетъ, и не сумѣетъ. Строго держатъ ее на чужой сторонѣ. Все по-своему образуютъ. У,—какъ строго!»—«Такъ чего же ты здѣсь предъявился?»—«Да дѣлать-то нечего тамъ. Къ нашей-то княгинюшкѣ нѣмца приставили, а меня отставили, не сумѣлъ по-ихнему служить. Вотъ я и пришелъ на родину».

Пакославъ задумался. Давно запала ему мысль двинуть Лешка на Андрея. Давно подходилъ онъ то съ той, то съ другой стороны къ своему князю, да ничего не беретъ. Сидитъ, хмурится, груститъ князь по доченькѣ, а на дѣло не поднимается, скорѣе еще на него, своего вѣрнаго раба, сердце держитъ. Ужъ очень съ горя мудренъ сталъ.—«Ну, теперь я пройму его! прямо заговорю о терзаніяхъ малаго ребенка».

и торопливой походкой отправился онъ въ княжескіе покои. Но поднять Лешка на венгровъ было невозможно. Онъ боялся за дочь, не вѣрилъ, что самъ справится съ врагомъ. Что ни говорилъ Пакославъ, Лешко ничего и слушать не хотѣлъ. Одного добился ловкій царедворецъ: его самого князь послалъ на сѣверъ, къ чудо-богатырю, тогдашнему вершителю судебъ всея Руси—дряхлѣющаго Кіева и строптиваго Новгорода!

Ко Мстиславу Мстиславовичу Удалому шелъ посланцемъ Пакословъ молить его о помощи и защитѣ. «Братъ ми еси, пойди и сяди въ Галичъ», повторялъ Лешко въ своемъ слезномъ посланіи. Будетъ герой Мстиславъ въ Галичѣ,—утѣшалъ себя Лешко,—не шевельнутся венгры и согласятся, за ненадобностью, вернуть мнѣ мою дочь, королеву галицкую. Наконецъ-то, онъ вздохнетъ свободно, къ нему вернется его любимое дитятко! И что же? вышло почти по-его.

Явившись въ Новгородъ, Пакославъ со слезами молилъ Мстислава, говоря: «Помоги, великій, брату твоему, горемычному Лешку! Выручи его дитя, отплати венграмъ, что отняли у васъ искони ваши галицкіе города и распоряжаются Галичемъ, какъ своимъ пригородомъ». Мстиславъ, подобно отцу, готовый всегда на дѣла великія, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія. Вскипѣлъ Удалой! Кстати, у него подъ рукой дѣла не было, а на любезныхъ своихъ новгородцевъ начиналъ онъ серчать за ихъ неугомонность!

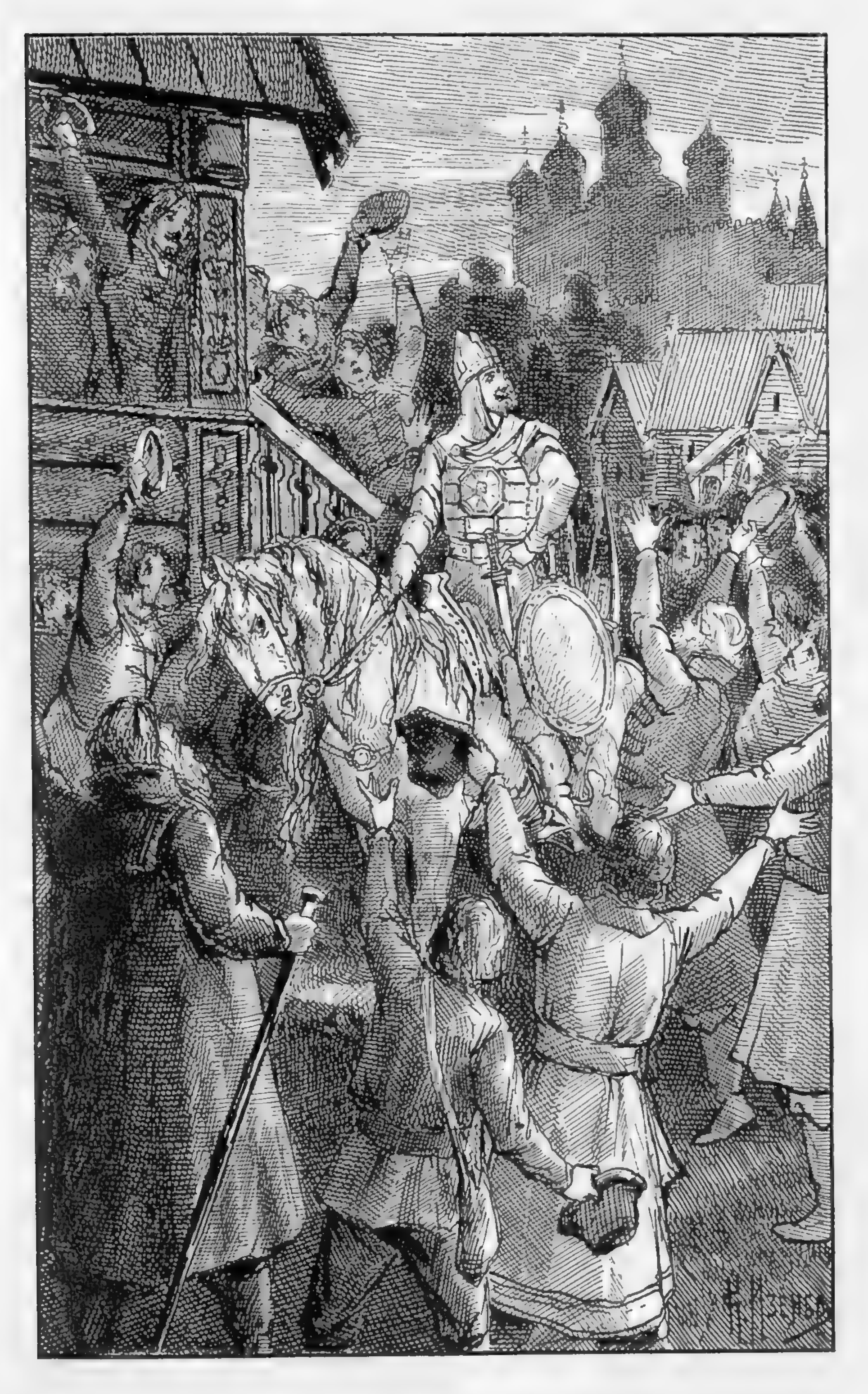
Чу! ударилъ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ дворѣ.—Народъ бѣжитъ, торопится и старъ и младъ, готовясь слушать, о чемъ судить начнетъ посадникъ, къ чему ихъ собираютъ. Пришли кичливые

бояре, готовясь держать непокорливые отвѣты своему державцу. «Такъ и такъ-то», собирались они выкладывать ему свои неудовольствія. А онъ и слова не далъ никому вымолвить. Вышелъ, поклонился на всѣ четыре стороны да и объявилъ: «Есть у меня дѣло на Руси, туда иду. А вы въ князьяхъ своихъ вольны». Пока отъ изумленія никто еще не могъ пріити въ себя, онъ сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, рѣшившись немедля двинуться въ Галичъ.

И пришелъ съ грозой военной русскій удалецъ на Галичъ, т. е. на правившихъ въ немъ венгровъ. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ безъ боя, безъ пролитія капли крови!

Узнавъ о его приближеніи, Андреевы вельможи, правители галицкой Руси, за малолѣтствомъ Коломана, убрались во-свояси, подъ защиту родныхъ Карпатъ, съ бояриномъ Судиславомъ во главѣ. Мстиславъ же сѣлъ на древле-русскій галичскій столъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою Анну за природнаго державца галицкаго—Даніила Романовича.

Онъ возмужалъ, и скоро всѣ увидѣли, что онъ пойдетъ въ знаменитаго своего отца. Такъ устроялись дѣла въ Галиціи. Только при этомъ всѣ забыли про князя Лешка, забыли про горе отца! Забыли дитя-королеву, изнывавшую при чужомъ венгерскомъ дворѣ! Отецъ тужилъ по ней и не могъ оставаться въ невѣдѣніи о ея житьѣ-бытьѣ при дворѣ Андрея. Между сватами началась переписка, и вскорѣ оба опять подружились, боясь надвигающейся на нихъ общей бѣды-напасти! На этотъ разъ въ союзѣ съ ними былъ и тесть Лешка, Александръ Бѣльзкій. Враги не могли простить юному соколу Даніилу, что тотъ возвратилъ отъ ляховъ всѣ пограничныя мѣста, которыми, въ его малолѣтство, завладѣли тѣ. Теперь по Бугъ округ-

Есть дѣло у меня на Руси! Туда иду! *(Къ стр. 126).*

лилъ онъ свои владѣнія, сидя, по волѣ Лешка, на отчемъ владиміро-волынскомъ столѣ. Лешко злобился и на Мстислава, подозрѣвая, что онъ совѣтовалъ Даніилу отвоевать пограничныя мѣста. Обвиняя Мстислава и Даніила въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, Лешко возобновилъ союзъ съ Андреемъ венгерскимъ, въ пользу Коломана.

Венгры и ляхи, вступивъ въ галичскую землю, заставили Мстислава удалиться изъ страны, такъ какъ онъ, по нерасположенію бояръ, не въ силахъ былъ побороть своихъ враговъ при помощи одной своей дружины, безъ галицкихъ войскъ. Пришлось уступить соединеннымъ силамъ венгровъ, ляховъ и Александра Бѣльзкаго, дѣйствовавшихъ сообща — съ галицкими измѣнниками-боярами, пришлось оставить Галичъ снова латинянамъ. Отъ имени короля Коломана и королевы Саломеи страною сталъ править Бенедиктъ Боръ. Съ нимъ наѣхалъ цѣлый штатъ латинскихъ монаховъ, бароновъ, вельможъ. Тѣснили русскихъ природныхъ бояръ, тѣснили народъ,—вытѣсняли, на горе Руси православной, ея кроткое миролюбивое духовенство! Гордо подняли головы паписты. Страна застонала отъ ихъ владычества, и зараза западнаго ученія полилась по стогнамъ православной земли червонорусской.

Задача Бора и его сподвижниковъ Фильнія и Судислава состояла въ томъ, чтобы навѣки слить съ венгерскимъ королевствомъ, исповѣдающимъ латинское вѣроученіе, всѣ земли по обѣ стороны Карпатъ. Недаромъ Фильній носилъ прозваніе «прегордаго». Горда была его мысль, ясны и опредѣленны стремленія! Даже Даніилу Романовичу становилось жутко въ своемъ Владимірѣ-Волынскомъ отъ этихъ замысловъ сосѣда!—Онъ рѣшился послать вѣрнаго друга, брата

Василька, къ Мстиславу Удалому въ Новгородъ, сообщить о бѣдѣ неминуемой для Церкви православной на югѣ Россіи.

Пришлось Удалому проститься съ любимою, буйной вольницей, съ гробомъ дорогого сына, только что похороненнаго у Св. Софіи. Раздался звонъ вѣчевого колокола. Народъ валилъ на Ярославовъ дворъ. Но не было уже тутъ ни одного строптиваго взгляда, ни одной сварливой души. Любовью полныя сердца шли на призывъ любимѣйшаго князя! Онъ стоялъ въ слезахъ, горько плача на прощанье: «И дай мнѣ Богъ у васъ здѣсь лечь съ моимъ отцомъ и сыномъ у Св. Софіи», говорилъ онъ. «Но теперь прощайте. Хочу идти, меня зовутъ на Галичъ! Его спасать, искать у вражьихъ латинянъ! Отомстить за прежній соромъ!» Всѣмъ міромъ взмолились новгородцы: «Останься, нашъ любимый! Не разставайся съ чадами своими. Не пустимъ мы тебя!» Но Мстиславъ поставилъ на своемъ. Явился въ Кіевъ, собралъ тамошнихъ князей, побуждая всѣхъ встать за родину, за Церковь! И всѣ отвѣтили ему охотно. Первымъ сталъ въ его рядахъ, съ своими дерзкими въ бою полками, Владиміръ Рюриковичъ, князь смоленскій. Дружно поднялась и половецкая степь за Мстислава *). Во главѣ шелъ Даніилъ, увѣренный уже въ себѣ, въ привязанности ближнихъ владимірскихъ бояръ. Ему приходилось очень трудно, такъ какъ именно на его Волынь обрушился со всѣми своими силами князь Александръ Бѣльзкій.

Въ Галицію спѣшили венгры, ляхи, да поднимались мѣстные отступники, измѣнники родному дѣлу.

---

*) Онъ былъ женатъ на дочери ихъ предводителя,—Котяна.

Фильній не только укрѣпилъ городъ со всѣхъ сторонъ неприступными стѣнами, но еще изъ храма Пречистой Богородицы устроилъ крѣпость, пристроивъ къ колокольнѣ цѣлую башню для метанія въ осаждающихъ—стрѣлъ, камней и горючихъ составовъ. Въ храмѣ заперся король Коломанъ съ супругою и знатнѣйшими венгерскими банами съ ихъ семьями и богатствами. Но на этотъ разъ ничто не помогло. Битва подъ Галичемъ была смертоносна. Смоляне и половцы такъ искусно помогали Удалому и его храброму зятю, что положили на мѣстѣ всѣ вражьи силы.

Напрасно Судиславъ, подбадривая надменныхъ галицкихъ бояръ, пугалъ, что Мстиславъ «обратитъ ихъ великомочія въ подданныхъ половецкаго хана и погонитъ въ дикую степь». Русь не даромъ двинулась къ Карпатамъ. Она вытѣснила венгровъ, ляховъ и съ ними латинскихъ монаховъ, съ своей родимой, православной земли! Галичъ вернулся подъ скипетръ Мстислава, а Даніилъ остался въ своей владимірской отчинѣ. Снова понеслись въ галицкихъ церквахъ усердныя молитвы къ Господу силъ, по православному обряду. Вздохнулъ съ отрадой русскій народъ, молясь на родные образа, за родного своего русскаго князя, красное солнышко, сокола яснаго! «И бысть радость великая», говоритъ лѣтопись подъ 1221-мъ годомъ, «спасъ Господь отъ иноплеменниковъ». Мстиславъ отправилъ въ свой родовой Торческъ плѣненныхъ короля и королеву галицкихъ.

Хорошо жилось бѣднымъ, напуганнымъ дѣтямъ у ласковой, заботливой княгини Маріи. Изъ молодой половчанки вышла добрая христіанка, отличная супруга и мать. Она утѣшила, успокоила плѣнниковъ. Въ обществѣ ея дѣтей, Коломанъ и Саломея стали забывать не-

взгоды своего ранняго дѣтства и очень огорчились, когда, черезъ годъ, король Андрей прислалъ за нихъ огромный выкупъ. Со слезами разстался Коломанъ со своими добрыми покровителями и юною подругой своихъ дѣтскихъ злосчастій. На кроткую красавицу Саломею тяжелое дѣтство, постоянный страхъ, волненія и тревоги подѣйствовали такъ сильно, что милая 9-ти-лѣтняя дѣвочка наотрѣзъ отказалась разстаться съ своей покровительницей, княгиней Маріей. Мстиславъ помогъ ей уговорить родителей, и бѣдный прелестный, кроткій ребенокъ, съ счастливой улыбкой сложилъ у ногъ Пречистой Дѣвы свой королевскій вѣнецъ и порфиру, навѣки укрывшись отъ горя и слезъ подъ смиренною мантіей православной инокини.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. III.
3) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Прелестный, кроткій ребенокъ съ счастливой улыбкой сложилъ у ногъ Пречистой Дѣвы свой королевскій вѣнецъ и порфиру.

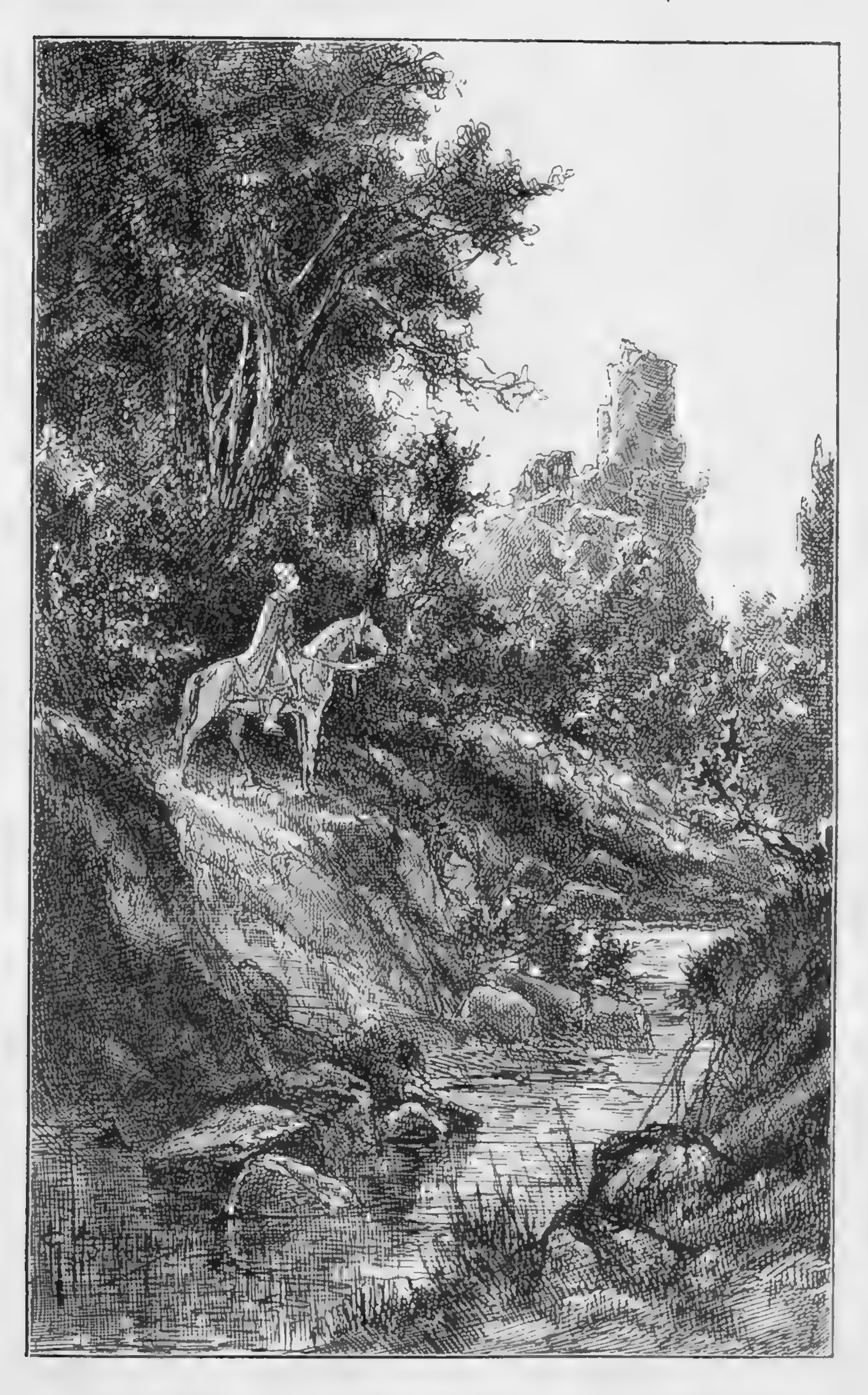
(Къ стр. 130).

Основаніе Холма. 1223 г. Татары. 1341 г.

Сидя въ своей отчинѣ — Владимірѣ - Волынскомъ, юный князь Даніилъ Романовичъ не переставалъ вести борьбу за свое наслѣдственное добро,—не ласковый до него Галичъ. Съ колыбели терпѣлъ онъ въ стѣнахъ столицы предковъ измѣны, притѣсненія, оскорбленія отъ крамольныхъ бояръ. Сосѣди-правители то помогали ему забирать отцовское наслѣдство, то, въ союзѣ съ тѣми же боярами, для своихъ личныхъ выгодъ, обидно устраняли изъ Галича безсильнаго державца. Одинъ былъ у него вѣрный, неизмѣнный другъ-союзникъ,—это младшій братъ Василько Романовичъ. Братья вмѣстѣ дѣлили свое горе, заботы и рѣдкія радости. Только на Василька могъ положиться осторожный Даніилъ во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ, съ нимъ однимъ отвести свою опечаленную душу! Друзья-братья особенно любили, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, охотиться въ дремучихъ волынскихъ лѣсахъ. Частенько удалялись они подальше отъ жилья и людей и охотились въ привольныхъ родныхъ зем-

9*

ляхъ. Однажды, оставивъ позади бояръ-дружинниковъ, князь Данило тихо сталъ пробираться по живописному берегу веселой Угерки тамъ, гдѣ она впадаетъ въ величавый Бугъ. Лошадь его вдругъ оступилась. «Камень!» удивленно сказалъ князь и поднялъ глаза. Передъ нимъ разстилалась чарующая картина. Величавый лѣсъ разступался, открывая живописную лощину. Зеленая гора подымалась изъ воды, вся усѣянная милліонами пестрыхъ, красивыхъ цвѣтовъ. Наверху, изъ зелени кустовъ, поднимались къ небесамъ живописныя развалины, когда-то, должно быть, величавой, красиво воздвигнутой башни. Кой-гдѣ, по округѣ, среди вѣковыхъ деревьевъ, показывался одинокій, сѣренькій дымокъ, тонкой струйкой тянувшійся къ ясному, свѣтлому небу. А башня, башня! она такъ и манила къ себѣ царственныхъ путниковъ.—«Братъ!» крикнулъ онъ, «смотри!»—Василько мигомъ очутился рядомъ и тоже не могъ глазъ оторвать.—«Что это за башня? Какъ это мы ее до сихъ поръ не видали?» Оба стояли недоумѣвая, дивясь и ненасытно любуясь дивной картиной.—«Спросить бы?» выговорилъ, точно про себя, Василько. Рѣзкій, повелительный звукъ рога эхомъ раскатился по ущелью, повторился во всѣхъ углахъ, и, по его зову, точно изъ подъ земли, выросъ, въ мигъ явившійся, нарядный стремянной. Какъ вкопанный, остановился онъ у стремени своего повелителя.—«Чье тамъ жилье?» Юноша не сразу отвѣтилъ.—«Поди», улыбаясь милостиво, заговорилъ Даніилъ, «узнай, какая это башня».—«Тамъ, съ боярами стоятъ трое тутошнихъ, прикажешь ихъ позвать?» спросилъ юноша и, замѣтивъ кивокъ князя, спѣшно удалился. А братья-князья продолжали глядѣть, дивясь красѣ неописуемой.

Точно очарованный, стоялъ князь Даніилъ галицкій передъ развалинами острога, построеннаго кіевскимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ и названнаго имъ «Холмомъ».

(Къ стр. 132).

Остальные охотники въ это время собрались кучкой вокругъ мѣстныхъ жителей, проводниковъ. Къ нимъ-то и обратился стремянный съ вопросомъ,—какая могла быть тамъ башня въ лѣсу, которую замѣтили князья.—«И какъ это вы, именитые бояре нашихъ державцевъ, не освѣдомлены о прадѣдовской памяткѣ?» изумились поселяне. И набожно, снявъ шапки, старики перекрестились.—«Давно она тутъ стоитъ?»—«Да какъ еще и давно-то! Тутъ стоялъ два вѣка крѣпкій, прекрѣпкій острогъ; воздвигъ его благословенный и премудрый князь Владиміръ Красное Солнышко!» Бояре переглянулись.—«Бѣжимъ скорѣе, повѣдаемъ князьямъ». И торопясь стали пробираться впередъ по лѣсной чащѣ.

Князья все стояли, не двигаясь, любуясь. Внимательно выслушали они докладъ. Сняли шапки и, въ свою очередь, благоговѣйно перекрестились, вспоминая великаго пращура.—«Должно быть, святой князь, еще будучи язычникомъ, воздвигъ здѣсь оплотъ, чтобы оградить свою землю, Червонную Русь, отъ вѣчно безпокойныхъ ляховъ», говорилъ, раздумывая, Даніилъ.—«Видимо, эта Прикарпатская сторона завсегда была наша», проговорилъ Василько.—«А то какъ же? Между Саномъ, Вепремъ и Бугомъ все наши славянскія племена жили искони», вѣско отвѣчалъ старшій.—«Ну, такъ заживемъ же и мы здѣсь, братъ! тутъ такъ хорошо!»—«Хорошо, привольно, покойно и красиво! Такъ бы во вѣкъ не ушелъ!» весело сказалъ Даніилъ, слѣзая съ коня, сѣлъ на берегу Угорки и позвалъ охотниковъ. Начались разспросы крестьянъ, которые передавали сказаніе о славянскомъ князѣ Щелкѣ, будто бы построившемъ острогъ на горѣ, въ лѣсу, и назвавшемъ его Хол-

момъ. Великій же князь Владиміръ Святославовичъ, воюя съ ляхами, жилъ въ этомъ острогѣ, на перепутьи къ Карпатамъ, и воздвигнулъ башню, на которую теперь любовались князья. Даніилъ внимательно вслушивался въ немудреную рѣчь простолюдиновъ. Съ непокрытыми головами, переминаясь съ ноги на ногу и теребя свои мѣховыя шапки, стояли передъ князьями скромные пахари. Ихъ немудреная, пѣвучая рѣчь текла неторопливо. Съ благоговѣніемъ вспоминая далекое прошлое родныхъ полей и лѣсовъ,—они передавали Даніилу сказанія отцовъ и дѣдовъ о томъ, какъ князь Владиміръ полюбилъ ихъ мѣста, какъ пировалъ онъ на берегу ихъ родной рѣки, какъ укрѣпилъ старый острогъ, чтобы оградить мирныхъ жителей отъ напора враговъ съ Запада и отъ набѣговъ дикихъ половчанъ. Пылкіе Романовичи подумали, что и имъ, пожалуй, будетъ хорошо житься на пепелищѣ славнаго предка, и рѣшили основать на томъ же самомъ мѣстѣ новую столицу, оставивъ за нею ея древнее, вѣками освященное, прадѣдовское имя «Холмъ».

Точно по мановенію волшебнаго жезла, выросла нарядная столица, блестя своими новыми зданіями и золотыми крестами многочисленныхъ церквей. Любя, украшалъ ее Даніилъ Романовичъ. Храмы были полны сокровищъ, вывезенныхъ изъ Кіева. Множество жителей со всѣхъ концовъ Русской земли собралось въ эту новую столицу галицкихъ князей. Далеко вокругъ разстилались ихъ владѣнія: Волынь, Подолія, кіевская земля, галицкая до самыхъ Карпатъ.—Червонная Русь и все пространство до литовцевъ и ятвяговъ—признали мудрость державца Даніила и свою зависимость отъ южной Руси, убѣ-

ждаясь по опыту, что, именно благодаря этой зависимости, крѣпла страна, умножалось ея благосостояніе. Года шли бы счастливо за годами, если бы горе восточной Руси не ложилось тяжелымъ гнетомъ на русское сердце Даніила Романовича.

Днемъ и ночью слышались ему стоны несчастныхъ единовѣрныхъ жителей, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ русскихъ областей. Еще такъ недавно цвѣтущая страна,—отъ крайняго востока до самаго Днѣпра,—лежала теперь полумертвая, съ испепеленными городами, убитымъ, разогнаннымъ, плѣненнымъ населеніемъ! Всѣ, кто только могъ двигаться, здоровые, сильные, работники, были уведены въ плѣнъ, въ татарскія орды. Ангелъ смерти пронесся по всему неизмѣримому пространству Русской земли! Какъ бичъ Божій,—Батыевы полчища поражали Русь удѣльную. Страшно становилось Романовичамъ, когда доносились до нихъ зловѣщіе слухи, что уничтожены уже половецкіе та́боры, и они были вынуждены выселяться въ безлюдныя венгерскія пустыни; русскіе же города и веси, безсильно, безнадежно такъ и склонялись передъ двигавшимся бичомъ. Родина святая вся покрылась развалинами, а несчастные князья, обезумѣвъ отъ страха, шли кланяться Батыю, въ его орду, гдѣ нерѣдко гибли подъ топоромъ татарскихъ палачей.

Часто и подолгу совѣщались князья-братья съ духовенствомъ и боярами, раздумывали, судили о тяжеломъ положеніи, не зная, что̀ предпринять, какъ спасти хотя бы свою отчину, лежавшую на перепутьи изъ порабощенной Руси въ нетронутую еще, но уже перепуганную Европу. Роковая вѣсть, что Батыевы рати собираются идти не только за Днѣпръ,

но и за Карпаты, неслась, точно гласъ судной трубы архангельской, изъ конца въ конецъ по всему православно-русскому міру. Прощай тогда, послѣдняя пядь родной православной Руси! Не удержать напора, не спасти ея отъ погрома и порабощенія!

Невольно отуманенный страхомъ, взоръ Даніила останавливался на тѣхъ хитроумныхъ и сладкорѣчивыхъ возваніяхъ, которыя неутомимый Западъ слалъ съ возрастающей настойчивостью въ полюбившуюся ему Галицію. Смиренно склонялись передъ русскими князьями и ихъ любимыми совѣтниками, православными епископами, Іоаннъ Карпинъ, доминиканскіе монахи и католическіе епископы Каменецкій и Беренскій. Никакихъ уступокъ не требовали папскіе послы.—«Только признайте главенство духовнаго владыки Запада, и всякая помощь будетъ вамъ съ избыткомъ подана», твердили они заманчиво, вкрадчиво. «Смотрите сами: его святѣйшество римскаго папу чтитъ самъ побѣдоносный Батый! Не тронетъ онъ и васъ, когда узнаетъ, что князь Даніилъ коронованъ римскимъ легатомъ. Васъ тогда поддержитъ сильная помощь всего Запада». Крѣпко не хотѣлось Даніилу принимать королевскій вѣнецъ отъ руки католическаго епископа; эта зависимость отъ папы казалась униженіемъ потомку славныхъ Мономаховичей. «Преложиться къ Западу», говоритъ лѣтописецъ, «претила русскому князю его православная душа!» Передъ умственнымъ же взоромъ вставалъ страшный призракъ татарскихъ полчищъ и вся обнаженная, испепеленная пустыня, въ которую обратилъ Батый родную Русь. О помощи противъ хана, уже поднимавшагося на Европу, Даніилъ молилъ Западъ, умалчивая, конечно, объ условіяхъ. Тамъ должны были понять, что надо поддержать Даніила,—иначе

Польша, за ней Венгрія, Австрія, да и вся остальная западная Европа будутъ открыты для вторженія кровожаднымъ сынамъ далекой Азіи. Помочь Даніилу галицкому, уцѣлѣвшему юго-западному русскому князю, надо было изъ чувства самосохраненія. На этомъ онъ и настаивалъ. Но обѣщанная, горячо желанная и такъ нетерпѣливо ожидаемая помощь не приходила, съ востока же туча все надвигалась. Шестьсотъ тысячъ татарскаго войска, по слухамъ, уже вооружено, полчища азіатовъ уже близятся! Вдругъ въ стѣнахъ мирнаго Холма явился вѣстникъ горя, носитель смерти, передовой посланецъ Батыя, и грозное повелѣніе: «отдай Галичъ! размечи свои города на Волыни!» разразилось надъ несчастнымъ Даніиломъ и Василькомъ. О, Боже, да какъ же такъ отдать? Какъ самимъ на себя наложить руки? Князья-братья въ отчаяніи бросились за помощью къ венграмъ и ляхамъ. Сколько разъ случалось имъ беззавѣтно спѣшить съ русскими стойкими ратями на помощь западнымъ сосѣдямъ-державцамъ въ тяжелую годину! Теперь, оберегая себя, должны-жъ западные державцы охранить южную Русь, т. е. свои же границы. На горе, помощь опоздала. Не успѣлъ никто собраться, какъ уже грянула гроза, разлился кровавый потокъ—широко, далеко, даже за Карпаты, полонивъ несчастную Русь, испепеливъ не только Венгрію, но и сосѣднія земли. Разметаны несчастные, красивые города, избиты, плѣнены православные жители. Такого горя еще не бывало на Руси. Легла она за всю остальную Европу. Туда татары уже больше не забирались: тѣсны, малы, послѣ русской шири, показались имъ и Венгрія и Польша! Русское раздолье имъ крѣпко полюбилось, и утвердились они въ нашей родинѣ на цѣлые вѣка.

Убитые горемъ, вернулись Романовичи въ разоренныя свои отчины. Счастье свиданія съ избѣжавшими смерти подданными не выкупало общаго горя, кручины. Надо было собрать, одѣть, накормить, пристроить тѣхъ немногихъ бѣдняковъ, которые успѣли скрыться отъ общаго погрома. Безъ устали оба брата день и ночь работали, воодушевляя трудившихся надъ очищеніемъ разграбленныхъ селъ и городовъ. Нелюбимый, но, все же, древній, отчій Галичъ сталъ подниматься понемногу. Изъ окружныхъ лѣсовъ, изъ горныхъ ущелій въ него стекались скрывавшіеся тамъ несчастные жители. Полуживые отъ страха и голода, они окружали тѣхъ немногихъ своихъ добрыхъ пастырей, которые вмѣстѣ съ ними чудомъ спаслись отъ всегубительныхъ стрѣлъ и копій дикарей. Очищались улицы, дворы и площади отъ разлагавшихся труповъ. Съ большимъ трудомъ можно было добраться до храмовъ Божіихъ, такъ какъ, преслѣдуемые татарами, православные въ храмахъ искали спасенія отъ враговъ; но, настигнутые ими, падали отъ мечей и стрѣлъ татарскихъ и трупами заграждали входъ въ церкви. Ихъ праведныя души, очищенныя отъ земныхъ грѣховъ предсмертными муками, возносились къ подножію престола Божія!

Церкви стояли ограбленныя, поруганныя, оскверненныя. Князья и духовенство, при участіи дружины и народа, принялись за возобновленіе храмовъ. Подняли кое-какіе забытые хищниками колокола, собрали изъ-подъ пепла найденные священные сосуды, образа; раздался, среди тлѣющихъ развалинъ, заунывный благовѣстъ, призывающій живыхъ страдальцевъ къ печальной панихидѣ надъ трупами безвременно погибшихъ жертвъ татарскаго насилія. Плакалъ несчаст-

ный людъ, склоняясь подъ тяжестью горя. Впереди стояли князья. Заунывно разносилось по воздуху горестное—«Со святыми упокой»,—и къ престолу Всевышняго, вмѣстѣ съ облаками кадильнаго ѳиміама, возносились рыданія и вздохи осиротѣлыхъ, обездоленныхъ галичанъ.

Вдругъ обрывается пѣніе: отчаянный, надорванный вопль вырывается изъ измученныхъ русскихъ сердецъ. Встали, грозно сверкая очами, колѣнопреклоненные князья. Высоко поднялъ смиренный іерей надъ распростертой толпой блестящій крестъ Господень. Всѣ смотрѣли на востокъ, откуда показались мрачныя облака густой пыли, поднятой скакавшими всадниками. Точно смерть, надвигалась туча пыли, заслоняя даже солнышко! Люди, лежа, не шевелясь, ждали въ оцѣпенѣніи, шепча молитвы, что вотъ, вотъ она всѣхъ ихъ уничтожитъ! Понемногу эта туча разсѣялась. Черные всадники знаками показывали еще издали, что не войну несутъ они, а мирные переговоры. Князья двинулись имъ навстрѣчу, а священникъ, преклонивъ колѣни, воздѣвъ руки горѣ, возносилъ мольбу ко Господу о ниспосланіи спасенія, милости и мира страдающей своей паствѣ.

Батый посылалъ своихъ избранныхъ людей къ Даніилу Романовичу галицкому выразить свое удивленіе, что русскій державецъ, несмотря на погромъ его владѣній, не шелъ съ покорнымъ привѣтомъ къ счастливому побѣдителю.—«И дани-то онъ не платитъ и въ орду не ѣдетъ», говорили послы. «Не подобаетъ жить на ханской землѣ, не поклонившись хану!» Миролюбивыми словами передавалось порученіе, но въ голосѣ слышалась старая угроза,—«отдай Галичъ!» Тяжела была борьба въ душѣ Даніила! Ему, православному

князю, «бывшу велику, обладавшу Русскою землею, Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, покорившему половецкія кочевыя полчища и иныя многія страны», становиться на колѣни передъ ханомъ, называться его холопомъ, облагаться данью, страшиться угрозъ,—охъ! больно! до смерти больно было его воинственному духу, его русской душѣ! Казалось, и не вынести такой пытки! Но любовь къ Церкви православной, къ родинѣ святой взяла верхъ надъ самолюбіемъ!

Переговоривъ съ братомъ, въ отчаяніи поднявъ глаза къ небу, какъ бы прося свыше силъ вынести предстоящій позоръ, съ христіанскимъ смиреніемъ онъ сказалъ рѣшительно: «Иду въ орду, самъ изъявлю покорность Батыю, положусь на его честность; можетъ, онъ и оставитъ землю мою въ покоѣ!»—«Да благословитъ тебя Господь, страстотерпецъ нашъ возлюбленный!» воскликнулъ священникъ, осѣняя князя крестнымъ знаменіемъ. Съ горючими слезами провожали его набожные русскіе люди, молясь за своего спасителя, заступника за ихъ счастье и независимость. 26 октября отправился галицкій князь въ далекій путь. Проѣзжая разрушенный Кіевъ, онъ съ растерзаннымъ сердцемъ видѣлъ «бѣду страшну и грозну» *). Въ Выбутскомъ монастырѣ св. архистратига Михаила его встрѣтилъ игуменъ съ братіею, отслужилъ напутственный молебенъ, «да отъ Бога милость получитъ», моля всевышняго архистратига осѣнить своими могучими крылами великаго странника земли русской! Днѣпромъ проплылъ онъ до Переяславля на Альтѣ, а тамъ уже потянулись татарскія стойбища. Кровью обливалось бѣдное сердце Даніила, видѣвшаго на своей родной,

---

*) Слова Ипатіевской лѣтописи.

православной землѣ языческіе обряды, совершаемые монголами. Они кланялись солнцу, лунѣ, землѣ, умершимъ предкамъ, Чингисханову изображенію. Творили ворожбу, кланялись кусту и огню. Обычаи, пища, все у нихъ было возмутительно. При самомъ въѣздѣ въ орду, до отчаянія смутилъ его слухъ, что и ему придется выполнить языческіе обряды. Татары похвалялись, что ни одинъ изъ перебывавшихъ у нихъ русскихъ князей не посмѣлъ нарушить принятыхъ обычаевъ. «Братъ твой, великій Ярославъ Всеволодовичъ, кланялся кусту,—значитъ, и тебѣ подобаетъ кланяться», слышалъ онъ со всѣхъ сторонъ.—«Дьяволъ говоритъ вашими устами», возражалъ Даніилъ и даже плюнулъ отъ омерзѣнія. «Господи, помоги! огради меня!» твердилъ онъ, набожно крестясь, когда подходилъ къ ханскому шатру. И точно, Господь взмиловался надъ нимъ: Батый избавилъ его отъ всѣхъ обрядностей, напоминавшихъ язычество.

Въ разукрашенномъ шатрѣ, сидя на высокомъ престолѣ, ханъ ласково принялъ русскаго князя и кротко спросилъ: «Почему, Даніилъ, ты такъ долго не приходилъ ко мнѣ? Вотъ, теперь ты здѣсь, и до́брѣ сдѣлалъ, что пришелъ». Князь поклонился съ мудрымъ словомъ:—«Богъ далъ тебѣ власть надъ нами, покоряюсь тебѣ, по Божьей волѣ». Ханъ опять спросилъ:—«Пьешь ли ты нашъ напитокъ, черное молоко, кобылій кумысъ?»—«Нѣтъ, не пилъ еще», отвѣтилъ князь и, вздохнувъ, прибавилъ: «но если прикажешь, то долженъ пить».—«Выпей, ты уже нашъ, ты татаринъ», ласково промолвилъ ханъ. Скрѣпя сердце, исполнилъ князь волю дикаго повелителя и попросилъ позволенія поклониться ханшѣ.—«Иди!» съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Батый. Когда Даніилъ

исполнилъ этотъ долгъ вѣжливости, ханъ прибавилъ:— «Не обыкли вы у себя пить молоко,—пей вино!» и послалъ ему въ подарокъ чумъ *) вина.

Только 25 дней пробылъ Даніилъ Романовичъ въ улусахъ, меньше всѣхъ другихъ князей, своихъ родичей, и былъ отпущенъ оттуда съ именемъ слуги и данника ханскаго, милостиво—утвержденнаго во всѣхъ своихъ владѣльческихъ правахъ. Радостная вѣсть о его блестящемъ успѣхѣ, о ласковомъ пріемѣ грубаго дикаря, летѣла передъ нимъ, разнося благую вѣсть. Несчастный народъ со слезами благодарности бѣжалъ навстрѣчу своему державцу; духовенство съ хоругвями и крестами выходило, благословляя его счастливое возвращеніе. И гордая Европа вздохнула свободнѣе, почуявъ силу спасительнаго оплота, воздвигнутаго между ею и дикою Азіею великимъ радѣтелемъ о православной Русской землѣ.

*) Мѣра—въ родѣ кувшина.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи.
2) *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Чудо въ Зарваницѣ.

Тихо текутъ прозрачныя воды Стрыпы по долинамъ и лѣсамъ богатаго Прикарпатья. На ея песчаныхъ, холмистыхъ берегахъ, то тутъ, то тамъ, высоко надъ водою ютятся, точно норки, пещерныя жилища благочестивыхъ отшельниковъ. Въ тѣ варварскія времена сѣдой старины, когда единственнымъ двигателемъ жизни считалась кулачная сила,—часто отъ мірской суеты, отъ грубыхъ, злыхъ нравовъ бѣжали кроткіе избранники въ дебри и лѣса вѣковые, чтобы въ полномъ уединеніи предаваться созерцательной молитвѣ, посту, умерщвленію плоти.

Недаромъ на страницахъ міровой исторіи за нашею родиной узаконено прозваніе «Святая Русь». Христіанское ученіе сильно вліяло на развитіе среди лучшихъ людей стремленія къ иноческой или отшельнической жизни. То въ дуплахъ деревьевъ, то подъ землею, въ вырытыхъ собственными руками пещерахъ, жили подвижники и своимъ примѣромъ, своимъ словомъ распространяли свѣтъ христіанскаго ученія,

укрѣпляли своихъ соотечественниковъ въ вѣрѣ православной.

Среди отшельниковъ часто встрѣчались и возвратившіеся изъ Святой земли благочестивые паломники, которые бросали семьи, богатства, дома, землю родную и отправлялись въ далекій, тогда очень опасный, путь. Обходили они тѣ города и веси, которые были свидѣтелями земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, поклонялись христіанскимъ святынямъ, посѣщали обители смиренныхъ иноковъ, ища пищи своему благочестивому настроенію. Іерусалимъ и гора Аѳонъ служили имъ доброй школой къ развитію благой воли и христіанской любви, къ проповѣдническимъ подвигамъ, которыми они занимались, по возвращеніи на родину. Ни голодъ, ни холодъ, ни обиды, ни мечъ, ни смерть, ни настоящее, ни будущее, ни татары, ни сарацины, ни жиды, ни ляхи, ни униженія, ни подкупъ— не могли отвлечь избранниковъ отъ служенія Церкви родной, отъ поученія словомъ и дѣломъ темныхъ, грубыхъ массъ. Возвращаясь отъ священныхъ водъ Іордана, смиренные странники запечатлѣвали въ душѣ воспоминанія о Святой землѣ и приносили съ собою нѣкоторые вещественные памятники пребыванія въ Палестинѣ: обломки камня отъ гроба Господня, масло отъ лампадъ, горѣвшихъ тамъ, далеко,—и на Голгоѳѣ, и въ Виѳлеемѣ, и въ храмѣ Воскресенья, образа, писанные греками въ Іерусалимѣ, равно и въ Византіи и на Аѳонѣ.

Любилъ народъ своихъ кроткихъ наставниковъ-утѣшителей, твердо вѣря и въ чудодѣйственную силу принесенной ими святыни и въ правоту ученія, преподаваемаго богоугодными отшельниками. Принижаемый и жизнью и людьми, народъ стекался въ

мѣста народной святыни,—здѣсь предъ чудотворными иконами онъ изливалъ въ горячей молитвѣ свою наболѣвшую душу и искалъ у Царицы Небесной защиты и предстательства предъ Ея Сыномъ и Богомъ. Плакалъ народъ предъ чудотворными иконами и ихъ хранителями-иноками, плакалъ горькими слезами съ глубокой вѣрой въ возможность облегченія горя и получалъ это облегченіе. Чудотворная сила избавляла глубоковѣрующаго человѣка отъ душевныхъ страданій и тѣлесныхъ недуговъ.

Волынь, Червонная Русь, да и все Прикарпатье славились своими иноками-пустынножителями, любовью къ нимъ народа, бояръ и самихъ благочестивыхъ державцевъ.

Какъ-то разъ удалый, веселый князь Василько Романовичъ поднялся на ловы въ дремучіе лѣса своей отчины,—Зарваницы *). Случилось такъ, что не съ кѣмъ было воевать храбрецу, не на комъ показать свою удаль молодецкую. Скучно стало ему безъ ратнаго дѣла, и собралъ онъ своихъ приспѣшниковъ на охоту за дикими звѣрями. Далеко забрели они въ вѣковыя чащи дремучихъ, до сихъ поръ еще существующихъ лѣсовъ. Дни стояли жаркіе, охота была счастливая. Князь безъ отдыха гонялся за вепрями, турами и ланями, далеко оставляя за собою остальныхъ охотниковъ. Вдругъ, на всемъ скаку его ретивый конь оступился, и князь съ размаха упалъ, ударившись головой о камень. Долго лежалъ онъ безъ чувствъ, въ глубокомъ обморокѣ. Ночная прохлада, спускаясь на землю, стала постепенно освѣжать его раненую голову. Струя свѣжаго вѣтра, шурша ли-

*) Зарваница—теперь мѣстечко около Бучача въ Галичинѣ.

стьями, пронеслась надъ нимъ, коснулася похолодѣвшаго лба его, пробралась въ пышныя, едва сѣдѣющія кудри и точно кольнула своимъ прикосновеніемъ зіявшую рану. Нестерпимая боль вырвала протяжный мучительный стонъ изъ придавленной груди. Шевельнуться же не могъ несчастный страдалецъ, передохнуть не было силы. Еще стонъ,—еле уловимый стонъ, единственное движеніе жизни въ замиравшемъ уже тѣлѣ. На этотъ-то звукъ двинулись изъ лѣсной чащи двѣ тѣни.

Темныя, сгорбленныя фигуры пробирались ощупью во тьмѣ ночной. Крестясь, шепча молитву, брели они наугадъ, точно невидимая сила влекла ихъ впередъ.— «И звукъ этотъ я слышалъ, отче».—«Точь-въ-точь, какъ въ видѣніи», перешептывались они.—«Хоть бы тучки отступили, раскрыли лунный свѣтъ». Другой голосъ отвѣчалъ: «а намъ, брате, зачѣмъ глядѣть? Идемъ, куда ведетъ Пречистая».—«Да когда ничего не видно!»—«На стонъ надо держать,—правѣе». Въ это время тучи, дѣйствительно, раздѣлились, полная луна торжественно выплыла изъ-за облаковъ и освѣтила яму, поверхъ которой лежало, давно видимо упавшее, полусгнившее дерево, а на краю ямы, частью подъ трупомъ лошади, частью увязнувъ во мхѣ, среди острыхъ пней и кочекъ, лежало блѣдное, безжизненное тѣло самого владимірскаго державца Василька Романовича. Съ молитвой на устахъ, благоговѣйно склонились надъ нимъ обѣ тѣни. Набожно крестясь, они осторожно пробовали поднять голову, высвободить тѣло изъ-подъ лошади. Тяжелый, болѣзненный стонъ заставилъ ихъ самихъ содрогнуться,— точно и имъ стало больно.—«Пресвятая Владычица, помоги намъ грѣшнымъ исполнить Твою волю!» за-

бормотали старцы. При лунномъ свѣтѣ, были ясно видны ихъ сѣдые волосы, постомъ и молитвою изможденные лики и сгорбленныя спины, въ ветхихъ монашескихъ одеждахъ.

— «Водой бы изъ нашего источника смочить болѣзнаго», заговорилъ одинъ.—«Принесъ ее въ кувшинѣ, по Ея повелѣнію», отвѣтилъ внушительно другой. И бережно, любовно освѣжили они голову своего любимаго державца.—«Теперь понесемъ его къ Ней, по Ея указанію», сказалъ тотъ, что былъ постарше.—«Не снести, отче, не осилимъ», шепталъ второй. «Какъ бы намъ не потревожить князя! Страшно! Кажется, онъ оживаетъ, отче!»—«Не бойся, брате, вѣдь Пресвятая велѣла намъ принести его».—«Тогда исполнимъ Ея святую волю, понесемъ, но оставимъ здѣсь одежду и доспѣхи, чтобы облегчить его!» Осторожно, ощупью, сами чуть дыша, старались иноки святые, какъ можно, меньше тревожить любимаго князя. Какъ сострадательные духи, носители велѣній свыше, принялись они нѣжно, ласково за свое благодѣтельное дѣло.

Князь лежалъ безъ чувствъ, безъ движенія,—только изрѣдка, когда дотрогивались до его ногъ, жалобно, слабо стоналъ. Очень заботливо, осторожно прикасаясь къ разбитому тѣлу, раздѣли они князя и понесли въ ту сторону, откуда вышли сами на мѣсто несчастія.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть, что-то заблестѣло изъ-за густой листвы, послышался снизу плескъ воды, а на верху, надъ рѣкой показалось довольно просторное отверстіе—удобный входъ въ подземелье. Изъ него мерцали красноватые огоньки,—это лампады теплились передъ иконами, освѣщая пространную пещеру,

выкопанную, конечно, самими отшельниками въ крутомъ берегу. Подъ образами, въ углу, была земляная скамья, покрытая мягкимъ мхомъ и свѣжими душистыми листьями. Тутъ и положили Василька. Кровь запеклась на головѣ и перестала течь; ноги, казалось, были переломлены, на спинѣ, груди страшныя ссадины.

— «Не излѣчимъ, святый отче?» шепталъ инокъ.— «Надо молиться, брате», твердо отвѣчалъ другой. «Матерь Божія явилась намъ обоимъ, приказала, несмотря на темную ночь, выйти изъ пещеры, идти по указанному направленію, дала намъ услышать слабые стоны страдальца, помогла донести и положить его подъ сѣнь Ея святой иконы. Видишь, какъ умильно глядитъ ликъ Пречистой на нашего страдальца. Она, Благодатная, и поможетъ намъ послужить, помочь ему». Съ этими словами инокъ сталъ доставать масло изъ лампады, которая теплилась передъ иконой Божіей Матери. Другой взялъ каменный кувшинъ и побѣжалъ за водой къ роднику, весело вырывавшемуся изъ-подъ земли недалеко отъ пещеры. Холодную, живительную влагу этого родника очень любили иноки и пустынники. Ею они обмыли раны, потомъ помазали ихъ масломъ. Жалостно, слабо стоналъ князь, но дыханія не было слышно. Отшельники не переставали за нимъ ухаживать, твердя молитвы, осѣняя себя и его крестнымъ знаменіемъ. Влили ему нѣсколько капель воды въ ротъ. Это какъ будто вызвало дыханіе. Еще влили нѣсколько капель, и князь открылъ помутившіеся глаза, но, конечно, не давалъ себѣ отчета, гдѣ онъ, и что съ нимъ. Медленно, съ большимъ трудомъ собирался онъ съ мыслями, припоминалъ, что было, взглянулъ

Пока одинъ слѣдилъ за малѣйшимъ вздохомъ Василька, другой на колѣняхъ передъ святою иконою горячо молился о его выздоровленіи.

(Къ стр. 149).

на образа и слабо, еле-еле сталъ пробовать перекреститься.

Кроткіе иноки внимательно, ласково уложили его, какъ можно удобнѣе, на мягкихъ листьяхъ, по очереди не отходили отъ его изголовья. Пока одинъ слѣдилъ за малѣйшимъ вздохомъ Василька, другой на колѣняхъ передъ святою иконою горячо молился о его выздоровленіи. Торжественная тишина пустыни и безмолвіе подземнаго жилища окружали страдальца-князя, который мучился, и сострадательныхъ иноковъ, которые молились предъ иконою Царицы Небесной за повелителя земного, за владыку обширнаго княжества.

А въ лѣсу, тѣмъ временемъ, поднялась страшная суета. Долговременное отсутствіе князя встревожило его приспѣшниковъ, и они, чуя бѣду, начали искать его. Разсыпались они по всему лѣсу и начали трубить въ рога, въ надеждѣ, что заблудившійся князь услышитъ знакомые звуки и откликнется. Съ напряженнымъ вниманіемъ, приложивъ ухо къ землѣ, прислушивались витязи, притаивъ дыханіе, откуда послышится отвѣтный звукъ. Его не послѣдовало. Еще и еще трубили,—только эхо повторяло всегда безотвѣтный вопросъ. Жутко становилось даже храбрецамъ. Василька безъ памяти любили волынцы. Что случилось? Гдѣ князь? Даже громко спросить-то страшились они другъ друга. Весь день до вечера, всю ночь съ зажжеными сучьями отъ деревьевъ искала князя его свита и не находила. Разсыпались охотники, оглашая лѣсныя дебри своими призывными звуками, и ни откуда никакого отвѣта. Наконецъ, подъ утро кто-то изъ дѣтскихъ наткнулся на трупъ княжескаго коня съ переломленными ногами. Тутъ же

валялся шлемъ, мечъ князя, его кольчуга и верхнее платье. Все разбросано, но все цѣло. Видна была лужа крови около мѣста, гдѣ онъ свалился и придавилъ мохъ своею тяжестью.—«Но гдѣ же самъ князь?» съ ужасомъ спрашивали дружинники другъ у друга.—«Не было ли тутъ засады»?—«Не убили ли его недруги и не увезли ли бездыханное тѣло?»

Еще пуще прежняго раздавался душу раздирающій звукъ роговъ, призывавшихъ дружину на мѣсто несчастья съ княземъ. На этотъ звукъ со всѣхъ сторонъ стали спѣшно откликаться, и скоро вся свита собралась вокругъ трупа лошади, у свалившагося лѣсного великана. Закрестились православные, переглядываются, руками разводятъ.—«Ну, что теперь сказать князю Данилѣ?» проговорилъ кто-то изъ стариковъ. Остальные еще больше растерялись,—точно они были виноваты въ стрясшейся бѣдѣ. Однако, за княземъ Данилой отрядили посланца, сами же принялись раздумывать горькую думу. Одинъ изъ ловцовъ сталъ осторожно отходить отъ другихъ по тому направленію, откуда слышался плескъ воды. Пока дружина горевала, совсѣмъ разсвѣло. Ясный лучъ лѣтняго солнца мощно пробивался въ самую глубь лѣсовъ, сквозь гигантскіе сучья вѣковыхъ великановъ. На удалявшагося ловчаго оглянулись и другіе. Онъ низко пригибался къ землѣ, разглядывая еще мокрый отъ росы мохъ. То онъ останавливался, оглядываясь по сторонамъ, то опять двигался, удаляясь въ одномъ направленіи.—«И мы за нимъ», шепоткомъ заговорили остальные, двигаясь дальше. Они увидѣли свѣтъ воды Стрыпы; ихъ потянуло на ея высокій берегъ.

Неподалеку увидѣли пещеру. Съ кувшиномъ въ

рукахъ вышелъ инокъ, еще не старый, но изможденный постомъ и лишеніями всякаго рода. Онъ пріостановился. Его пристальный взоръ былъ поднятъ къ небесной лазури; правою рукою онъ набожно крестился, шепча молитвы. Не замѣчалъ онъ подходившихъ людей, не слышалъ ихъ шаговъ. Восторженное умиленіе читалось въ его блестящихъ, ясныхъ глазахъ.—«Благослови, отче!» сказалъ старѣйшій бояринъ.—«Господь благословилъ и помиловалъ насъ грѣшныхъ», былъ вдохновенный отвѣтъ, «Царица Небесная, неустанная Заступница наша, благая Покровительница спасла намъ нашего князя!»—сказалъ инокъ.—«Гдѣ онъ? что съ нимъ?» ринулись къ пещерѣ охотники. Отшельникъ остановилъ ихъ повелительнымъ движеніемъ руки: «Не входите, не мѣшайте, дайте покойно молиться».—«Да что случилось? недоброе, вѣрно?»—«Чудо послалъ намъ Господь! Остановитесь! Молитесь, смиритесь прежде, чѣмъ войти въ освященное мѣсто!»—Голосъ отшельника былъ такъ внушителенъ, его лицо такъ вдохновенно, что именитые бояре послушно смолкли, остановились, несмотря на сердечное нетерпѣніе узнать что-нибудь о любимомъ князѣ. Зачерпнувъ воды изъ родника, инокъ снесъ ее въ пещеру, а потомъ, вернувшись къ взволнованнымъ охотникамъ, началъ разсказывать.—«Угасъ ужъ свѣтъ дневной. Ночная темь покрыла землю, мы съ старцемъ стояли на молитвѣ, слезно прося Всемилостивую Царицу Небесную о милости, мирѣ, здравіи и душевномъ спасеніи нашихъ князей любимыхъ, благочестивыхъ устроителей родной галицкой земли. Поклонъ за поклономъ клали мы передъ образомъ Пречистыя и вдругъ услышали гласъ неземной, кроткій, но повелительный. Онъ ука-

зывалъ намъ спѣшно встать на помощь волынскому князю. Послушно вышли мы изъ келліи. А ночь была тюрьмы чернѣе. Тучи покрывали небо. Ни зги не разберешь. У входа мы хотѣли-было разойтись: такъ нѣтъ! невидимая сила толкала обоихъ все въ одну сторону. Спотыкаясь, задѣвая за сучья и пни, шли мы впередъ, напрягая и слухъ и глаза, чтобы проникнуть сквозь непроглядную темь. Чу! точно послышался еле уловимый, слабый стонъ.—«Охъ, кабы мѣсяцъ открылся!» шепнулъ старецъ, крестясь и вздыхая. Я за нимъ. И вотъ разорвалися тучи, освѣтилась поляна, мы увидѣли князя, замертво лежащаго подъ бездыханнымъ скакуномъ! Какъ Господь намъ помогъ перелѣзть черезъ пни, оттащить лошадь, добраться до князя, раздѣть его, поднять, донести до пещеры, самъ я не знаю. Его святая воля совершилась надъ нами слабыми, немощными! Обмыли мы его, болѣзнаго, съ молитвою, раны масломъ изъ лампады помазали и видимъ—счастье! князь нашъ воскресаетъ! Невнятно вопрошаетъ,—гдѣ онъ? Глаза блеснули, это онъ увидѣлъ Ликъ Святой! Хотѣлъ осѣнить себя знаменіемъ крестнымъ, шевельнулъ-было рукой,—она переломлена въ двухъ мѣстахъ. Бережно, ласково старецъ говоритъ ему, что надо обождать.— «Теперь мы за тебя встанемъ на молитву, земные поклоны, крестныя знаменія будемъ усердно творить!» Страданіе, мольба горячая, безпредѣльная читалась въ глазахъ князя, устремленныхъ на благостный Ликъ. Мы пали во прахъ передъ Матушкой нашей, Заступницей у престола Всевышняго, моля о помощи Ея князю любимому! И чудо совершилось! Чудо великое, бояре вы наши! Мы, многогрѣшные, удостоились узрѣть это чудо! Какъ подняли мы наши головы,

такъ снова упали, проникнутые умиленіемъ! Рядомъ съ нами стоялъ нашъ князь, колѣнопреклоненный, какъ и мы. Онъ, лежавшій безъ движенія, съ переломленными членами, стоялъ теперь здоровый, крестился, плакалъ, молился вмѣстѣ съ нами! И по сей часъ стоитъ онъ передъ образомъ восторженный, умиленный, горячо молясь, благодаря и каясь. Съ нимъ вмѣстѣ молится и преподобный старецъ. Я же сходилъ только за водой. Оставьте ихъ, бояре, не безпокойте! Молитесь сами, благодаря Создателя и Его Пречистую Матерь, что сохранили всѣмъ намъ нашего любимаго, мудраго князя».

Съ благоговѣйнымъ ужасомъ, снявъ шапки, крестясь и плача, слушали бояре чудную повѣсть о великой милости Божіей. Конечно, они не посмѣли тревожить своего князя. Глубоко умиленные, пошли они къ студеному роднику, приписывая и его водѣ цѣлебную силу. Творя молитву, благочестивые русскіе люди подкрѣплялись живительной влагой, благодарили Бога и радостно отдыхали отъ пережитыхъ жгучихъ тревогъ. Василько не выходилъ изъ пещеры. Чудо милосердія Божія сильно повліяло на его кроткую, вѣрующую душу.

На другой день, чуть стала заниматься заря, по лѣсу раздались тревожные звуки роговъ, конскій топотъ, человѣческіе голоса. Высланные боярами охотники встрѣтили князя Данилу, спѣшившаго на поиски любимаго друга-брата. Радость свиданія была неописуема. Братья плакали, молились, что Господь помогъ имъ свидѣться, что Онъ, Милосердый, спасъ Василька, постоянную вѣрную опору Данилы во всѣхъ трудахъ и напастяхъ, которыми была такъ переполнена его жизнь. Оба князя, не откладывая дѣла, тутъ же

рѣшили построить надъ пещерою, на самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудо, величественный храмъ во имя Пресвятой Зарваницкой Божіей Матери,—по имени мѣстности Зарваницы, гдѣ находилась пещера. Чудотворная икона была установлена въ иконостасѣ. Ключъ же живительной воды проходилъ очень близко отъ церковной стѣны. Его отдѣлали камнями, устроили, по указаніямъ отшельниковъ, бывавшихъ въ Святой землѣ, купальню, на подобіе Іерусалимской Овчей купели. Слухъ о чудесномъ исцѣленіи князя съ быстротою молніи облетѣлъ всю широкую и далекую Русь православную. Потекли толпы за толпами болящихъ, обездоленныхъ, горячо вѣрующихъ въ скорую помощь многомилостивой Царицы Небесной. Припадали къ Ея стопамъ, молясь передъ чудотворною Ея иконою, прося себѣ исцѣленія отъ недуговъ, утѣшенія въ душевныхъ скорбяхъ, болѣзняхъ тѣлесныхъ. Отъ источника брали живительную воду, погружались въ купель и, по вѣрѣ непоколебимой, получали исцѣленіе отъ недуговъ, утѣшеніе, подкрѣпленіе въ житейскихъ печаляхъ.

Державные друзья-братья никогда не забывали милости Божіей, нисшедшей на нихъ въ пещерѣ смиренныхъ молитвенниковъ. Они жертвовали многочисленныя сокровища на украшеніе и на содержаніе храма. Когда же, съ наплывомъ богомольцевъ, оживились живописные берега, и вокругъ пустынниковъ стали селиться другіе старцы, находя себѣ отраду и утѣшеніе въ постоянныхъ молитвахъ за притекающихъ страдальцевъ,—князья Романовичи рѣшили при храмѣ основать монастырь. Святая обитель процвѣтала бы и до нашихъ дней, не посѣти землю родную лютая година татарскаго ига. Варвары-разори-

тели опустошили всю округу, перебили до единаго смиренныхъ иноковъ и до основанія разнесли храмъ Господень.

Послѣ погрома, народное благочестіе, крѣпко привязанное къ этой мѣстности, поставило надъ цѣлебнымъ источникомъ деревянную часовню. Церковь же съ чудотворною иконою была перенесена на другой берегъ рѣки, въ село, и при ней основанъ другой монастырь. Вѣка проносились надъ святыней. Сгорали, ветшали рукодѣльные храмы, народное же благочестіе воздвигало новые. Ни татары, ни латыняне не могли стереть съ лица земли православной памяти о чудесномъ исцѣленіи, по милости Царицы Небесной, благочестиваго потомка великихъ русскихъ державцевъ—Мономаховичей.

ИСТОЧНИКИ:

Лѣтописи.

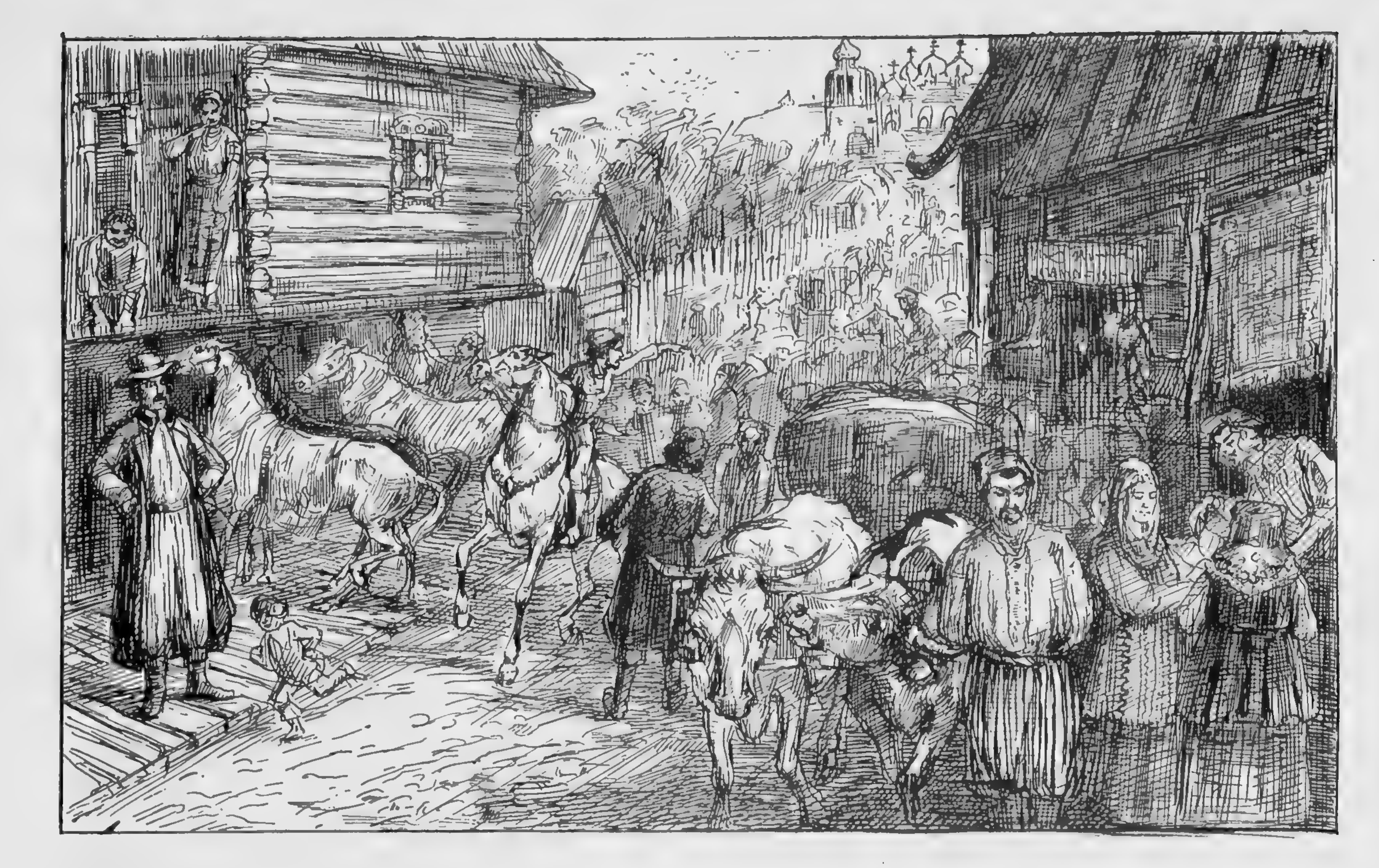
Печальникъ о Русской землѣ.

1264 г.

СВѢТЕЛЪ, просторенъ роскошный покой, занимающій боковую башню великолѣпнаго княжескаго дворца, въ стольномъ Холмѣ, излюбленномъ мѣстопребываніи галицкаго державца Даніила Романовича.

Не прошло и тридцати лѣтъ со дня основанія города, а онъ уже расцвѣлъ, разбогатѣлъ и раскинулся во всей своей русской красѣ. Даже Батый пощадилъ эту юную столицу! Его варварскія полчища не снесли еще пока ея стѣнъ! не стерли съ лица земли Даніиловъ Холмъ!

Широкія улицы, многочисленные обширные сады, красивыя боярскія палаты—все говорило о довольствѣ, привольи жителей. Со всѣхъ концовъ обширной Руси собирались предпріимчивые, способные люди вокругъ мудраго правителя. Онъ же выписывалъ съ Запада искусныхъ мастеровъ украшать, обстраивать излюбленный городъ. Благочестивые граждане вмѣстѣ съ

Видъ Холма въ 1204 году. (*Къ стр. 157*).

богатыми хоромами воздвигали и величественные храмы Божіи. Изъ Византіи, изъ Кіева вывозили для ихъ украшенія всевозможныя сокровища зодчества, живописи, ваянія.

На обширныхъ площадяхъ постоянно толпился торговый людъ. Почуя роскошную жизнь при тароватомъ князѣ Данилѣ, смѣтливые греческіе купцы въ изобиліи привозили сюда свои товары: берковцы съ романеей, скрыни съ лимонами и ладономъ, мѣха съ перцемъ и имбиремъ. Венеціанцы располагались подъ навѣсами, плѣняя именитыхъ боярынь своими сокровищами: бархаты, камки, перлы да кораллы такъ и искрились на солнцѣ. А тамъ, въ углу, расположились половчане, привлекая молодежь любоваться степными скакунами чудесныхъ статей да громадными рогатыми быками. Изъ-подъ Кіева крестьяне навозили меды липовые да соты и воскъ.

Ключомъ кипитъ привольная жизнь счастливаго Холма. Множество нарѣчій сливаются въ одинъ гулъ подъ гостепріимнымъ небомъ Волыни. Слышенъ говоръ, смѣхъ, звуки гуслей да разудалой веселой пѣсни! И вдругъ все смолкало, когда ударяли въ соборный колоколъ, сзывая православныхъ на вечернюю молитву. Истово закрестится набожный людъ, потянутся старики и старухи въ отпертые святые храмы.

Князь Данило, стоя у стрѣльчатаго окна, въ за́мковой башнѣ, радостно смотрѣлъ на эту жизнь, на этотъ ростъ своей любимой столицы. Яркое солнышко властно проникало въ его рабочую палату, весело играя на узорчатомъ пестромъ войлокѣ, разостланномъ по полу, на золотой бахромѣ и кистяхъ, которыми отдѣланы зеленыя бархатныя подушки длинныхъ скамеекъ, разставленныхъ по всѣмъ стѣнамъ. Посреди

комнаты огромный дубовый столъ, на толстыхъ точеныхъ ножкахъ, весь заваленъ частію книгами, уже переплетенными въ богатые золотые переплеты чеканной работы, съ жемчугомъ, яхонтами, изумрудами, и частью еще не собранными листами пергамента. Даніилъ Романовичъ, по примѣру предковъ, много занимался перепиской священныхъ книгъ, щедро раздавая ихъ во вновь строившіеся храмы. Кромѣ того, онъ велъ оживленную переписку съ друзьями, европейскими державцами.

Прекрасно образованный, онъ поддерживалъ связь съ товарищами дѣтства, которыхъ зналъ при дворѣ венгерскаго короля Андрея и его мудрой супруги Гертруды. Старшій сынъ Даніила, Левъ былъ женатъ на Констанціи, младшей дочери Белы IV-го, короля венгерскаго, преемника Андреева. Притомъ же, вниманіе, оказанное галицкому державцу страшнымъ Батыемъ, подняло и безъ того не малое его значеніе среди европейскихъ государей.

Вотъ и теперь, любуясь своимъ милымъ Холмомъ, онъ въ умѣ перебиралъ всѣ выгоды новаго предложенія Белы. Только что полученное письмо лежало на столѣ. Много лести, много сладкихъ словъ слалось ему изъ-за Карпатъ. И княземъ великимъ всей Руси, и другомъ великаго Батыя, и любимцемъ всесильнаго папы величалъ венгерскій король галицкаго державца. Обѣщалъ ему въ будущемъ помощь,—лишь бы теперь, въ данную минуту, Данило пришелъ съ своими войсками на выручку противъ чешскаго короля Оттокара! Чтобы легче заманить умнаго Ростиславича, Бела предлагалъ ему еще брачный союзъ: «жени сына твоего Романа на нашей родственницѣ Гертрудѣ, сестрѣ умершаго герцога австрійскаго Фридерика»,—

писалъ онъ дружески, по душѣ.—«Она—вдова уже второго мужа, пожалуй, годами будетъ и постарше твоего Романа, но она передала мнѣ свои наслѣдственныя права на Австрію и Штирію. Охотно уступлю ихъ Роману, лишь бы ты-то былъ со мной противъ моихъ злющихъ враговъ». Раздумье брало славолюбиваго русскаго князя. Бился онъ уже съ татарами на Калкѣ, осаждалъ далекій польскій Калишъ, поражалъ, плѣнялъ крестоносцевъ. Его побѣдоносныя знамена развѣвались и въ Литвѣ, и въ Жмуди, и подъ Ригой, но въ Чехіи онъ еще не бывалъ. Да не только онъ, но и пращуры его—побѣдоносный Святославъ, равноапостольный Владиміръ, мудрый Ярославъ не доводили своихъ славныхъ дружинъ до чешской земли. Правда, чехи—славяне. Но тогда еще и въ умъ не приходили законы сплоченія родственныхъ народностей! Бились, потому что биться хотѣлось, и шли другъ на друга въ братоубійственный бой единовѣрныя, единородныя племена, несмотря на свою набожность, забывая святую заповѣдь любви и мира, завѣщанную міру Божественнымъ Учителемъ вселенной!

Перечитавъ еще разъ письмо Белы, взвѣсивъ всѣ умно подобранные доводы, Данило далъ себѣ отчетъ во всемъ, достигнутомъ имъ для блага галицкихъ земель. Въ данную минуту 1252 г., его держава пользовалась полнѣйшимъ спокойствіемъ. Утихли крамолы буйныхъ бояръ. Изъ орды привезъ онъ надежные миролюбивые договоры. Литовскій князь Миндовгъ обратилъ свою вражду въ дружбу. Съ ляхами и крестоносцами пока покойно,—отчего бы и не повоевать, разъ представляется удобный случай? Да еще гдѣ? тамъ, на Западѣ среди нѣмецкихъ правителей! Въ добавокъ же, въ концѣ концовъ, видѣть свое потомство

на австрійскомъ престолѣ! Противъ такой заманчивой картины не устоялъ премудрый Даніилъ. Онъ ударилъ три раза въ ладоши. Поднялся дорогой коверъ, висѣвшій на стѣнѣ за спиной князя, и на порогѣ показался красивый мальчикъ въ свѣтломъ кафтанѣ, подпоясанный золотымъ кушакомъ и въ красныхъ сапогахъ.— «Проси ко мнѣ пожаловать князя Василька Романовича да княжича Романа». Отдавъ почтительный поклонъ, юноша исчезъ за толстыми складками восточнаго ковра.

Собравшись, галицко-волынскіе князья принялись обсуждать животрепещущій вопросъ. Походъ, какъ бранный подвигъ, задѣвалъ за живое воинственную жилку удалыхъ потомковъ храбраго Святослава. Въ сѣчу, какъ на праздникъ, готовы летѣть князья-орлы изъ богатырскаго гнѣзда Рюрикова. Только бракъ съ иновѣркой сильно претилъ набожному Роману Даніиловичу.—Точно чуяло сердце-вѣщунъ что-то недоброе въ этомъ условіи.—«А право на австрійскій престолъ, на Богемскую Силезію?» налегали на него и дядя и отецъ. «Ты будешь нашимъ оплотомъ въ Европѣ. Тогда и орда иначе заговоритъ съ нами».—«Быть правителемъ латынянъ не съ-руки православному», въ раздумьи повторялъ Романъ.—«Вліяй на нихъ, на княгиню!» отвѣчали ему.

— «Послушаюсь тебя, родитель, покорно, безусловно. Но не вѣрю я ни венгерской дружбѣ, ни латинской правдѣ. Опасно вмѣшательство папъ въ дѣла европейскихъ царствъ». Призадумался, замолчалъ при этихъ словахъ Даніилъ Романовичъ. Онъ самъ отвергъ поддержку папы, когда условіемъ было поставлено его вѣнчаніе въ короли Руси и Галича по латинскому обряду. Но лихой Василько уговорилъ племянника.

Князья рѣшили ѣхать въ Венгрію, гдѣ должно было совершиться бракосочетаніе, а къ союзникамъ своимъ разослали гонцовъ, сзывая ихъ въ походъ, на помощь венграмъ, въ ихъ борьбѣ съ чехами за австрійское наслѣдство. Краковъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Туда пошли полки князей Льва и Василька, подъ начальствомъ тысяцкаго Юрія. Литовскіе князья Тевтивилъ и Едивидъ (братья жены Даніила) привели свои рати. Тяжелый на подъемъ, польскій князь Болеславъ V-й Стыдливый, зять короля венгерскаго, никакъ не могъ двинуться. Даніилъ торопилъ, а онъ оттягивалъ, точно не рѣшался выполнить обѣщаніе. Наконецъ, его властная супруга, дочь венгерскаго короля, вмѣшалась въ дѣло и настояла на необходимости идти помогать отцу.

Пока собирались да стягивались эти громадныя боевыя силы, Бела IV на славу отпировалъ свадьбу нашего княжича. Русскіе князья,—по словамъ лѣтописи,—поражали венгровъ и собравшихся на пиръ знатнѣйшихъ гостей блескомъ своихъ нарядовъ, роскошью сбруи и красотой лошадей. Не варварами явились среди европейской знати державцы православной южной Руси.

Послѣ вѣнца, молодыхъ съ большимъ почетомъ проводили въ Найбургскій замокъ, въ Австріи, по сосѣдству съ Вѣной. Даніилъ вмѣстѣ съ Болеславомъ V-мъ, во главѣ соединенныхъ силъ, вступилъ въ Богемскую Силезію, переправившись черезъ Одру у Козлова. Тамъ подоспѣлъ къ нимъ опольскій князь Владиславъ Казимировичъ, и они вмѣстѣ двинулись къ Опавѣ. Большая же часть войска Даніила съ сыномъ его Львомъ Даниловичемъ отправились обходомъ, черезъ горы. Чехи, подъ предводительствомъ

храбраго вождя Андрея, встрѣтили мужественно отправленный противъ нихъ сторожевой отрядъ изъ поляковъ. Завязался жесточайшій бой. Поляки дрогнули и были разбиты чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на поляковъ, и Даніилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе. «Чего вы испугались?» говорилъ онъ имъ: «развѣ вы не знаете, что война никогда не бываетъ безъ мертвыхъ? Развѣ вы не знали, что идете биться съ вооруженными воинами, а не съ беззащитными женщинами? Если воинъ убитъ на войнѣ, какое же тутъ диво? Другіе и дома умираютъ, но какая охота умирать дома, безъ славы! Павшіе въ бою покрываются славою!» Его властный призывъ сомкнулъ ряды; подъ стягомъ удалого вождя окрѣпли, остановились бойцы. Но тщетно Даніилъ уговаривалъ поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не соглашались. Даніилъ сильно горевалъ. Наконецъ, изъ-за горъ, въ долину вышелъ побѣдоносный князь Левъ съ огромною добычею. И началась осада, которая, однако, не имѣла успѣха. Причина неуспѣха заключалась между прочимъ и въ томъ, что глазная болѣзнь Даніила усилилась, и, несмотря на его беззавѣтную храбрость, онъ не могъ вездѣ поспѣвать. Безжалостно опустошая Богемскую Силезію, союзныя войска осадили затѣмъ знатнѣйшій,—по словамъ лѣтописца,—чешскій городъ Насилье *), гдѣ въ жестокой неволѣ содержалось множество русскихъ и польскихъ плѣнниковъ. Храбрый чешскій полководецъ Гербортъ принужденъ былъ сдаться удачно нападавшему врагу. Онъ отдалъ Даніилу свой побѣдоносный

*) Носсельтъ.

мечъ въ знакъ покорности и съ отчаяніемъ въ душѣ увидѣлъ русское знамя на родныхъ своихъ стѣнахъ. Великодушный побѣдитель не разрушилъ ихъ, пощадилъ жителей и изъ этого похода вынесъ только одну славу.

Еще въ 1245—1246 годахъ завязались переговоры между Даніиломъ и папою Иннокентіемъ IV относительно соединенія церквей. Но такъ какъ папа не присылалъ Даніилу западно-европейскихъ войскъ для борьбы съ татарами, то переговоры и прекратились въ 1249 году. Теперь, въ 1253—1254 годахъ, при посредничествѣ венгерскаго короля, переговоры возобновились. Гонцы папы Иннокентія IV, направляясь въ Галичъ, явились въ Краковъ. Потерпѣвъ энергичный отпоръ отъ русскаго князя Александра Невскаго, они понесли, кромѣ папскаго благословенія, отъ своего святѣйшаго владыки, еще королевскую золотую корону, разукрашенную драгоцѣнными камнями, галицко-русскому великому державцу. Но на этотъ разъ Даніилъ отказался ихъ принять, находя неудобнымъ заниматься важными государственными дѣлами въ чужой землѣ. Дома ждали его тяжелыя вѣсти о бѣдномъ княжичѣ Романѣ. Оттокаръ, чешскій король, осадилъ Нейбургъ и, не будучи въ состояніи взять его, сначала очень дружелюбно предлагалъ Роману раздѣлить полюбовно австрійское наслѣдство, такъ какъ оба они женаты были на родныхъ сестрахъ, наслѣдницахъ спорнаго престола. Призывалъ даже папу и двѣнадцать епископовъ въ свидѣтели искренности своего обѣщанія, лишь бы Романъ разорвалъ союзъ съ венгерскимъ королемъ, «который,—какъ увѣрялъ Оттокаръ,—много обѣщалъ, но ничего не сдѣлаетъ». Прекрасно понимая всю вы-

году подобной сдѣлки, честный Романъ, однако же, наотрѣзъ отказался, говоря: «правдою обѣщалъ я служить моему отцу и венгерскому королю,—не могу, помимо ихъ, входить въ переговоры съ тобою. Грѣшно и стыдно мнѣ не выполнить обѣта». Вмѣстѣ съ этимъ Романъ послалъ объявить венгерскому королю о предложенiи Оттокара и просилъ немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ—хотѣлъ Австрiю для себя оставить, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгрiи и не посылалъ ему помощи. Обозлился Оттокаръ, жестокую повелъ осаду. Романъ съ супругою терпѣли неимовѣрныя лишенiя. Какая-то женщина, добрая душа, съ опасностью жизни пробираясь по вражьему стану изъ Нейбурга въ Вѣну, добывала тамъ кое-какъ съѣстные припасы стойкимъ плѣнникамъ. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу. Человѣческому разуму такъ и казалось, что голодная смерть поглотитъ свои жертвы. Господь же Милосердый судилъ иначе. По Его всеблагой волѣ, нѣкто Веренгеръ Просвѣлъ,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—вспомнилъ, какъ много, въ былые дни, сдѣлалъ для него добросердечный русскiй княжичъ. Изъ чувства благодарности, спѣшно собралъ онъ рать великую, пробился къ самымъ стѣнамъ Нейбурга, высвободилъ Романа и помогъ ему вернуться, хоть и безъ супруги, къ отцу на родину. Тамъ въ его отсутствiе плакали, тужили, мучились, но не въ силахъ были помочь своему любимцу.

Данiила до боли угнетали дурныя вѣсти изъ Австрiи, ихъ осложняли страшные слухи, что на востокѣ снова поднимается грозная татарская сила. Побывавъ въ ордѣ, онъ лично убѣдился въ несокру-

Поднялась сама маститая старица, вдовствующая супруга Романова, многострадальная матушка-княгиня, такъ много потерпѣвшая ради возлюбленнаго своего сына Даніила.

(Къ стр. 165).

шимости варварскаго могущества. Онъ понималъ безпомощность родины и весь вредъ осложненій на Западѣ. А тутъ, точно искусители, шли за нимъ по пятамъ «честные послы», снова неотступно повторяя отъ имени папы: «Сыне! пріими отъ насъ вѣнецъ королевства, яко помощь имѣти ти отъ папы». Не вѣрилъ умный Данило этимъ льстивымъ обѣщаніямъ, зналъ онъ хорошо, насколько преувеличивали послы воинскую силу святѣйшаго владыки и его вліяніе на западно-католическихъ правителей. Непонятенъ былъ ему, законному и прирожденному русскому державцу, смыслъ самаго коронованія, чрезъ посредство папскаго легата. И, все же, поддался онъ, наконецъ, общимъ хитрымъ и горячимъ просьбамъ легата папскаго, польскихъ князей и родныхъ. Поднялась сама маститая старица, вдовствующая супруга Романова, многострадальная матушка-княгиня, такъ много потерпѣвшая ради возлюбленнаго своего сына Даніила. Происходя изъ краковскаго княжескаго дома, хотя уже въ одеждѣ смиренной православной инокини, она, все же, не могла понять душевныхъ мученій своего истово-набожнаго сына. Слезно молила она его принять даръ святаго отца и тѣмъ укрѣпить силы родины, освободить ее отъ татарскаго ига (1255 г.).

Хитроумный легатъ твердилъ свое: «Всемірный повелитель всѣхъ латынянъ строго наказалъ мнѣ, своему смиренному рабу, клятвенно подтвердить уваженіе его святѣйшества къ греческой Церкви! Онъ проклинаетъ всѣхъ осуждающихъ оную: папа намѣревался очень скоро собрать соборъ по вопросу о соединеніи церквей. Русскіе будутъ всегда крѣпко держаться греческихъ обрядовъ». Квасной хлѣбъ въ таин-

ствѣ Евхаристіи оставлялся имъ неоспоримо. Князь Даніилъ могъ безнаказанно отнимать въ свою пользу земли у всѣхъ не христіанскихъ державцевъ.

— «Прими только королевскій вѣнецъ», восклицали польскіе князья Болеславъ и Земовитъ, «тогда мы всѣ, глядя, какъ онъ блеститъ на главѣ нашего брата, единодушно поднимемся на татаръ!»

Не выдержалъ болѣе галицкій державецъ. Съ болью въ сердцѣ и съ мученіями совѣсти признал онъ папу своимъ отцомъ и намѣстникомъ св. Петра, коего властію посолъ Иннокентіевъ, аббатъ мессинскій, въ присутствіи народа и бояръ, возложилъ королевскій вѣнецъ на главу его. Священный обрядъ коронованія Даніила совершился въ Дрогичинѣ.

Въ мантіи изъ греческаго пурпура, обшитой золотымъ галуномъ и золотымъ кружевомъ, въ зеленыхъ сапогахъ, шитыхъ тоже золотомъ, блистая дорогимъ оружіемъ, на которомъ, какъ жаръ, горѣли самоцвѣтные камни, онъ поражалъ восхищенную толпу своею красотою. Папскій легатъ вѣнчалъ его золотою короною, говоря: «прими отъ насъ сей королевскій вѣнецъ!» Потомъ, подавая скипетръ, прибавилъ: «и помощь имѣти будешь отъ святѣйшаго папы». Въ заключеніе обряда, легатъ папы помазалъ Даніила св. мѵромъ.

Но мрачно было чело, носившее слѣдъ латинскаго мѵропомазанія! Вопросительно смотрѣли глаза героя, жадно ожидавшаго исполненія блестящихъ обѣтовъ! Время шло! О помощи съ запада никто больше и не заикался. За то могучій владыка монголовъ почуялъ обиду себѣ въ сближеніи Даніила съ латынянами. Онъ послалъ къ Даніилу своихъ приближенныхъ вель-

можъ—Куремшу и Бурондая съ грознымъ словомъ «размечи города свои!»

Не подъ силу было ему самому исполнить жестокій наказъ. Онъ отправилъ брата Василька и сына Льва къ татарамъ. По ихъ приказу, галицкіе князья должны были не только разметать укрѣпленія галицкихъ городовъ,—Даниловa, Стожска, Кременца, Луцка, Львова, но и помогать татарамъ грабить цвѣтущія богатыя княжества сендомирское и люблинское. А съ запада все не было никакой помощи! Пришла лишь папская булла отъ Александра IV съ укоромъ Даніилу, что онъ не оказываетъ должнаго повиновенія святѣйшему престолу!—На это даже и не отвѣтилъ русскій князь. Онъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ папы. Смѣясь надъ злобою Александра IV-го, Даніилъ строго наблюдалъ уставы Православной Церкви и тѣмъ показалъ, что мнимое присоединеніе его къ Риму было одною государственною хитростію.

Онъ былъ далеко, на границахъ Литвы, билъ язычниковъ ятвяговъ (1256 г.), напиравшихъ на Болеслава IV, польскаго князя, его союзника. «Король еси ты, голова всѣмъ намъ», говорили ему польскіе князья, «изыди впередъ насъ!» И онъ ринулся съ отчаянія впередъ въ кровавую сѣчу, увлекая за собою малодушныхъ. Бился, покорялъ дикарей безъ устали, забывая себя, а главное, забывая ненавистный ему, столь лестный для нихъ, свой королевскій титулъ.

Невольное участіе Василька въ татарскомъ погромѣ Литвы и Польши вызвало месть великаго Миндовга. Въ союзѣ съ подручными ему князьями, онъ повелъ многочисленныя рати противъ волынскаго державца. Сразу имъ удалось ограбить Каменецъ, но

подъ Модниками, около города Небли *), литовцевъ на голову разбилъ Василько съ сыномъ Владиміромъ. Лѣтопись говоритъ, что въ живыхъ русскіе не оставили ни одного врага. Ликованію пинскихъ князей, родичей волынскихъ героевъ, не было предѣловъ. Они шумно праздновали побѣду надъ знаменитымъ литвиномъ. Къ Даніилу полетѣли послы съ радостною вѣстью и великолѣпными подарками изъ доставшейся побѣдителямъ безчисленной добычи. Великаго державца звали родичи въ Тарновъ—обсудить вопросы о благоустройствѣ и порядкѣ на Русской землѣ. Даніилъ охотно пріѣхалъ съ сыновьями Львомъ и Шварномъ. Вмѣстѣ съ другими были и Василько съ сыномъ Владиміромъ и краковскій князь Болеславъ. «Положиша рядъ между собою о землю Русскую и лядскую. Утвердишася крестомъ честнымъ и тако разъѣхашася во свояси», говоритъ Ипатіевская лѣтопись.

Тарновскій съѣздъ былъ послѣднимъ предсмертнымъ трудомъ князя Даніила на пользу любимой имъ Руси православной. Онъ скоро опасно заболѣлъ и скончался 63-хъ лѣтъ отъ роду, въ своемъ любимомъ Холмѣ. Его положили въ воздвигнутомъ имъ самимъ храмѣ Пресвятой Богородицы, въ 1264 году.

Угасъ Даніилъ, достойный сынъ великаго Романа, достойный современникъ Александра Невскаго. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ князей. Онъ успокоилъ галицкую землю, мудро, мягко укротилъ сварливыхъ бояръ. Основалъ множество новыхъ городовъ, украсилъ и укрѣпилъ старинные. Жизнь его съ самаго младенчества была непрерыв-

*) Мѣстечко Нобелъ пинскаго уѣзда, минской губерніи.

ной цѣпью опасныхъ, необычныхъ приключеній, переворотовъ, ратныхъ подвиговъ.

Нельзя ни перечесть, ни запомнить его военныхъ и опасныхъ приключеній. Нѣжнѣйшій, почтительнѣйшій сынъ, онъ былъ надежнымъ другомъ-союзникомъ, любящимъ братомъ и заботливымъ отцомъ. Лѣтопись говоритъ о немъ: «Се же король Данило, князь добрый, храбрый, мудрый. Онъ создалъ много городовъ, поставилъ церкви, разукрасилъ ихъ разными красотами, бяшетъ бо братолюбіемъ свѣтяся со братомъ своимъ Василько. Этотъ русскій князь Данило былъ по мудрости второй Соломонъ!» (Ипатіевская лѣтопись, стр. 202).

ИСТОЧНИКИ:

1) *М. Смирновъ.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до ея соединенія съ Польшей.

2) *Н. М. Павловъ.* Русская Исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Т. III.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. II часть. Владимірскій періодъ.

4) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Многострадальный Владиміръ Васильковичъ, князь волынскій.

1288 г.

Много славныхъ воинскихъ подвиговъ совершали русскіе князья изъ доблестнаго дома Рюриковичей. Много было между ними мудрыхъ правителей, много ревностныхъ радѣтелей объ утвержденіи и распространеніи вѣры Православной по лицу земли родной! И все-же, до конца XIII вѣка, на страницахъ родной лѣтописи не встрѣчается болѣе великаго подвижника, безропотнаго страдальца на престолѣ, какимъ былъ князь Владиміръ Васильковичъ, прирожденный державецъ всей Волыни—до самыхъ татарскихъ кочевьевъ съ одной стороны, и земель черниговской, литовской, мазовецкой—съ другой. Въ его службѣ, т. е. подручными, какъ бы удѣльными князьями считались: Василько слонимскій, Юрій порусскій, Конрадъ черско-мазовецкій, пинскіе и туровскіе князья. Онъ же, болѣзненный съ молодыхъ лѣтъ, заботливо и любовно

правилъ Русью со смерти своего славнаго родителя Василька Романовича. Съ очень молодыхъ лѣтъ сталъ онъ хромать и сильно жаловался на боль въ ногахъ. Потомъ открылись раны и страданія усилились. Въ 1282 г. онъ уже не могъ лично сопровождать ханскаго вождя Телабугу въ его походѣ на Венгрію. Въ 1283 г. попробовалъ было двинуться съ нимъ на Сандомиръ, но не осилилъ пути далѣе р. Сана. Волынскіе бояре повели дружины своего державца. Онъ же лежалъ огорченный, страдающій, озабоченный судьбою своей бѣдной родины. Вѣрный его другъ, добрая, нѣжная супруга Ольга Романовна, дочь брянскаго князя, не отходила отъ страдальца. Тускло теплились лампады передъ святыми иконами. Заснула служилая челядь. Княгиня отпустила и врачей, и отроковъ, и тѣлохранителей. Одна осталась у изголовья страдальца. Тихо течетъ ихъ задушевная бесѣда. Глотая слезы, вслушивается царственная сидѣлка въ скорбныя рѣчи любимаго супруга. Господь не наградилъ ихъ потомствомъ. Некому, послѣ смерти, передать волынскую державу, поручить дорогую родину.

— «Такъ и чудятся мнѣ всѣ ужасы, междоусобицы, когда я закрою глаза», говорилъ князь. Съ запада угры, ляхи, литовцы, да и родичи любезные потянутъ каждый свой кусокъ, стараясь захватить, какъ можно, больше».— «Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, родной мой! Онъ, Милосердый, взмилуется надъ нами, облегчитъ твои страданія, продлитъ жизнь и силы», отвѣчала княгиня, не спуская заплаканныхъ глазъ со святыхъ иконъ.—«На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорятъ суздальцы», возразилъ князь. «Надо, надо загодя уладить дѣла наслѣдства. Обезпечить

тебя, мой вѣрный другъ, и нашу любимицу, княжну Изяславу. Я далъ обѣтъ ея матери,—прійдется отвѣтъ держать на томъ свѣтѣ, какъ опекалъ сироту».—«Ты бы вздремнулъ, родимый, ужъ ночь давно наступила».—«Тишина благодатная кругомъ. Всѣ отошли ко сну, и мои страданія какъ бы пріутихли. Могу мысли свои привести въ порядокъ. Хочу завтра созвать родичей и передать имъ мое духовное завѣщаніе».—«Духовное завѣщаніе?» ломая руки, простонала княгиня. «Да ты же не кончаешься? Твой недугъ давно тебя мучитъ; знаю, что тошно тебѣ, не въ моготу! Но и Господа не надо гнѣвить: вѣрую, что Онъ, Милосердый, пошлетъ тебѣ облегченіе. Владыко Евсигній ежедневно на литургіи слезно молится о твоемъ выздоровленіи. Плачутъ и люди наши, и дружина, и бояре. Слыхать, по всѣмъ городамъ и селамъ молятся, чтобы Господь сохранилъ тебя твоей отчинѣ».—«Тѣмъ болѣе долженъ я заботиться о Богомъ ввѣренныхъ мнѣ земляхъ. Не плачь, не горюй, Ольга, будь тверда и покорна Божіей волѣ! Безъ Него и волосъ съ головы не погибнетъ! Вѣрь же, что мои страданія, Имъ на меня посылаемыя, должны умудрять и приготовлять меня къ будущей жизни».—«Ну, ты и молись покойно, не заботясь о дѣлахъ», молила бѣдная княгиня. «Не могу, не долженъ! Еще завтра безъ проволочки соберу всѣхъ».

— «Не пригласить ли тоже и хановъ?» осторожно вставила княгиня. И, желая объяснить свою мысль, продолжала: «Татары грабятъ, обираютъ страну, но вѣры-то нашей православной не трогаютъ. Духовенства не угнетаютъ, не изгоняютъ изъ святыхъ храмовъ. Это не то, что латыняне».—«Отъ ляховъ-то я

бы и хотѣлъ схоронить родную Волынь. Умри я безъ наслѣдника, Левъ Даниловичъ и его сынъ Юрій начнутъ хозяйничать, обижать Мстислава Даниловича, а ляхи воспользуются, прійдутъ съ своими монахами. Отъ нихъ и угры не отстанутъ, прійдутъ тоже тянуть, что можно».—«Ну, ужъ дѣлай, какъ знаешь, только когда тебѣ полегчаетъ», глотая слезы, сдавалась княгиня.—«Какъ можно откладывать!» чуть не разсердился князь. «Завтра же пошлю звать обоихъ хановъ, Телебугу и Алгуя, да и князей братьевъ,—Мстислава и Льва съ Юріемъ. Первому передамъ мою отчину со всѣмъ тѣмъ, что къ тебѣ отойдетъ,—Кобрынъ съ людьми и данью, какую мнѣ давали, и села,—Городѣлъ, Садовая, Сомина, да мною основанная обитель Апостоловъ. Она обезпечена многими деревнями».

Бѣдная княгиня еле сдерживала рыданія при этихъ обстоятельныхъ предсмертныхъ распоряженіяхъ своего супруга, но не возражала, боясь раздражить, потревожить больного.

Всѣ позванные, даже татарскіе ханы, съѣхались издалека, въ одинъ день, чтобы исполнить волю владимірскаго князя. Около его страдальческаго ложа собрались всѣ отмѣченныя имъ лица и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушали его распоряженія.—«А се даю ти при царехъ и при ихъ рядьцехъ», сказалъ Владиміръ, передавая свою волынскую землю Мстиславу.

Хмуро выслушалъ высокомѣрный князь Левъ, что не онъ, а луцкій братъ Мстиславъ получаетъ столъ и земли многострадальнаго Владиміра Васильковича. Старѣйшимъ сыномъ незабвеннаго короля Данилы былъ онъ, галицкій Левъ, и думалъ, что можетъ на

львиную долю разсчитывать! Но, какъ умный князь и сдержанный, онъ сумѣлъ скрыть свой гнѣвъ при татарскихъ ханахъ.—«Хорошо! быть дѣлу такъ! Я не стану оспаривать твою волю! Всѣ мы во власти Божіей. Пусть благословитъ Онъ мнѣ обладать собственнымъ въ настоящее время». Мстиславъ же не зналъ, какъ достаточно благодарить своего благодѣтеля. Обѣщалъ не выходить изъ его повиновенія; не распоряжаться ничѣмъ въ его земляхъ при его жизни; свято выполнить завѣтъ, передавъ княгинѣ слѣдуемые ей города, села, земли, монастырь со всѣми его угодьями и не оставить своимъ попеченіемъ сиротку Изяславу.

Послѣ этого торжественнаго совѣщанія, успокоенный Владиміръ почувствовалъ себя настолько бодрѣе, что могъ пуститься въ обратный путь. Онъ ѣхалъ съ разстановками—сначала въ Любомлѣ, потомъ въ Берестѣ, наконецъ, въ Каменцѣ на Льстнѣ, гдѣ и поселился, не имѣя силъ двинуться далѣе.

Язвы покрыли тѣло и лицо страдальца. Лѣкарства не помогали. Недугъ усилился. Одна молитва и христіанская покорность волѣ Божіей давали силы безропотно нести такое ужасное испытаніе. Князь же ни на минуту не падалъ духомъ, неукоснительно заботился о благѣ Господомъ ввѣренныхъ ему земель. Тишины, мирнаго развитія желалъ онъ любимой Волыни. Ему казалась недостаточною на словахъ, при свидѣтеляхъ, выраженная воля. Онъ изложилъ ее письменно и послалъ епископа Евсигнія за Мстиславомъ. Тотъ пріѣхалъ, подписалъ бумагу и еще разъ повторилъ свою клятву.

Тогда Владиміръ, преслѣдуя мысль о закрѣпленіи спокойствія, послалъ своего наслѣдника въ столь-

ный городъ, чтобы тамъ торжественно присягнулъ править мирно и покойно волынскими землями по смерти всѣми любимаго, почитаемаго державца.

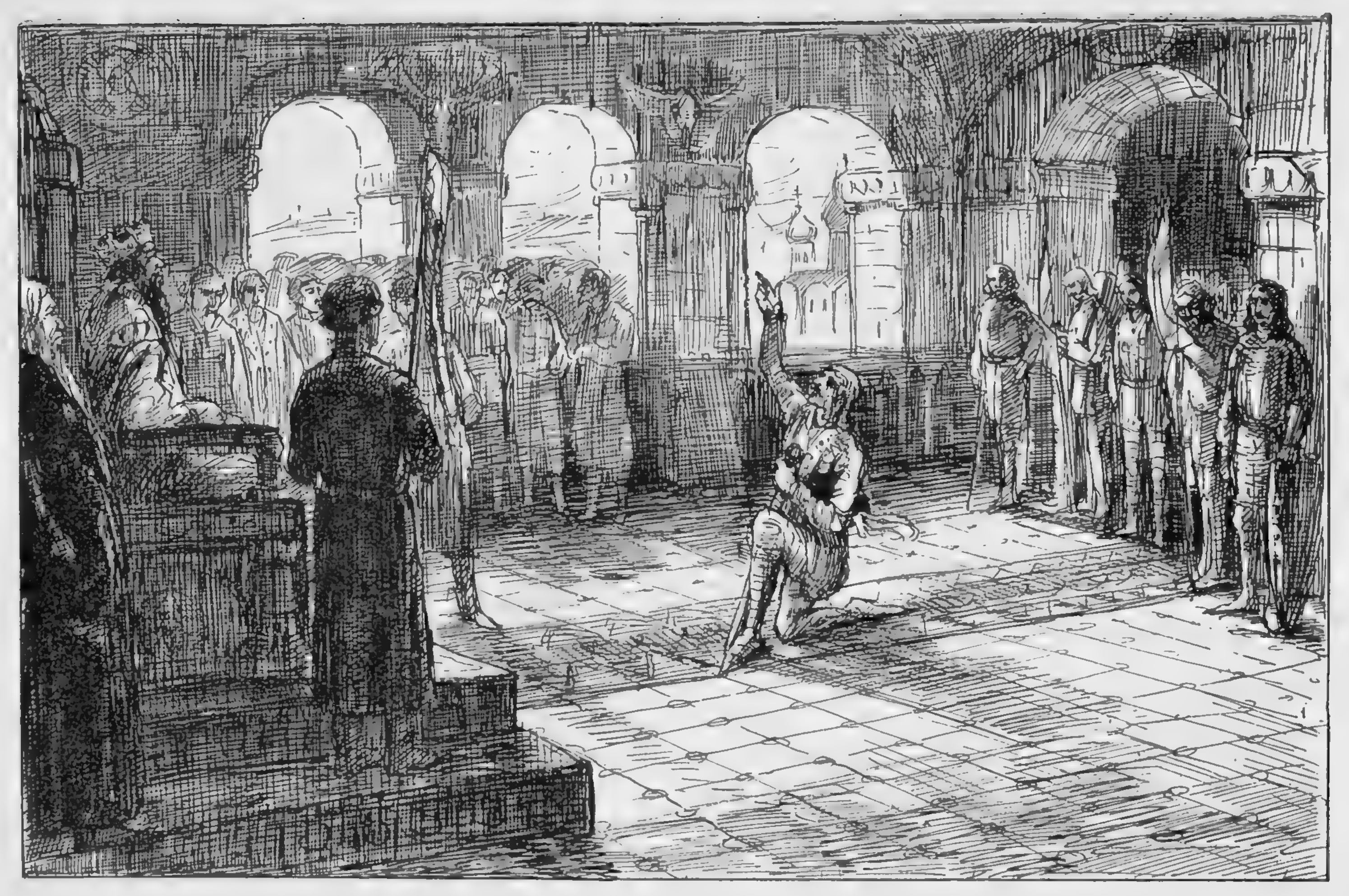
Съ испугомъ узналъ про то Пястовичъ, Конрадъ Семовитовичъ, князь черско-мазовецкій. Онъ покойно правилъ своею землею, зная, что за него всегда заступится его старшій владиміро-волынскій державецъ. Какъ быть теперь, при перемѣнѣ князя на волынскомъ престолѣ? Какъ отнесется Мстиславъ къ подручному Конраду? Въ какія станетъ отношенія? И обратился онъ съ плачевной грамотой къ болящему.—«Господине брате мой! Ты же ми былъ во отца мѣсто. Ты крѣпко держалъ меня подъ своимъ милостивымъ покровительствомъ. Твоимъ именемъ требовалъ я повиновенія у моихъ подданныхъ. Теперь слышу,—ты болѣешь, умираешь,—передалъ свои владѣнія брату Мстиславу. Пошли, будь милостивъ, къ нему своего посла вмѣстѣ съ моимъ и проси, чтобы онъ принялъ меня подъ свою защиту, не давалъ въ обиду, стоялъ бы за меня, какъ ты это дѣлалъ, благостный мой господинъ!»—«Охъ, уже всѣ эти подручные, друзья, плакальщики!» вздыхала княгиня: «не даютъ дожить покойно многомилостивому князю! Нѣтъ, чтобы поберечь, обойти. Право, владыка», обращалась она къ доброму совѣтнику—Евсигнію, «не скрыть ли просительную то грамоту?»—«И, нѣтъ, что ты, княгиня! Онъ, кормилецъ нашъ, лежа, страдаетъ, обо всѣхъ думаетъ, помнитъ, печалится! Ну, какъ самъ вспомнитъ худобнаго мазовецкаго князя? Что мы ему отвѣтимъ? Перестанетъ намъ, близкимъ, довѣрять,—хуже мучиться будетъ. Вотъ поотдохнетъ малость, войду къ нему съ утреннимъ благословеніемъ и снесу грамоту.

Епископъ былъ правъ! Очень снисходительно принялъ Владимiръ челобитную своего подручнаго князя. Сжалившись надъ его безпокойствомъ, прикинулъ своимъ добрымъ умомъ, какъ лучше поступить, и приказалъ немедленно отрядить двухъ-трехъ толковитыхъ изъ своихъ вельможъ, вмѣстѣ съ ляшскими послами, въ стольный Луцкъ. Они отправились съ просьбою отъ него, Владимiра, къ брату Мстиславу: «принять съ любовью просителя, Пястовича, подъ свою крѣпкую руку, и такъ же, какъ онъ, честить, дарить и вступаться за него при случаѣ».

Мстиславъ сразу согласился исполнить волю старшаго родича. Пригласилъ къ себѣ въ Луцкъ мазовецкаго князя на свиданiе. Конрадъ пришелъ въ восторгъ! По дорогѣ къ новому своему господину, онъ заѣхалъ поблагодарить болящаго благодѣтеля, который очень обласкалъ его, приказалъ угостить на славу въ своихъ палатахъ и подарилъ на память дорогого коня.

Въ Гаѣ, увеселительномъ дворцѣ луцкаго князя, былъ торжественно совершенъ обрядъ подчиненiя черско-мазовецкаго державца. Окруженный блестящимъ дворомъ, многочисленными боярами, встрѣтилъ Мстиславъ Конрада. Пястовичъ произнесъ обѣтъ ленной подчиненности, а будущiй владимiро-волынскiй властелинъ, принимая на себя обязательство ему покровительствовать, сказалъ: «Какъ тя имѣлъ братъ и честилъ и дарилъ, и мнѣ дай Богъ такоже имѣть тя, и честити, и дарити, и стояти за тобою, во твою обиду».

Церемонiя закончилась веселымъ пиромъ. Мстиславъ, по тогдашнему обычаю, щедро одарилъ своего подручнаго князя, мазовецкаго державца, и драго-

Окруженный блестящимъ дворомъ, многочисленными боярами, встрѣтилъ Мстиславъ Конрада.

(*Къ стр. 176*).

цѣнными одеждами, и конями, и сбруей многоцѣнной и отпустилъ съ честью во свояси.

Темнымъ, чуть ли не грозовымъ облакомъ показались галицкимъ князьямъ веселыя празднества при луцкомъ дворѣ. Злою завистью забились недобрыя сердца Даниловыхъ потомковъ. Завѣщаніе Владиміра, подчиненность Конрада, все шло помимо ихъ! Галичъ и Волынь видимо разъединяются! Они же мечтали слить все подъ своимъ скипетромъ! Какъ истые Рюриковичи, они не могли мириться съ мыслію, что Мстиславу, а не имъ достанется богатая Волынь. Хоть бы свару какую завести, изловчиться, пооттянуть какую ни на есть частичку завиднаго наслѣдства! Подумали, раскинули умами, и рѣшились дѣйствовать. Юрій Львовичъ прикинулся, будто угнетенъ, обиженъ жестокимъ своимъ отцомъ, и отправилъ пословъ жаловаться великому волынскому страдальцу. — «Господине стрыю!» *) передавали они: «Богъ знаетъ и ты, какъ я тебѣ вѣрно служилъ и имѣлъ тебя вмѣсто отца. Сжались моей службы! Родитель отнимаетъ отъ меня Белзъ, Червень и Холмъ, требуетъ, чтобы я довольствовался Дрогичиномъ и Мельницею; но того не достаточно на мое содержаніе. Бію Богу и тебѣ, дядья **), челомъ, дай мнѣ Берестъ, пусть соединю эту волость съ своею областью!»

— «Опять его встревожатъ!» волновалась княгиня Ольга, дѣлясь своимъ горемъ съ милой Изяславой и тѣмъ же добрымъ совѣтникомъ, епископомъ Евсигніемъ. Дѣвочка расплакалась. Всю ночь онѣ не отхо-

*) Старшій въ родѣ, дядя.

**) Владиміръ Васильковичъ былъ двоюродный братъ Льва Даниловича, значитъ, дядя его сына Юрія.

дили отъ болящаго князя; онъ только что поуспокоился, и когда епископъ, послѣ ранней обѣдни, зашелъ навѣстить его въ опочивальню, тутъ какъ разъ явились и несносные послы изъ Галича. — «Это хуже мазовецкаго Конрада! Вотъ ужъ непрошенные гости!»—«А нельзя, дѣточка, не допустить, князь Левъ строптивъ, пожалуй, еще что недоброе выйдетъ», вздыхая, отвѣчала княгиня. Затѣмъ, войдя въ комнату страдальца, она скрѣпя сердце, передала ему о приходѣ пословъ Юрія Львовича.—«Они просятъ видѣть ясныя очи волынскаго владыки!» Призадумался Владиміръ; необычнымъ казалось ему это посольство. Раскинулъ своимъ яснымъ умомъ, переговорилъ съ епископомъ, ближними боярами и, наконецъ, приказалъ ввести пословъ.

Подобострастно вошли ловкіе галицкіе мужи въ скорбный покой. На образа помолились, земнымъ поклономъ привѣтствовали больного и передали грамоту своего юнаго князя. Спросилъ Владиміръ о здоровьи обоихъ родичей, отца и сына. Прислушался къ неясному, точно необычно составленному отвѣту, взялъ письмо, снялъ съ него печать и началъ читать.

Всѣ притихли,—ожидая.—«Не дамъ, сыновче!» какъ бы отвѣчая писавшему грамоту, твердо выговорилъ князь Владиміръ. Потомъ, подозвавъ епископа, просилъ его составить письмо къ Юрію, въ которомъ была бы точно выражена его мысль и воля. «Не дамъ сыновче!» письменно повторялось и въ грамотѣ. «Ты вѣдаешь, что я никогда не двоязычничалъ, никогда не лгалъ, слѣдовательно, не могу нарушить ряду и условій, заключенныхъ съ братомъ Мстиславомъ».

Ни съ чѣмъ вернулись въ Галичъ Юрьевы послы.

А изъ Любомля полетѣлъ гонецъ къ Мстиславу, съ увѣдомленіемъ о проискахъ и домогательствѣ Юрія.— «И ты, по моей смерти, не отдавай ничего, даже горсти соломы», приказалъ онъ сказать своему наслѣднику и, въ подтвержденіе своихъ словъ, послалъ ему пукъ соломы, которую самъ вытащилъ изъ постели, на которой лежалъ.

Сорвалось! не удалась хитро-сплетенная уловка! Но Левъ Даниловичъ не унялся. Попринатужился, подумалъ и изловчился употребить другой пріемъ.

Всему міру была извѣстна глубокая набожность Владиміра, его благочестіе и уваженіе къ памяти предковъ. Эту то струнку и задумалъ потянуть ловкій галицкій державецъ. Въ Любомль снова отряжены были посланцы. На этотъ разъ бояре галицкіе явились ужъ не одни. Съ ними, въ челѣ посольства, былъ и перемышльскій святитель-старецъ Мемнонъ. Несетъ онъ тихія рѣчи, теплые привѣты князя и свое молитвенное благословеніе вѣнценосному страдальцу. О мирѣ, любви, родственной дружбѣ, памяти незабвенныхъ покойниковъ, распространяется владыка.— «Князь Левъ заботится, чтобы не погасла свѣча въ храмѣ у Святой Богородицы въ стольномъ Холмѣ, гдѣ покоится прахъ короля Даніила. Тамъ же схоронены братья-князья Романъ и Шварнъ! Дай, княже, Берестъ, чтобы изъ его доходовъ всегда теплилась свѣча надъ ихъ могилами. За это и надъ твоей не погаснетъ никогда свѣтильникъ».—«Вотъ они—что!» думалъ Владиміръ, слѣдя за тихими, кроткими рѣчами духовнаго посла. И повелъ мудрыя рѣчи объ обязанности поминать усопшихъ, о загробной жизни, о духовныхъ, ученыхъ предметахъ: «зане бысть книжникъ великъ и философъ»,—говоритъ намъ лѣтопись,

«якого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ». Щедро одарилъ онъ мудраго старца, благодарилъ за утѣшительныя бесѣды и посѣщеніе, а Льву велѣлъ передать, что земля его велика, держитъ онъ три княжества: галичское, перемышльское и бельзское, да еще Бересты захотѣлъ? Это ужъ ненасытность! «Во Владимірѣ лежитъ усопшій князь Василько, твой дядя: много ли поставилъ ты ему свѣчей? Далъ ли ты хотя одинъ городъ, чтобы твоя свѣча теплилась надъ его могилой? Сначала ты подсылалъ ко мнѣ просить въ пользу живыхъ,—теперь ужъ за мертвыхъ взялся! Отлично понимаю твои хитрости и, отвѣчая на нихъ, говорю: не дамъ тебѣ не только города, но и ни единаго села».

Ни съ чѣмъ отъѣхали послы, и премудрому Льву не удались его ухищренія.

На горе бѣдной Руси православной, силы мудраго Владиміра Васильковича слабѣли все больше и больше. Онъ совсѣмъ пересталъ вставать. Близкіе измучились, глядя на его нечеловѣческія страданія. Онъ искалъ, какъ Іовъ многострадальный, подкрѣпленія въ горячей, непрерывной молитвѣ. Щедро раздавалъ бѣднымъ и несчастнымъ свои несмѣтныя сокровища. Совсѣмъ обезсиленный, чувствуя приближеніе смерти и свое разрѣшеніе отъ мучительной болѣзни, онъ приказалъ снести себя въ церковь. Молясь съ умиленіемъ, причастился онъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ и тихо предалъ Господу свою терпѣливую, многострадальную душу въ Любомлѣ, 10 декабря 1288 года.

Тѣло его, покрытое бархатными пеленами съ золотымъ кружевомъ, епископомъ Евсигніемъ торжественно перенесено было изъ Любомля во Владиміръ Волынскій, въ соборную церковь Пресвятой Богоро-

дицы и погребено рядомъ съ его родителемъ—славнымъ княземъ Василькомъ. Неутѣшная супруга, сестры-монахини, духовенство, бояре, народъ, съ горькими слезами, провожали гробъ. Вся земля волынская плакала, и никто не могъ утѣшиться въ утратѣ такого мудраго, добраго, благочестиваго отца-державца, котораго лѣтописцы прозвали Іовомъ многострадальнымъ на престолѣ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

2) *М. Смирновъ.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшей.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. II. Владимірскій періодъ.

Галичанинъ митрополитъ и смерть князя Юрія Львовича.

1305—1316 гг.

СПѢШНО шелъ князь Юрій I Львовичъ на зовъ своей любимой супруги, дочери тверского князя Ярослава Ярославича. Чуяло сердце, что услышитъ онъ новость не малую отъ вѣрной подруги своей трудовой, государственной жизни. Умная, благочестивая русская княжна ярко блестѣла всѣми добродѣтелями супруги, матери, княгини на златокованномъ галицкомъ столѣ. Бракъ этотъ состоялся по мысли дальновиднаго князя Льва Даниловича, который всемѣрно и постоянно заботился объ усиленіи своей галицкой отчины: онъ усиливалъ ее и завоеваніями, и дружескими связями съ сильной сосѣдкой, быстро крѣпнувшей и развивавшейся сѣверной Русью.

Вслѣдствіе постоянныхъ княжескихъ междоусобицъ, татарскаго ига и усиленія Литвы, совершенно ослабѣла кіевская Русь. На сѣверѣ Суздаль, Владиміръ,

Тверь и Москва боролись за первенство. Выборъ галицкаго правителя палъ на племянницу славнаго Александра Невскаго, княжну изъ дома Мономаховичей. Богатыя сокровища съ береговъ Волги сопровождали избранную княжну, дочь великаго русскаго племени, на чудный, теплый югъ, къ подножію Карпатъ; они должны были свидѣтельствовать о той радости, съ которой сѣверные русскіе князья смотрѣли на счастливое усиленіе родства съ южными княжескими родами, подъ общею, священной охраной православной Церкви.

Святитель Максимъ, митрополитъ всея Руси, очень любилъ юную чету. Еще при жизни князя Льва Даниловича (сконч. 1301 г.), объѣзжая свою всероссійскую паству, онъ бывалъ и въ галицко-волынскихъ предѣлахъ. Память о посѣщеніяхъ милостиваго архипастыря жила среди благочестиваго народа. Въ бытность владыки въ Галиціи, въ 1255 году, пришелъ къ святителю просить себѣ и своей братіи архипастырскаго благословенія блаженный Петръ, настоятель только что имъ основанной Ратской обители. Преподобный отецъ Петръ поднесъ владыкѣ икону Успенія Пресвятыя Богородицы своего письма, такъ какъ онъ имѣлъ талантъ къ иконописанію и много занимался этимъ художествомъ. Любовно принялъ святитель благочестивый трудъ Ратскаго подвижника, украсилъ его золотомъ, драгоцѣнными камнями и до конца дней своихъ хранилъ въ келліи, какъ завѣтную святыню, «днемъ и ночью молясь передъ ней о спасеніи ввѣренной ему Земли русской».

И вотъ, въ 1305 году, княгиня галицкая, принявъ посланца съ родной стороны, узнала скорбную вѣсть, что почилъ митрополитъ Максимъ. Обливаясь слезами,

читала она грамоту съ родины и торопилась подѣлиться народнымъ горемъ съ любимымъ супругомъ.

— «Что приключилось, сердце мое, что такъ спѣшно пожелала меня видѣть?» заботливо спросилъ княгиню, входя въ ея горницу, князь Юрій Львовичъ.

— «Не стало нашего святителя на Святой Руси!» сквозь слезы выговорила княгиня, держа въ рукахъ полученное письмо, «опустѣла митрополія!»—Встревожился князь, сѣлъ къ столу и грустно склонилъ голову на крѣпко сжатыя руки.

— «Роднымъ писали изъ Владиміра», тихо продолжала княгиня, «что тамошнія мірскія и духовныя власти снаряжаютъ въ Царьградъ владимірскаго игумена Геронтія, съ просьбой къ патріарху—посвятить его въ митрополиты всероссійскіе».—«Такъ и зналъ», блеснувъ очими, заговорилъ Юрій,—«всероссійскій,—значитъ сѣверный! Кіева, по ихъ разсужденію, уже не существуетъ! Померкла слава матери городовъ русскихъ! Междоусобицы одолѣли, татары разорили, Литва тѣснитъ! Не до умаленнаго юга возвышающемуся сѣверу! Хотя бы о насъ-то подумали! Гдѣ же митрополиту изъ Владиміра блюсти галицкія дѣла? Гдѣ сѣверянину любить югъ? По желанію нашего великаго дѣда, упокоившагося князя Даніила Романовича, былъ поставленъ въ кіевскіе митрополиты владыка Кириллъ, но и тотъ ужъ мало жилъ въ Кіевѣ,—все его въ Суздаль тянуло,—у насъ же совсѣмъ тогда не бывалъ.—Святителя, подобнаго Максиму, не найти намъ, обездоленнымъ! Безпристрастный грекъ, онъ любилъ насъ; а другому не управиться съ тяжелой задачей упасти такое многочисленное духовное стадо! Намъ нуженъ свой галицкій митрополитъ, который носилъ бы наши тяготы, болѣлъ бы нашими горями, зорко охранялъ

цѣлость православія отъ пагубнаго напора Запада. Не посылать же намъ нашихъ епископовъ на посвященіе во Владиміръ? или не ждать же, когда митрополитъ изъ такой дали заѣдетъ къ намъ! Да и заѣдетъли?»

Съ любовью внимала княгиня горячей рѣчи своего супруга. Уже сорока лѣтъ вступилъ онъ на престолъ. Зналъ свой народъ, свое отчее наслѣдіе—его нужды и печали. Конечно, онъ былъ правъ. Но какъ помочь дѣлу?—«Можетъ, съ Божіей помощью, и Геронтій выполнитъ возложенную на него задачу?»—«Да онъ не здѣшній», убѣдительно доказывалъ князь, «чужды ему наши опасенія, заботы, подходы западниковъ. Сама знаешь, какъ сильно ихъ давленіе на бояръ, служилыхъ и торговыхъ людей. Народъ одинъ крѣпко православенъ,—но онъ теменъ, и ему нужна опора. Максимъ любилъ насъ, нашу землю, духовенство, монастыри, а, все же, бывалъ у насъ очень рѣдко. Чего же ждать отъ нерасположеннаго къ намъ? Давно ужъ я подумывалъ съ близкими, единомышленными совѣтчиками, какъ бы намъ имѣть свою митрополію».—«Помолись, родной, пораздумай, только надо осторожно дѣло вести. Я же отпишу роднымъ, попеняю, покорю, что такъ скоро отправили Геронтія».

Но въ дѣйствительности дѣло не скоро уладилось, и чуть ли не прошло около двухъ лѣтъ, пока властолюбивый Геронтій отправился въ Царьградъ просить у вселенскаго патріарха посвященія въ санъ митрополита всероссійскаго. Съ многочисленною свитою торжественно пустился въ путь владимірскій ставленникъ. Онъ взялъ съ собою святительскую утварь, жезлъ и святую икону, писанную блаженнымъ галицкимъ игуменомъ Петромъ и поднесенную имъ усопшему святителю.

Все было обдумано, улажено человѣческимъ умомъ. Да не то рѣшило святое Провидѣніе!

Воды Чернаго моря враждебно вздымалисъ по пути нашихъ судовъ, точно заслонить хотѣли путь русскимъ пословъ. Бури не прекращались; грозно бушевали стихіи во время плаванія Геронтія. «Самъ онъ и бывшіе съ нимъ не могли передохну́ть отъ морского волненія». Наконецъ, въ одну ночь Сама Пречистая Дѣва явилась Геронтію. Сосредоточенно казалось святое чело, строгъ былъ гласъ Премилосердой Владычицы нашей, Всеблагой Царицы Небесной: «Напрасно трудишься, Геронтій! Санъ святительскій не достанется тебѣ. Но тотъ, кто написалъ Меня, Петръ, игуменъ Ратскій, служитель Сына Моего и Бога, возведенъ будетъ на верховный престолъ митрополіи русской, украситъ его, людей своихъ упасетъ и, такъ богоугодно поживъ, въ старости маститой, съ радостью перейдетъ къ своему желанному Владыкѣ и Верховному Архіерею».

Диву дался Геронтій. Разсказалъ сопутствующимъ ему друзьямъ все подробно, и они пришли въ недоумѣніе. Пожалуй, даже бурю позабыли. Ратскій Петръ? Гдѣ же Рать? Какой игуменъ Петръ? Откуда возьметъ его вселенскій патріархъ?» съ недоумѣніемъ твердили владимірцы. Кто-то вспомнилъ объ образѣ. Его осмотрѣли: «вотъ, вотъ такой ликъ былъ у Пречистой», заговорилъ Геронтій. Не по себѣ было игумену, но и отступать не хотѣлось. Ужъ очень заманчивъ санъ всероссійскаго митрополита! Можно для него позабыть и обѣтъ смиренія, уничиженія своей личности, отреченія отъ своихъ желаній, наклонностей, мечтаній. Окружающіе поддержали его, какъ могли и умѣли. Наконецъ, послѣ долгой и упорной борьбы

съ непривѣтливыми волнами, достигли путники желанной пристани у стѣнъ Царьграда.

Воля Пречистой Дѣвы исполнилась сама собою, помимо всѣхъ предположенiй толковыхъ владимiрцевъ. Благочестивая княжеская чета въ Галичѣ горячо, молитвенно отнеслась къ духовной нуждѣ православнаго юга. Совѣщались князь и княгиня съ своими лучшими совѣтниками и, благословясь, помолясь, отправили надежныхъ людей къ тому иноку Петру, игумену Ратской обители, котораго такъ милостиво благословилъ усопшiй святитель въ послѣднiй прiѣздъ къ своей галицкой паствѣ. И образъ его письма принялъ, и не разставался съ этою святыней до послѣдняго издыханiя. Вся галицко-волынская земля преклонялась передъ смиреннымъ подвижникомъ Петромъ. Слава о его святой жизни далеко разносилась по лицу земли родной. Во множествѣ стекались въ его обитель благочестивые богомольцы. Не малое число ихъ и оставалось при немъ, подражая мудрому наставнику въ его молитвенныхъ трудахъ, постѣ, изнуренiи плоти, полномъ отрѣшенiи отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и привязанностей. Къ нему-то въ монастырь, къ берегамъ тихой Рати, отправилъ Юрiй Львовичъ довѣренныхъ людей—просить подвижника предпринять тяжелый путь въ Царьградъ ко вселенскому патрiарху. Надо было доложить святителю о сиротствѣ галицкой паствы, объ отдаленности ея отъ сѣверной столицы, о трудности сообщенiй. Надо было объяснить, какая жгучая необходимость именно на этой дальней окраинѣ южной Руси—имѣть своего духовнаго вождя, верховнаго блюстителя церковныхъ потребностей и религiознаго воспитателя народныхъ массъ. Смиренный инокъ долженъ былъ молить пат-

ріарха о дарованіи Галичу своего митрополита. Сильно смутился строгій монахъ. Не къ земнымъ заботамъ и человѣческимъ нуждамъ прилежало его сердце. Помыслы устремлялися къ небу. Душа рвалась къ молитвенному подвижничеству, отчужденію отъ всего, что мѣшало ему молиться, поститься, плакать надъ своимъ духовнымъ убожествомъ. А тутъ княжеская воля отрываетъ его, толкаетъ въ даль, въ чужую землю, блюсти мірскія дѣла и нужды! Но чувство смиренія, полное отрѣшеніе отъ своей воли, взяло верхъ. Божій рабъ, послушный инокъ склонился передъ велѣніемъ своего князя и покорно пошелъ въ тотъ-же Царьградъ, куда направлялось владимірское посольство. Но, конечно, Петръ и не подозрѣвалъ, что именно онъ предназначенъ въ митрополиты, и считалъ себя только княжескимъ посломъ.

Какъ изъ Владиміра съ Геронтіемъ, такъ изъ Галича съ блаженнымъ Петромъ поѣхали именитые, надежные бояре. Старѣйшему изъ нихъ князь Юрій вручилъ собственноручное посланіе къ патріарху. Въ немъ повторялась словесная просьба игумена и излагались заботы князя о религіозномъ воспитаніи галицкаго народа, уяснялись причины безпокойства за его будущее, необходимость имѣть ему особаго митрополита, а на игумена Петра указывалось, какъ на дѣйствительно достойнаго занять высокое положеніе духовнаго вождя, учителя православныхъ, живущихъ на границѣ съ схизматическимъ Западомъ.

Почти въ одно время, только отъ разныхъ пристаней, поплыли въ Царьградъ игумены, намѣченные людскою мудростью—быть достойными преемниками усопшаго митрополита.

Ясно небо, тихо море, и тѣ же волны, что такъ

Константинопольскій патріархъ встрѣчаетъ Ратскаго игумена св. Петра. *(Къ стр. 189).*

злостно вздымались, заграждая путь Геронтію, блестя и сверкая всѣми цвѣтами радуги, любовно ласкались вокругъ галицкихъ судовъ, неся ихъ мирно и торжественно къ величавымъ стѣнамъ вѣкового Царьграда.

Въ то время на константинопольской каѳедрѣ святительствовалъ благочестивый и добродѣтельный патріархъ Аѳанасій. Когда ему доложили о пріѣздѣ православнаго игумена съ именитыми боярами, посланными къ святѣйшему владыкѣ отъ галицкаго князя, онъ пошелъ имъ на встрѣчу и передъ дверьми своего пріемнаго покоя остановился въ изумленіи. Ему на встрѣчу неслось пріятное благоуханіе, наполнившее какъ бы ѳиміамомъ комнату, въ которой находился русскій инокъ съ своими путниками. Перекрестился святѣйшій и уразумѣлъ своимъ прозорливымъ умомъ, что Божіею благодатью отмѣченъ смиренный посланецъ галицкаго державца, привезшій ему сыновній привѣтъ и посланіе богобоязненнаго правовѣрнаго русскаго князя. Но, прочитавъ письмо, святѣйшій сильно призадумался... Геронтій-то ужъ тутъ, въ Царьградѣ, и друзья владимірскаго стола не безсильны среди греческаго духовенства! Пожалуй, чего добраго, втихомолку отъ патріарха они развяжутъ свою мошну: она потуже галицкой; дары будутъ поцѣннѣе. Заговорятъ, зашумятъ, испортятъ благое начинаніе. Пришлось созвать соборъ. Сторонники Геронтія выставляли на видъ его личныя достоинства, а главное, возрастающую мощь сѣверной, православной державы. Указывали на ея братскія отношенія къ Византіи и на всю выгоду дружить съ богатой, сильной Россіей! Галичъ слабѣе. Его бояре любятъ западъ, дружатъ съ Венгріей, Австріей, Римомъ! Княжеская власть

тамъ слабѣе. Выгоднѣе держаться сильнѣйшаго. Поднялся маститый патріархъ. Смолкло собраніе. Споры пріостановились. Мощно полилась его вдохновенная рѣчь. О святости сана митрополита заговорилъ онъ. Повѣдалъ о чудесномъ видѣніи. Не о земныхъ богатствахъ, не о хлѣбѣ насущномъ говорилъ старѣйшій іерархъ восточной Церкви. На Божіе предопредѣленіе, на Его Святой Промыслъ указывалъ онъ своимъ собратіямъ. Не могъ соборъ противиться горячимъ словамъ своего святителя; всѣ братски согласились съ его мнѣніемъ, выбрали Петра въ митрополиты и назначили для его посвященія торжественное богослуженіе. Самъ святѣйшій патріархъ совершалъ литургію съ сонмомъ греческихъ епископовъ. Во время обряда посвященія, весь священный соборъ былъ потрясенъ чуднымъ видѣніемъ: ликъ блаженнаго Петра обрамляло сіяніе въ формѣ блестящихъ солнечныхъ лучей. Воспрянулъ духомъ маститый первослужащій и пророчески объявилъ всему собору: «Истинно, повелѣніемъ Божіимъ пришелъ къ намъ дивный мужъ сей! Благодатію свыше упасетъ онъ достойно ввѣренное ему стадо». И поставилъ святѣйшій патріархъ цареградскій ратскаго игумена Петра во митрополита всея Руси. (1308 г.).

Геронтію пришлось уступить. Не искренно, но все же смиренно открылъ онъ свою душу, сердце, помыслы святѣйшему отцу. Тутъ же повѣдалъ о видѣніи, посѣтившемъ его на кораблѣ. Патріархъ взялъ отъ него жезлъ, икону, утварь, привезенную изъ Россіи, передалъ все это по принадлежности новому митрополиту, а Геронтію преподалъ строгій совѣтъ почтительной покорности новому владыкѣ, такъ чудесно указанному Самимъ Богомъ въ пастыри всей Русской земли.

Святитель же Петръ не возвращался болѣе на свою родину. Изъ Царьграда онъ поѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поклонился древнѣйшимъ святынямъ православія на Руси, проливая горькія слезы надъ испепеленными, разоренными остатками прежняго величія и славы. Оттуда отправился во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ выбралъ себѣ мѣстопребываніе его предмѣстникъ, митрополитъ Максимъ, когда былъ вынужденъ покинуть до тла разграбленный Кіевъ, — матерь городовъ русскихъ.

Но козни враговъ, приверженцевъ Геронтія, не оставляли святителя Петра въ покоѣ. Въ Царьградъ сыпались на него доносы. Сѣверные князья ссорились изъ-за него между собою. Дошло до того, что пришлось, по волѣ патріарха, въ 1311 году собрать соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, и на немъ разсудить всѣ обвиненія, взводимыя на Петра. Но Господь не далъ на посрамленіе своего избранника. Чистъ и оправданъ остался онъ отъ нечестивыхъ клеветъ и навѣтовъ. Только вернуться во враждебный ему Владиміръ не пожелалъ уже митрополитъ всея Руси! Онъ переселился въ юную Москву, предвидя прозорливымъ окомъ будущую славу и мощь православной русской столицы.

Всей душой, всѣмъ разумѣніемъ своимъ митрополитъ Петръ предался святительскому служенію на пользу Господомъ ввѣренной ему паствы. Объѣзжалъ онъ города и села, уча, утѣшая, наставляя, безъ отдыха руководя стадомъ Христовымъ. И старые, и молодые, и знатные, начиная съ князей земныхъ и до послѣдняго смерда, пользовались его благотворнымъ вниманіемъ. Галиція, нераздѣльно со всею обширною Рус-

скою землею, сливалась въ одно цѣлое въ его милостивыхъ заботахъ и трудахъ. Видимо, благодать Божія умудряла своего избранника, помогая ему въ его многотрудномъ святомъ служеніи. Нелегко было — устроеніе дѣла православной Церкви на такомъ необозримомъ пространствѣ, какое занимала тогда сѣверо-восточная и юго-западная Русь, — отъ береговъ Волги до подножія Карпатъ, подъ верховнымъ водительствомъ единокровныхъ князей Рюрикова дома.

Въ 1305 году, послѣ смерти Владиміра Васильковича и Мстислава Даниловича, князь Юрій І-й Львовичъ остался единственнымъ правителемъ всѣхъ земель, которыми владѣлъ дѣдъ его, князь Данило, — славнѣйшій среди славныхъ Рюриковичей, княжившихъ по постановленію Любечскаго съѣзда въ Галиціи. Благочестивый, разсудительный, сдержанный, онъ внимательно вглядывался въ будущія судьбы своего государства. Женатый на тверской княжнѣ, онъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ своими сѣверными свойственниками.

Кажется, все складывалось для прочнаго и продолжительнаго процвѣтанія галицкихъ земель подъ скипетромъ мудраго, осторожнаго князя Юрія I. Господь же судилъ иначе! На горе всего православнаго юга, туча черная надвигалась съ сѣверо-запада, все отъ тѣхъ же прирожденныхъ, вѣковыхъ враговъ православія и русской народности—властолюбивыхъ, ненасытныхъ латынянъ!

Воинствующіе братья о Христѣ не переставали утѣснять языческую Литву, которою въ 1315 году правилъ Витенъ. Воинственный, славолюбивый, онъ съ перемѣннымъ счастіемъ отбивался отъ кровожадныхъ сосѣдей,

Смерть князя Юрія Львовича (1316 г.). (*Къ стр. 193*).

самъ же, въ свою очередь, тѣснилъ южныя русскія земли. Его войска, подъ предводительствомъ, великаго впослѣдствіи, Гедимина, отняли у Юрія Дрогичинъ, Брестъ и шли уже на Владиміръ (Волынскій). Какъ ни миролюбивъ былъ по душѣ Юрій I-й Львовичъ, но не могъ уступить родную отчину! Не поступиться же ему наслѣдіемъ Ростиславовыхъ потомковъ!

Онъ собралъ свои дружины, призвалъ на помощь татаръ и двинулся противъ литовцевъ. Подъ стѣнами древняго Владиміра, тамъ, гдѣ нашъ Равноапостольный князь благоговѣйно и усердно насаждалъ православіе и русскую гражданственность, его достойный потомокъ храбро сразился съ наступающимъ врагомъ. Битва была прежестокая. Литовцы напирали отчаянно. Ихъ велъ славный, храбрый, опытный воитель. Татарская конница не выдержала, пошатнулась, уступила, потянула за собою и нашихъ Напрасно Юрій лично бросился въ сѣчу, чтобы поддержать порядокъ. Его видѣли вездѣ, гдѣ была опасность, въ челѣ своихъ дружинъ. Ничто не помогало. Литовцы побѣдили, и несчастный князь, пронзенный стрѣлою въ самое сердце, палъ геройской смертью, отстаивая родную землю—святую Русь (1316 г.). Его сыновья-преемники Андрей и Левъ (сконч. 1324 г.) были слишкомъ слабы, чтобы, заступивъ мѣсто державнаго родителя, поддержать былую силу и славу галичанъ.

Въ горѣ, они прибѣгли къ нелюбимому народомъ средству,—позвали на помощь прирожденныхъ враговъ русской народности и православной вѣры—рыцарей католиковъ. Но и то не помогло. Гордый своими побѣдами, храбрый Гедиминъ справился съ западными находниками, своими злѣйшими врагами, разбилъ ихъ на голову и продолжалъ напирать на Волынь. Отнялъ

Луцкъ, отбросилъ князя Льва за Днѣпръ и, пользуясь тѣмъ, что сѣверная владиміро-суздальская Русь была занята борьбою съ татарами, продолжалъ побѣдоносно двигаться по Южной Руси, вплоть до Кіева. Въ 1333 году (по кіево-печерской лѣтописи) послѣ жесточайшей двухмѣсячной осады, палъ Кіевъ—матерь городовъ русскихъ. Не видя ниоткуда помощи, граждане въ отчаяніи собрались на вѣче и рѣшили поддаться литовскому князю, зная, какъ онъ великодушенъ къ побѣжденнымъ, милостивъ къ православному духовенству и щадитъ святые храмы. Настежъ распахнулись Золотыя ворота, заблестѣли на солнцѣ святительскія облаченія, съ крестами и хоругвями вышли на встрѣчу великодушному князю литовскому плачущіе жители. Вся ихъ надежда была сосредоточена на силѣ святого Креста Христова, да на честной душѣ Гедимина. Торжественно въѣхалъ князь литовскій въ древнюю столицу Владиміра Святаго.

По примѣру Кіева, передъ нимъ склонялись и другіе города. Онъ уважалъ, щадилъ святыя церкви, греческую вѣру, русскую народность. Ставилъ только всюду своихъ намѣстниковъ и при нихъ оставлялъ надежные гарнизоны. Совершенно по праву носилъ онъ и оставила за нимъ исторія титулъ «великаго князя русскаго и литовскаго», такъ какъ, подъ его скипетромъ, русскія земли занимали гораздо болѣе пространства, чѣмъ маленькое собственно литовское государство. Отдавая полную справедливость выдающейся образованности южной Руси, хорошо знакомый съ развитіемъ въ ней наукъ и искусствъ, онъ усердно привлекалъ оттуда въ свою родную Литву ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ. Покровительствовалъ миссіонерскимъ трудамъ православнаго духовенства и явно отдавалъ

предпочтеніе передъ всѣми другими—греческому вѣроисповѣданію. Поэтому галицкій историкъ вправѣ былъ сказать: «Литва покорила русскія земли силою оружія, за то Русь подчинила себѣ Литву, сдѣлавъ ее русскою по языку и вѣрѣ православной».

ИСТОЧНИКИ:

1) *Ѳ. Ив. Р.*, членъ Общества имени Михаила Кочковскаго въ Львовѣ.—Иллюстрированная народная исторія Руси.

2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

4) Протоіерей *А. Ѳ. Хвойницкій.* Патерикъ. Волынь. Почаевскъ. Отд. второй, стр. 65.

Судьбы Галича.

1377 г.

ВЗВОЛНОВАНЪ вѣчный Римъ! Кардиналы, прелаты, патеры, весь синклитъ, даже до послѣдняго аббата, всѣ зашевелились, испуганно сообщая другъ другу, какое новое огорченіе постигло святѣйшаго отца!

Съ востока, изъ Польши, отъ мазовецкаго князя Владислава Локетка пріѣхалъ гонецъ, привезъ письмо съ угнетающею новостью. «Извѣщаю ваше святѣйшество», читалъ папа Іоаннъ XXII, «о кончинѣ двухъ послѣднихъ князей россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости татаръ. Сіи жестокіе враги христіанства, безъ сомнѣнія, пожелаютъ нынѣ овладѣть Русью, смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности».

Такъ сильно было обаяніе великихъ галицкихъ державцевъ, что смерть Андрея и Льва Юрьевичей взволновала не только ближайшихъ сосѣдей, но и дальній западъ, царственный Римъ! Галицко-волынскіе князья, Андрей и Левъ, скончавшіеся около

1324 года, оставили малолѣтняго наслѣдника, именемъ Юрія II Андреевича (или Георгія), правнука Даніила.—Въ дружескихъ латинскихъ грамотахъ къ великимъ магистрамъ нѣмецкаго ордена онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи и обязывался предохранять землю рыцарей отъ набѣга татаръ. Юрій II Андреевичъ употреблялъ печать Юрія I Львовича, дѣда своего, и жилъ то во Владимірѣ, то во Львовѣ. При немъ, значитъ, было соединеніе Волыни и Галиціи подъ одну власть. Грамоты Юрія II Андреевича, кромѣ его печати, скрѣплены печатями епископа, княжескаго пѣстуна и воеводъ бельзкаго, перемышльскаго, львовскаго и луцкаго. Слѣдовательно, въ Волыни и Галиціи, при Юріи II Андреевичѣ, бояре имѣли прежнее важное значеніе въ дѣлѣ управленія страною. Послѣдняя грамота Юрія II Андреевича относится къ 1335-му году. Послѣ Юрія II пресѣклось потомство Романа въ мужскомъ колѣнѣ. Мучительно страдала обездоленная Малая Русь, съ нею Волынь и Галичъ, когда почувствовали свое сиротство, безсиліе уберечься не отъ однихъ только татаръ. Страшны имъ были западные сосѣди, схизматики, венгры да поляки, которыхъ вооружала не рука языческихъ волхвовъ, но проповѣдь католическихъ монаховъ. Затихла, точно вся вымерла, въ своемъ безысходномъ горѣ третья столица Галицкаго княжества!

И какъ-же раскинулся красивый Львовъ по склону высокой горы надъ Палтвою! За́мокъ, какъ княжеская корона, вѣнчаетъ ея гребень. Кругомъ идутъ строенія дѣтинца, въ которомъ размѣщена стража князя, готовая, съ оружіемъ въ рукахъ, охранять его покой. Дальше, къ востоку, дворы бояръ,

ихъ богатые терема, окруженные роскошными садами. Много православныхъ храмовъ съ блестящими золотыми крестами. Есть два монастыря, мусульманская мечеть, армянская церковь святой Анны и маленькій костелъ святой Маріи для нѣмецкихъ купцовъ.

Въ тѣ времена, во Львовѣ перекрещивались дороги изъ Кіева въ Краковъ, т. е. изъ Россіи въ Польшу, отъ Чернаго моря до Балтійскаго, и дороги соединительныя водныхъ путей,—Днѣстра и Буга, значитъ, Венгріи, Волыни и Литвы. И въ военномъ, и въ торговомъ отношеніи положеніе было блестящее. Оттого такъ быстро разросталась любимая столица умнаго Льва Даниловича, привлекая подъ защиту своихъ надежныхъ стѣнъ видимо-невидимо чужого торговаго люда.

Въ этой-то славной, великолѣпной твердынѣ русскихъ князей, въ ихъ роскошныхъ, но теперь опустѣлыхъ, палатахъ водворилась печаль горькая, скорбь безысходная! Собрались осиротѣлые вельможи, когда то строптивые, кичливые, сварливые рѣшители судебъ своей бѣдной родины. Поникли буйныя головы, затихли громкія рѣчи. Позвали они на совѣтъ и епископа Ѳеодора; не довѣряютъ ужъ самимъ себѣ! Бояре, воеводы, тіуны и всѣ остальные «достойники» *) съ горя сплотились вокругъ владыки. Судятъ, рядятъ, тужатъ, ума не приложатъ, какъ горю, кручинѣ пособить. Умерли державцы прирожденные! Изсякъ родъ славныхъ Романовичей, крѣпкихъ защитниковъ земли родной, Церкви православной.—«Согрѣшили мы передъ Богомъ, повинны передъ родиной», вздыхая и утирая горькія слезы, говорилъ тіунъ княжескаго

*) Выраженіе галицкаго историка.

двора,—Григорій Косовичъ.—«Смиряетъ васъ Господь за ваши вѣковыя крамолы, неповиновеніе князьямъ, призваннымъ Его святымъ произволеніемъ княжить и володѣть землями галицкими», съ чувствомъ произнесъ епископъ.—«Ужъ и не поминай, святый владыко, грѣшны мы передъ родиной и прахомъ великихъ державцевъ! Что и говорить! повинны карѣ небесной! Только теперь-то не кори насъ! Помоги, благослови поразмыслить, какъ быть, какъ помочь въ горѣ и печали землѣ родной?» съ мольбой въ голосѣ вымолвилъ дядька покойныхъ князей, сѣдой, согбенный старецъ Михаилъ Эліазаровичъ.—«Идти развѣ на Москву или въ Тверь? Плакаться тамошнимъ молодшимъ князьямъ,—звать на нашъ великій столъ?» вставилъ перемышльскій воевода.—«Что намъ въ молодшихъ? Не оборонятъ они насъ ни отъ напора хищныхъ язычниковъ, ни отъ подвоховъ хитроумныхъ латынянъ!»—«Ну, а именитые не пойдутъ!—Родныя гнѣзда дороже!» съ явнымъ задоромъ вскипѣлъ бояринъ Ѳеодоръ Отекъ.—«По моему худобному разумѣнію», заговорилъ епископъ, — всѣ тотчасъ насторожились,—«нечего искать дальнихъ князей править родными землями, когда есть еще княжичъ крови покойныхъ державцевъ». Присутствовавшіе вслушивались.—«Да родъ-то изсякъ же!» пробѣжало въ собраніи не громкимъ шепотомъ.—«А сынъ мазовецкаго князя Тройдена и благовѣрной княгини Маріи, сестры Юрія II-го Андреевича, Болеславъ-то Тройденовичъ? Онъ окрещенъ по восточному обряду, съ именемъ преславнаго дѣда своего Юрія I-го. Вотъ и наслѣдникъ упокоившимся нашимъ великимъ князьямъ».—«Правда, матерь его очень любима на чужбинѣ, хотя и строго держится греческаго обряда,

ничѣмъ ни на волосъ не поступилась», сказалъ глубокомысленно тіунъ. Воевода луцкій опять огрызнулся: «пусть клятву даетъ! пусть присягнетъ, что не станетъ нарушать наши старыя права, обычаи! Вѣрно постоитъ за святую Церковь, за русскій народъ!» — «Да и казну галицкую, скопленную предками, самовольно да не расхищаетъ!» Епископъ обѣщалъ самъ привести князя къ присягѣ. Бояре, обсудивъ съ владыкою всѣ условія и чинъ присяги, послали отъ себя выборныхъ людей за мазовецкимъ княземъ Болеславомъ Тройденовичемъ, предлагая ему возсѣсть на престолъ дѣда—по матери.

Осторожные же бояре-вельможи выбрали изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, родъ боярской думы, и возложили на нихъ обязанность блюсти права, хранить достояніе и пещись о нуждахъ родной земли.

Не заставилъ ждать себя юный княжичъ! Скоро узнали жители Львова о его приближеніи въ сопровожденіи почетной мазовецкой стражи. Съ образами, крестами, хоругвями встрѣтили избраннаго своего державца духовенство, дружина, бояре, народъ. За городскими воротами было приготовлено возвышеніе, поставленъ аналой, на немъ положено святое Евангеліе. Торжественно была обставлена церемонія присяги. Истово крестился сынъ православной русской княжны; внятно читалъ слова клятвы, даваемой имъ русскому народу подъ гостепріимнымъ галицкимъ небомъ, на глазахъ безчисленной благоговѣйной толпы. Пожалуй, даже искренно призывалъ князь Бога въ свидѣтели своего желанія жить и трудиться на благо народа, довѣрявшаго ему судьбы своихъ земель во славу Церкви православной. Епископъ окропилъ его

святою водой и благословилъ входъ державца въ стольный, великолѣпный Львовъ.

Сердечно радовались галичане, зорко слѣдили бояре за жизнью и дѣйствіями своего избранника. Самые недовѣрчивые—и тѣ начали успокоиваться. Епископъ горячо молился о новомъ правителѣ и его подданныхъ. При каждомъ недоразумѣніи, тревожномъ слухѣ, доносившемся до него, онъ отечески, осторожно наставлялъ Юрія III. Боярская дума была тоже дѣятельна, особенно зорко слѣдила за сношеніями съ западомъ.

Все, казалось, было улажено ко всеобщему благу. Даже женитьба князя на дочери славнаго Гедимина говорила въ пользу Юрія. Извѣстно, что ея братъ, христіанинъ, Любартъ Гедиминовичъ, женатъ былъ на дочери Льва Юрьевича владиміро-волынскаго князя, получивъ въ приданое за ней волынскій удѣлъ, и имѣлъ право на галицкое княжество. Такимъ образомъ все говорило, какъ будто, о заботливомъ отношеніи князя Юрія Тройденовича къ интересамъ страны, довѣрившей ему свои судьбы.

Отъ одного только не смогли уберечься осторожные галичане,—отъ зложелательнаго Рима, не дремлющаго врага восточной Церкви. Папа и сонмъ фанатическихъ его служителей сумѣли обойти зоркій боярскій надзоръ.

Съ дѣтства зная безхарактернаго Юрія-Болеслава, его постепенно обходили прежніе мазовецкіе друзья.— «Не князю же всея Малыя Россіи жить подъ опекою боярской думы!» говорили они. «Не имѣть права распоряжаться княжеской мошной въ свое удовольствіе! Да гдѣ же это видано? Хоть бы разобраться-то въ этихъ несмѣтныхъ, цѣлыми вѣками накопленныхъ со-

кровищахъ!» Слово за слово, шагъ за шагомъ, и прежній Болеславъ Тройденовичъ сталъ понемногу показывать свою волю, свои вкусы, наклонности. Постепенно онъ отдалялъ, потомъ сталъ все больше обижать, унижать русскихъ прирожденныхъ бояръ, служилыхъ людей. Замѣнялъ ихъ католиками, поляками, чехами, нѣмцами. Имъ раздавалъ дрязы *). Мало-помалу онъ и совсѣмъ бросилъ личину благочестія. Съ ужасомъ народъ увидѣлъ его отчужденіе отъ православной Церкви и явное желаніе ввести въ странѣ латинство, пренебреженіе къ роднымъ обычаямъ, галицкимъ законамъ. О казнѣ и говорить нечего,—всю забралъ и принялся расхищать.

Не тихаго десятка и всегда-то были галицко-русскіе бояре. Исконные крамольники, они теперь, за правое родное дѣло, встали поголовно. Закипѣло ретивое вельможъ и ратныхъ людей.—«Церкви поруганы! законы потоптаны! сокровища похищены! Спасти родину, вѣру отцевъ!»—рѣшили промежъ себя преданные сыны Россіи.

Дѣла ужъ были такъ обставлены, что русскому человѣку невозможно было и добраться до своего державца. Иноземная дружина крѣпко сплотилась вокругъ него. Приходилось дѣйствовать хитростью, обдумывать свое намѣреніе со всѣхъ сторонъ. Вѣрили крѣпко другъ другу именитые люди Галича, тайну сумѣли держать даже отъ владыки, такъ какъ боялись его евангельскаго незлобія, долготерпѣнія, всепрощенія.

Съ общаго согласія было рѣшено, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ, родовитыхъ бояръ затѣетъ у себя пиръ на славу. И князя онъ пригласилъ вмѣстѣ съ епископомъ.

---

*) Мѣста.

Смерть Болеслава Тройденовича, послѣдняго державца Галицкой земли. *(Къ стр. 203).*

Роскошь пріема была сказочная: яствъ не перечесть, напитковъ разливанное море. Здравицы поднимались и выпивались одна за другою:—«За несокрушимость величія державы твоей, князь!»—«За родину святую! За Русь православную!» поднявъ золотые кубки, вызывающимъ голосомъ провозгласили хозяинъ и его друзья. Пришлые дружинники насторожились: ужъ очень внушительно звучали голоса. Мертвенно блѣденъ сдѣлался архипастырь. Онъ началъ догадываться, что готовится князю отплата, и страшно перепугался, хотя не понималъ, къ какой формѣ мести прибѣгаютъ его друзья. Ничего не подозрѣвая, живо поднялся Юрій; весело вторя здравицамъ бояръ, онъ высоко поднялъ блестящій кубокъ и, осушивъ его до дна, сѣлъ—и больше уже не всталъ. Навѣки опустилась рука, не умѣвшая служить благу русской державы. Смолкъ голосъ, измѣнившій клятвамъ. Поникло чело, не уразумѣвшее законныхъ требованій русскаго народа. Разорвалось сердце, не любившее православной галицкой земли. Въ кубкѣ съ виномъ былъ приготовленъ сильнѣйшій ядъ, какъ молнія убивающій тѣхъ, кто его проглотитъ. Молился архипастырь. Служитель Бога любви, мира, терпѣнія, онъ былъ уничтоженъ этимъ смѣлымъ, злымъ поступкомъ.—«Цѣль оправдываетъ средства!»—не русская мудрость. Ее не найти на страницахъ святаго Евангелія. Занесена она была въ Галичъ слугами Рима, изводившими ею русскихъ родовитыхъ мужей. Испытавъ на себѣ самихъ дѣйствія этото злого, не христіанскаго правила, вельможи Червонной Руси попробовали избавить родину отъ ставленника запада лукавою мудростью того же запада.

Съ воплемъ ужаса поднялись находники, друзья

князя. Что было имъ дѣлать у бездыханнаго трупа? Плакать надъ мертвымъ Юріемъ-Болеславомъ? Плачутъ тѣ, которые любятъ; любить же не могутъ иновѣрцы, заполоняющіе чужую землю изъ корыстныхъ цѣлей, по приказу могущественныхъ покровителей. Домой, на западъ, ринулись приспѣшники Юрія, клевреты злобнаго Рима. Спасать свои животы да разносить потрясающую новость своимъ покровителямъ спѣшили нѣмцы, поляки, чехи.

Поднялись двѣ черныя тучи надъ южной Русью, два сосѣда вновь осиротѣлыхъ галицкихъ земель,—волынскій князь Любартъ Гедиминовичъ, родственникъ покойнаго, и польскій король Казимиръ III, зять Гедимина, прозванный своими историками «Великимъ». Своякъ покойнаго Юрія-Болеслава Тройденовича—Казимиръ III—поднялъ надъ Галичемъ мечъ отмщенія. Взявъ съ собою наскоро собранную дворцовую дружину, онъ бросился на Львовъ. Городъ былъ вполнѣ беззащитенъ. Сразу польскія войска заняли пригороды. Грозно всталъ самъ Казимиръ передъ воротами крѣпости (дѣтинца), окаймлявшей гору и княжескія палаты. Немыслимо было никакое сопротивленіе. Приходилось сдаться. Галичане выговорили только нерушимость вѣры православной и цѣлость государственныхъ сокровищъ. Казимиръ на все соглашался, сознавая, что у него подъ рукой достаточная воинская сила. Какъ только открыли ворота, и онъ могъ войти внутрь, такъ сейчасъ же приказалъ забрать всю казну, крѣпость же сжечь. При яркомъ свѣтѣ зарева, преслѣдуемый воплями и проклятіями жителей, двинулся онъ домой, а за нимъ потянулись цѣлые караваны награбленныхъ сокровищъ. Увезены княжескіе доспѣхи, короны, троны, сосуды, богатыя одежды, сѣдла, сбруя,

все, украшенное золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Даже святыни не пощадилъ: увезъ два золотые креста съ частицами святаго древа Креста Господня *). Рѣшительно все достояніе великокняжеское обобралъ Казимиръ Великій и похоронилъ его, по выраженію галицкаго народа, на «Вавелѣ» **).

Вернувшись въ Краковъ, онъ собралъ большое войско и, чтобы уже безповоротно утвердиться въ Галиціи, сталъ разставлять свои сильные гарнизоны въ значительныхъ галицкихъ городахъ: Перемышлѣ, Любачевѣ, Галичѣ, Теребовлѣ. Правда, что сплотившійся народъ, подъ предводительствомъ князя Данилы Острожскаго, потомка туровскихъ князей, нѣкоторое время сопротивлялся хищническимъ планамъ Казимира, но отстоять своей свободы все-таки не могъ. Со всѣми справлялся Казимиръ. Кого хитростью изводилъ, кого лаской подкупалъ да блестящими посулами вербовалъ въ католичество. А то просто расправлялся силой оружія. Умный, предусмотрительный Пястовичъ основательно забиралъ въ свои цѣпкія руки нашу обездоленную, обезсиленную, несчастную окраину. Все обѣщая, ничего не выполняя, развѣ только благодѣтельствуя вновь обращеннымъ католикамъ, онъ очень умно удовлетворялъ притязанія вліятельнаго своего соперника и сосѣда, венгерскаго короля Карла-Роберта. Онъ откупился отъ его, хотя и мнимыхъ, но громко заявляемыхъ правъ на галицкій престолъ, во-первыхъ, сотнею тысячъ злотыхъ, и

---

*) Одинъ изъ нихъ, цѣнившійся дороже 10.000 червонцевъ, Казимиръ привезъ въ Краковъ и выставилъ на всеобщее поклоненіе въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ онъ и теперь находится.

**) Вавель—названіе королевскаго дворца въ Краковѣ.

во-вторыхъ, особо заключеннымъ съ нимъ договоромъ. Такъ какъ Казимиръ (женатый на дочери Гедимина Аннѣ Альдонѣ) не имѣлъ дѣтей, то онъ призналъ своимъ наслѣдникомъ родного племянника—принца Людовика, сына венгерскаго короля, женатаго на сестрѣ Казимира—Елизаветѣ. Хотя родство Людовика съ Казимиромъ было по женской линіи, но такъ какъ оба короля и ихъ супруги были католической вѣры, то, конечно, весь западъ крѣпко-на-крѣпко отстаивалъ за ними право на соединенныя короны Венгріи, Польши и Червонно-русскихъ земель.

Для полнаго спокойствія оставалось подвести итоги еще съ однимъ и не послѣднимъ по силѣ и вліянію сосѣдомъ. Это былъ зять Льва Юрьевича, князь Любартъ Гедиминовичъ, мужъ волынской княжны Любуши (Буши) Львовны. Съ нимъ труднѣе бороться. Литва была сильна: Ольгердъ и Кейстутъ не давали брата въ обиду. Храбро, твердо поддерживали они его права на Волынь. Къ нимъ на помощь приходили татары. Казимиру помогалъ Людовикъ, наслѣдовавшій отъ отца венгерскую корону, и крестоносцы. Эти жестокіе воители, оттѣснивъ поляковъ отъ Балтійскихъ береговъ, охотно помогали единовѣрному Казимиру поживиться южными православными землями. Съ перемѣннымъ счастіемъ и короткими промежутками, 37 лѣтъ длилась кровавая борьба.

Несчастныя наши родныя земли, переходя изъ рукъ въ руки, дробились на разныя части. Горѣли, гибли богатые города и села. Народъ православный стоналъ подъ игомъ католиковъ. Спасались только тѣ, кто принималъ латинскій обрядъ или бѣжалъ въ глубь Литвы или Россіи.

Умеръ король Казимиръ III; его законный наслѣдникъ, король Людовикъ, по праву соединилъ подъ своей державой престолы Венгріи и Польши; не могъ и не хотѣлъ онъ мириться съ мыслью отказаться отъ галицкихъ земель. Да и Римъ, во всеоружіи своей духовной силы, не допустилъ бы даже намека на ихъ уступку со стороны Людовика доблестнымъ Гедиминовичамъ, всегда благосклонно относившимся къ православнымъ своимъ подданнымъ.

Только въ 1377 году утихла наконецъ борьба. Перестала литься кровь нашихъ несчастныхъ единовѣрцевъ-галичанъ. Къ Польшѣ отошла собственно Галицкая земля съ Холмскимъ удѣломъ. Ольгердъ же отстоялъ за Литвою обладаніе Волынью.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла родныхъ намъ по крови и вѣрѣ братьевъ до 1386 года, когда дочь и наслѣдница короля Людовика, красавица Ядвига, соединила чрезъ бракъ свой съ Ягайломъ, великимъ княземъ литовскимъ, подъ одною короною маленькую Польшу и еще меньшую Литву съ необъятными, исконно—православными, юго-западными русскими землями.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

2) *Иловайскій.* Исторія Россіи. II ч. Московско-Литовскій періодъ.

3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

4) *Ѳ. Ив. Р.* Иллюстрированная народная исторія Руси, изданная во Львовѣ.

5) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

6) *Лелевель.* Исторія Литвы и Руси.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

церковно-приходской школы, въ бум. 5 к.—**26**) П. Цвѣтковъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики, и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—**27**) Его же. Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ обученія, ц. 15 к. Третій годъ обученія, ц. 10 к.—**28**) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

29) Училище Благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рисунками, исполненными художникомъ А. В. Серебряковымъ. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—**30**) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Правила богоугодной жизни, въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія. Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—**31**) Поученія и слово въ недѣлю Ѳомину. Протоіерея І. И. Сергіева. Спб. 1903. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—**32**) Слова и поученія въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—**33**) Слова и поученія въ недѣлю святыхъ женъ мѵроносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—**34**) Слова и поученія въ недѣлю о самарянынѣ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—**35**) Слова въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—**36**) Слова въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—**37**) Бесѣды о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—**38**) Бесѣды о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—**39**) Св. Игнатій Богоносецъ, 6 к.—**40**) Св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій, 6 к.—**41**) Св. Іустинъ Философъ, 6 к.—**42**) Св. Поѳинъ и Ліонскіе мученики, 4 к.—**43**) Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, 8 к.—**44**) Святые епископы: Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій, 8 к.—**45**) Святый Великомученикъ Георгій, 6 к.—**46**) Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви. Прот. Григ. Дьяченко. Цѣна 5 р.—**47**) Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. Х. Поповъ, 5 к.—**48**) Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи (980—1200 г.). Спб. 1898. Стр. 1—102, 25 к.—**49**) Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449, 60 к.—**50**) Бояринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. М. И. Хитрова, 15 к.—**51**) Приключенія Оливера Твиста. Соч. Диккенса. Перев. съ англ. школьнаго изданія, 40 к.—**52**) Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изданіе 5-е. Спб. 1902. Стр. 1—371, 75 к.—**53**) Загоскина. Юрій Милославскій, 50 к.—**54**) Его же. Русскіе въ началѣ XVIII ст., 35 к.—**55**) Его же. Брынскій лѣсъ, 35 к.—**56**) Его же. Кузьма Петровичъ Мирошевъ, 50 к.—**57**) Его же. Кузьма Рощинъ, 15 к.—**58**) Его же. Рославлевъ или русскіе въ 1812-мъ году, 50 к.— **59**) Избранныя сочиненія В. А. Жуковскаго, ц. 45 к.—**60**) Фонвизинъ. Недоросль, 12 к.—**61**) Черепнинъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 12 к.—**62**) Гречулевичъ.

Праздники Богородичные, 12 к.—**63)** Вадковскій. Бесѣды о пользѣ пчеловодства, 8 к.—**64)** Козловъ. **Княгиня Н. Б. Долгорукая**, 7 к.—**65) Мысли о воспитаніи и ученіи.** Спб. 1898 г. 5 к.—**66) Школьная библіотека** и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церк.-приходск. школъ), 3 к.—**67) А. Поповъ. Сборникъ духовныхъ стихотвореній**, ц. 35 к.—**68) Сборникъ методическихъ разъясненій**, ц. 60 к.—**69—72) С. Арсеньева.** Разсказы изъ русской исторіи, 1, 2, 3 и 4, ц. 2 р. 40 к.—**73)** Ея же. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. 1, ц. 60 к.—Вып. II, ц. 60 к.—**74)** Свящ. **К. Ивановскій.** Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ, ц. 45 к.—**75)** То же, сокращенное изданіе, ц. 10 к.—**76) О христіанскомъ воспитаніи**, ц. 20 к.—**77) Полянскій Ив. Чтенія по естествознанію**, ц. 1 р. 50 к.— **78) Завьяловъ А.** Римскія катакомбы, ц. 80 к. — **79)** Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ, ц. 1 р. 30 к. — **80) Очеркъ просвѣтительной дѣятельности Н. И. Ильминскаго**, съ приложеніемъ его статьи—**Бесѣды о народной школѣ**, ц. 20 к.—**81) Анастасіевъ.** Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ, ц. 30 к.

---

82) Школьный календарь за 1897 — 1898 учебный годъ, 30 к. — **83) Школьный календарь** за 1898—1899 учебн. годъ, 30 к.—**84) Школьный календарь** за 1899—1900 учебный годъ, 30 к.—**85) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Томъ I. Всенощное бдѣніе. 80 №№ пѣснопѣній Львова, Турчанинова, Соловьева, Старорусскаго, Архангельскаго и др. Стр. 1—394. Партитура 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**86) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Томъ II. Часть 1. Литургія (партитура) 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**87) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Томъ II. Часть 2 (партитура), 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.—**88) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Томъ III. Ч. 1 (партитура), 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.—**89) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Т. III. Ч. 2. Партитура, ц. 4 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 1 р. 25 к.), 5 р.—**90) Церковно-пѣвческій сборникъ.** Т. IV. Партитура, ц. 2 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 1 р.) ц. 4 р.—**91) Богогласникъ.** Сборникъ благоговѣйныхъ пѣснопѣній праздникамъ Господнимъ, Богородичнымъ, нарочитыхъ святыхъ и чудотворнымъ иконамъ, а также и другихъ набожныхъ, молитвенныхъ, покаянныхъ и умилительныхъ пѣсней, 1 р.—**92) Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.** 1 р.—**93) Примѣрные чертежи деревянныхъ построекъ** для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ духовнаго вѣдомства со смѣтными исчисленіями. Состав. М. Преображенскій, 2 р. 50 к.—**94) А. Померанцевъ и Н. Козловъ. Примѣрные проекты** одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и смѣты къ нимъ, ц. 3 р.—**95—113) Проекты и смѣты на постройку каменнаго** зданія одноклассной церковно-приходской школы. №№ 1—19, ц. по 1 р. за каждый.—**114) Церковно-приходскія школы и школы грамоты Россійской Имперіи** въ 1896 и 1897 годахъ (извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода). Спб. 1899, 20 к.—**115) Высочайше утвержденныя положенія:** а) о школахъ духовнаго вѣдомства и б) объ управленіи церковными школами, 10 к.

